ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС

Том 7. № 6/2021

DISCOURSE

Volume 7. No. 6/2021

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2021

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.
Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 71225.
Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).
Издается с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.
Языки: русский, английский.
Редакция журнала: 197376, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, http://discourse.etu.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора
Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь
М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
Е. В. Боднарук, д-р филол. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия
А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия
П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия
Ю. А. Дубовский, д-р филол. наук, проф., Пятигорский государственный ун-т, Пятигорск, Россия
С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕврАзЭС, СПб., Россия
В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия
А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия
Н. В. Казаринова, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия
Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
Б. В. Марков, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия
В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия
Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия
А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия
Е. В. Строгецкая, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия
Н. А. Трофимова, д-р филол. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия
В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия
С. В. Чебанов, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия
А. А. Шумков, д-р филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия
С. В. Шустова, д-р филол. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия
В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия
М. П. Яценко, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия
Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom
Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia
Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:
Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:
• Философские науки (онтология и теория познания; этика; логика; философия науки и техники; социальная философия; философская антропология; философия культуры).
• Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
• Теоретическое и прикладное языкознание (германские языки; теория языка; прикладная и математическая лингвистика).
Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.
Задачи:
• публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;
• осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
• интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
• усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.
Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте https://discourse.etu.ru

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

© Оформление. СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2021

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015).
Subscription index in "Press of Russia" catalogue 71225.
Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University
Founded in 2015. Issued 6 times a year.
Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.
Editorial adress: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Prof. Popov Str., St Petersburg 197376, Russia.
Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, http://discourse.etu.ru

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief
Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary
Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia
Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia
Yurii A. Dubovskiy, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia
Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia
Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia
Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia
Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Boris V. Markov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia
Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia
Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia
Elena V. Strogetskaya, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia
Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia
Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia
Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia
Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia
Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia
Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Mikhail P. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom
Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia
Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:
• Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, ethics, logic, philosophy of science and technology, social philosophy, philosophical anthropology, philosophy of culture);
• Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
• Theoretical and applied linguistics (Germanic languages, language theory, applied and mathematical linguistics).
The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.
All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:
• Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
• Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
• Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
• Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.
Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at https://discourse.etu.ru

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

© Design. ETU, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Изгарская А. А., Лукьянов Н. Е. Терроризм в современной миросистеме: к проблеме перспектив междисциплинарного исследования 5
Пономарёв А. И., Фролов К. Г. О зависимости восприятия от желаний 17
Пафомова Л. А. Эволюция взглядов на ценность научного знания в западной философии 28
Андреева О. В. Трансформация художественных образов мирового и отечественного кино в эпоху постмодерна 42

СОЦИОЛОГИЯ

Герасимов С. В. Динамика событийных процессов информационного общества: социальные функции фейка и хайпа 62
Вострова Е. И. Российский туризм в эпоху пандемии Covid-19: новые тренды 74
Тхакахов В. Х. Малая родина в пространстве гражданской идентичности 83
Бороноев А. О. К. М. Тахтарев – один из первых профессиональных социологов России. К 150-летию со дня рождения 97

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Свистун Т. И., Ильичева И. Л. Прецедентные явления: трансформационные процессы 109
Диль А. В. Лексико-семантическая и синтаксическая валентность языковых репрезентаций эмоционального мира человека в стихотворении Т. Мура «Then, fare thee well» 120
Кононова И. В., Клепикова Т. А., Кленова Е. А. Способы выражения позиции автора в англоязычной сетевой кинорецензии 132
Журавлева О. М., Ульяницкая Л. А., Шумков А. А. Особенности переводов «Фламандских легенд» Шарля де Костера на нидерландский язык 146

Правила представления рукописей авторами 160

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Izgarskaya A. A., Lukyanov N. E. Terrorism in the Modern World-System: Towards the Problem of Prospects for Interdisciplinary Research 5
Ponomarev A. I., Frolov K. G. On Dependency between Wishes and Perception 17
Pafomova L. A. Evolution of Views on the Value of Scientific Knowledge in Western Philosophy 28
Andreeva O. V. Transformation of Artistic Imageries of the World and National Cinema in the Era of Postmodern 42

SOCIOLOGY

Gerasimov S. V. Dynamics of Event Processes in the Information Society: Social Functions of Fake and Hype 62
Vostrova E. I. Russian Tourism in the Era of the Covid-19 Pandemic: New Trends 74
Thakahov V. Kh. Small Homeland in the Context (Space) of Civil Identity 83
Boronoev A. O. K.M. Takhtarev is one of the First Professional Sociologists in Russia. To the 150th Anniversary of His Birth 97

LINGUISTICS

Svistun T. I., Ilyicheva I. L. Precedent Phenomena: Transformation Processes 109
Diehl A. V. Lexical-Semantic and Syntactic Valency of Language Representations of the Emotional World in the Poem “Then, fare thee well” by T. Moore 120
Kononova I. V., Klepikova T. A., Klenova E. A. Expressing the Author's Position in the English-Language Network Film Review 132
Zhuravleva O. M., Ulianitckaia L. A., Shumkov A. A. “Flemish Legends” by Charles de Coster. The Peculiarities of the Traslations into Dutch 146

Философия
Philosophy

УДК 141.2; 323.28
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2021-7-6-5-16
Оригинальная статья / Original paper

Терроризм в современной миросистеме: к проблеме перспектив междисциплинарного исследования

***А. А. Изгарская*[1]✉, *Н. Е. Лукьянов*[2]**

[1]*Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия*

[2]*Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия*

✉aizgarskaya@gmail.com

Введение. Многогранность подходов и тематик исследования терроризма, а также очевидные различия аксиологических оснований в оценках террористической активности позволяют авторам поставить вопрос о междисциплинарном исследовании данной проблемы. Под терроризмом они понимают нелегитимное политическое противостояние в борьбе за власть с применением средств насилия в целях устрашения или физического устранения противника.

Методология и источники. Методологической основой работы является миросистемная концепция И. Валлерстайна. Авторы раскрывают преимущества миросистемного подхода посредством его сравнения с парадигмой политического реализма в теории международных отношений. Они указывают на границы парадигмы политического реализма, которая оперирует на уровне понятий «государство» и «международные коалиции», а явление терроризма включает в себя структуры на уровне групп и организаций. Миросистемный подход позволяет увидеть терроризм как антисистемное движение, порождаемое противоречиями развития самой системы, различать просистемный и антисистемный терроризм, проводить анализ данного явления на всех социетальных уровнях. Одним из существенных достоинств миросистемного подхода является его способность аккумулировать разные подходы и смежные дисциплины в целях описания динамики современных обществ. В своих теоретических построениях авторы опираются на типологию террористических организаций О. Лизардо и А. Бергесена, а также на концепцию волн терроризма Д. Раппорта. Они проводят критический анализ типологии терроризма О. Лизардо, А. Бергесена и отмечают, что данная типология помогает увидеть структурный источник (ядро, полупериферия, периферия) и основную структурную цель террористических организаций, однако оставляет за рамками такое явление, как государственный терроризм.

Результаты и обсуждение. В статье описывается терроризм в его взаимосвязи с процессами в миросистеме на разных социетальных уровнях. На супермакроуровне описаны миросистемные условия возникновения волн террористической активности, указаны связи терроризма с борьбой за установление глобального порядка. На макроуровне (уровне политического противостояния за установление некоторой формы порядка внутри государства) авторы исследуют различия терроризма в «закрытых» и «открытых» обществах, отмечают связь всплесков террористической активности с процессом перехода от «закрытого» состояния к «открытому» и наоборот. Связь терроризма с процессами периферизации обществ рассматривается как явление

© Изгарская А. А., Лукьянов Н. Е., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

мезоуровня. Такой терроризм, как правило, локальный и вдохновлен национально-освободительными лозунгами обществ внутренних периферий. Авторы считают, что борьба с государством здесь может идти и за суверенитет, и за спорные территории. К мезоуровню в статье относится деятельность террористических организаций, направленная на мигрантов – выходцев из внешних периферий. Авторы отмечают, что предметом исследований терроризма на микроуровне является, как правило, личность террориста.

Заключение. Использование миросистемного подхода при рассмотрении терроризма видится перспективным и позволяет рассмотреть структурные взаимосвязи, недоступные другим подходам. Авторы выражают надежду, что междисциплинарные возможности миросистемного подхода, его методологический потенциал сможет составить надежные основания последующих исследований терроризма как одного из средств нелегитимного политического насилия в современном мире.

Ключевые слова: терроризм, миросистемный подход, анти- и просистемные движения, периферизация обществ, «открытое» и «закрытое» общества.

Для цитирования: Изгарская А. А., Лукьянов Н. Е. Терроризм в современной миросистеме: к проблеме перспектив междисциплинарного исследования // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 6. С. 5–16. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-5-16

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 19.07.2021; принята после рецензирования 09.10.2021; опубликована онлайн 24.12.2021

Terrorism in the Modern World-System: Towards the Problem of Prospects for Interdisciplinary Research

***Anna A. Izgarskaya*[1]✉*, Nikolai E. Lukyanov*[2]**

[1]*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia*

[2]*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia*

✉aizgarskaya@gmail.com

Introduction. The variety of approaches and topics in the study of terrorism, as well as the obvious difference in axiological grounds for assessing terrorist activity, allows the authors to raise the question of an interdisciplinary study of this problem. The authors understand terrorism as an illegal political confrontation in the struggle for power with the use of violence in order to intimidate or physically eliminate the enemy.

Methodology and sources. The methodological basis of the work is the world-system concept of I. Wallerstein. The authors reveal the advantages of the world-system approach by comparing it with the paradigm of political realism in the theory of international relations. They indicate the boundaries of the paradigm of political realism, which operates at the level of the concepts of "States" and "International Coalitions", while the phenomenon of terrorism includes structures at the level of groups and organizations. The world-systems approach allows researchers to see terrorism as an anti-system movement generated by the contradictions in the development of the system itself, to distinguish between pro-system and anti-system terrorism, to analyze this phenomenon at all societal levels. One of the essential advantages of the world-systems approach is its ability to accumulate different approaches and related disciplines in order to describe the dynamics of modern societies. In their theoretical constructions, the authors rely on the typology of terrorist organizations by O. Lizardo and A. Bergesen, as well as on the concept of waves of terrorism by D. Rapport. The authors conduct a critical analysis of the typology of terrorism by O. Lizardo, A. Bergesen

and note that this typology helps to see the structural source (core, semi-periphery, periphery) and the main structural goal of terrorist organizations, but leaves behind such a phenomenon as state terrorism.

Results and discussion. The authors describe terrorism in its interrelation with processes in the world system at different societal levels. At the super-macro level, the world-systems conditions for the emergence of waves of terrorist activity are described, and the links between terrorism and the struggle to establish a global order are indicated. At the macro level (the level of political confrontation for the establishment of some form of order within the state), the authors investigate the differences between terrorism in "closed" and "open" societies. They note the connection between bursts of terrorist activity and the transition from a "closed" to an "open" state and vice versa. The authors consider the connection of terrorism with the processes of the peripheralization of societies as a meso-level phenomenon. Such terrorism, as a rule, is local and is inspired by the national liberation slogans of the societies of the internal periphery, the authors note that the struggle with the state here can go for both sovereignty and disputed territories. The authors refer to the meso-level the activities of terrorist organizations aimed at migrants who come from the outer periphery. The authors note that the subject of terrorism research at the micro level is, as a rule, the personality of the terrorist.

Conclusion. The use of a world-systems approach to consider terrorism seems promising, and allows researchers to consider structural relations that are not available to other approaches. The authors express the hope that the interdisciplinary capabilities of the world-systems approach, its methodological potential woul be able to form a reliable basis for subsequent studies of terrorism as one of the means of illegitimate political violence in the modern world.

Key words: terrorism, world-system approach, anti- and prosystemic movements, peripheralization of societies, "open" and "closed" societies.

For citation: Izgarskaya A. A., Lukyanov N. E. Terrorism in the Modern World-System: Towards the Problem of Prospects for Interdisciplinary Research. DISCOURSE. 2021. Vol. 7, no. 6, pp. 5–16. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-5-16 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 19.07.2021; adopted after review 09.10.2021; published online 24.12.2021

Введение. События 11 сентября 2001 г. превратили терроризм в явление глобального масштаба и погрузили мир в новый, кажущийся бесконечным виток конфликта. На сегодняшний день исследований, посвященных проблеме терроризма, очень много. В зарубежной печати выходят целые выпуски журналов просто с перечнями публикаций на интернет-ресурсах по анализу терроризма и связанных с ним вопросов [1–3]. Терроризм стал предметом исследования большинства наук о человеке и обществе. Тематика публикаций многогранна. В статьях поднимаются проблемы нерелигиозного и религиозного терроризма, его стратегии и тактики, стратегии и тактики контртеррористических операций, психических особенностей поведения террористов, профилактики распространения терроризма, обеспечения готовности противодействия террористическим актам, оценке его угроз и т. д. Терроризм является глобальной проблемой. Соответственно, для лучшего понимания его истоков и сущности исследовать терроризм необходимо с позиции теорий, объясняющих процессы глобального масштаба.

Помимо этого, следует обратить внимание и на то, что террористическая деятельность в разных источниках может оцениваться неоднозначно. Акт насилия в одних источниках

будет называться терроризмом, в других – борьбой за свободу. Простой пример: Эрнесто Че Гевара для отечественной советской науки и публицистики являлся героем-революционером, современная же оценка его деятельности может быть не просто иной, а диаметрально противоположной. Анализ причин появления таких контрастных оценок может игнорировать идеология, но не наука.

Итак, ответим на два вопроса: 1) какая методология более результативна при исследовании терроризма как глобального явления? 2) от чего зависит аксиологическая коннотация характеристик террористической активности.

Под терроризмом будем понимать нелегитимное политическое противостояние в борьбе за власть с применением средств насилия в целях устрашения или физического устранения противника.

Методология и источники. В современной науке теоретическими основаниями исследования глобальных процессов часто становятся реалистская парадигма теории международных отношений (Г. Моргентау, Дж. Кеннан, Г. Киссинджер, К. Уолтц) и миросистемный подход (И. Валлерстайн, Дж. Арриги, С. Амин, Ф. Кардозо и др.).

Исследование терроризма с позиции реалистской традиции международных отношений имеет ряд методологических проблем. Во-первых, в данной парадигме присутствует поверхностный анализ противоречий, порождающих конфликты в современном мире. Например, в русле парадигмы «демократического мира» Р. Кеохэн и А. Бьюкенен решают проблему предотвращения угроз терроризма. Не исследуя противоречия, порождающие конфликты, они предлагают создать космополитический союз демократических стран с особыми полномочиями и правом превентивного применения силы [4]. Определение «оси зла» и акцент на превентивные методы борьбы с терроризмом возрождают знакомую политическую риторику периода «холодной войны» о борьбе «свободного Западного мира с деспотичным Востоком» и «цивилизации с варварством». Во-вторых, использование доктрины реализма с целью научного анализа террористических явлений весьма проблематично, так как реалистская парадигма оперирует на уровне понятий «государство», «международные коалиции» и тому подобных, а явление терроризма включает в себя структуры не только на супермакроуровне, а именно – государственных коалиций и отдельных государств, но и на уровне групп и организаций [5].

Исследование терроризма с позиции миросистемного подхода видится как наиболее перспективное. Миросистемный анализ позволяет увидеть терроризм как антисистемное движение, порождаемое противоречиями развития самой системы и направленное на ее слом, насильственное изменение частей ее отдельных структурных элементов (государств ядра, полупериферии, периферии) и политическое противостояние национальным властям усилиями вооруженных групп и организаций. Применение миросистемного подхода позволяет различать терроризм антисистемный и терроризм, используемый в целях поддержания господствующего порядка в мировой системе, назовем данный тип просистемным. Существенным достоинством данного подхода является также его способность различать структурные источники терроризма в миросистеме (ядро, полупериферия, периферия) и обнаруживать соответствующие им различия. Помимо этого, миросистемный анализ позволяет проводить исследования на разных социетальных уровнях. В отличие от реалистской парадигмы международных отношений, как правило, ограничивающей исследования макро-

уровнем, миросистемный подход позволяет исследовать проблему во всем спектре социетальных уровней.

Следует назвать еще одно важное достоинство миросистемного подхода – его междисциплинарность, способность аккумулировать разные подходы и смежные дисциплины в целях описания динамики современных обществ. В науке есть представление о том, что исследование терроризма требует междисциплинарного подхода. Например, М. Эстрада и А. Хан отмечают в этом отношении: «Успех исследования терроризма зависит от гибкости и динамизма методов и приемов, адаптированных исследователями путем отбора соответствующих техник и методов посредством интеграции различных областей знаний. Следовательно, при исследовании терроризма необходимо учитывать междисциплинарный исследовательский подход, который мог бы способствовать изучению различных социально-экономических и политических проблем терроризма, которые могут оказывать негативное влияние на общество» [6, с. 8]. Следует согласиться с этими авторами: для исследования терроризма действительно «необходимо включить большое количество междисциплинарных академических областей, таких как экономика, финансы, социология, политические науки, образование, информационные технологии, окружающая среда, эконометрика и географические науки, чтобы глубоко объяснить сложное террористическое поведение, которое влияет на различные социальные группы в гражданском обществе в разных географических районах при разных исторических событиях» [6, с. 11]. Поддерживая идею необходимости междисциплинарного подхода, следует задаться вопросом о методологии. Многообразие подходов и парадигм исследования терроризма могут привести к методологической эклектике. На наш взгляд, выбор миросистемного подхода в качестве теоретико-методологического основания позволит избежать такой опасности.

Среди зарубежных публикаций, посвященных теоретическому осмыслению терроризма с позиции миросистемного подхода, следует выделить статьи таких авторов, как О. Лизардо и А. Бергесен [7–9]. Исследуя связь терроризма со структурными элементами миросистемы (ядро, полупериферия, периферия), они обозначили четыре его типа (см. таблицу). К первому типу («Т1») они отнесли «терроризм, совершаемый действующими лицами ядра против правительственных организаций ядра». Ко второму типу («Т2») они относят «терроризм, который берет свое начало на периферии или полупериферии и направлен на другие периферийные или полупериферийные правительства». Третий тип («Т3») – террористическая деятельность, «которая берет свое начало на периферии или полупериферии и направлена против государства ядра» [7, с. 163]. К четвертому типу («Т4») О. Лизардо и А. Бергесен относят террористическую деятельность, исходящую или опирающуюся на помощь государства ядра. В данную категорию они включают большинство «разведывательных» операций ЦРУ в полупериферийных и периферийных странах со слабыми правительствами, что способствует политическим переворотам и народным восстаниям против непопулярных лидеров [7, с. 187]. Последний тип терроризма, в отличие от трех первых, является просистемным, он направлен на расширение сферы влияния и могущества субъектов ядра.

Анализ предложенной О. Лизардо и А. Бергесеном типологии показывает, что она не может претендовать на абсолютную полноту анализа терроризма, однако указывает на тот или иной его структурный источник, а также на его основную структурную цель в миросистеме. При этом нельзя исключать переход террористической организации от одного типа к другому. Например, «Аль-Каида» была создана при активном содействии США в целях

борьбы с советскими войсками, дислоцированными в Афганистане («Т4»). Однако после распада СССР главной ее целью становятся США и, соответственно, меняется место данной организации в типологии («Т1»). Помимо этого, деятельность террористических организаций, острие борьбы которых направлено на государства и общества ядра, может распространяться и на полупериферии, и на периферии, поддерживающие глобальный порядок, установленный в интересах экономических и политических элит стран ядра. Примером может служить ИГИЛ. Следует отметить, что в данной типологии не находит отражение такой имеющий место в миросистемном подходе термин, как «государственный терроризм».

Примеры террористических организаций в структуре миросистемы
(на основании идей О. Лизардо, А. Бергесена)
Examples of terrorist organizations in the structure of the world-system
(based on the ideas of O. Lizardo, A. Bergesen)

		Направлены против субъектов		
		ядра	**полупериферии**	**периферии**
Созданы в субъектах	**ядра**	**«Т 1»** «Красные бригады» (ФРГ); «Шотландская национальная освободительная армия»; «Движение в защиту Уэльса» (Великобритания); «Секретная вооруженная организация» (Франция); «Аум синрикё» (Япония)	**«Т 4»** (просистемный) снабжение оружием, финансовая поддержка афганских боевиков США в период холодной войны и др.	
	периферии и полупериферии	**«Т 3»** «Аль-Каида» после распада СССР; ИГИЛ, «Хезболла» и др.	**«Т 2»** «Народная воля» (Россия 1879–1887 гг.); «Черная рука» (сербская организация против Австро-Венгрии, 1901–1917 гг.); «Молодая Босния» (сербско-боснийская организация против Австро-Венгрии, 1912–1914 гг.); Терроризм на Кавказе в Российской Федерации в 1990-е гг.	

Результаты и обсуждение. Применение миросистемного подхода при исследовании терроризма требует анализа его связей с процессами в миросистеме на разных социетальных уровнях и другими формами антисистемных движений. Обозначим глобальный уровень (в терминах И. Валлерстайна – уровень миросистемы) как супермакроуровень.

1. ***Супермакроуровень.*** Субъектами антисистемных движений на супермакроуровне являются субъекты (государства, организации, личности), способные противостоять господствующему в миросистеме порядку. От других антисистемных движений, выступающих за изменение глобального порядка («рабочее движение», «зеленые», «антиглобалисты», «феминизм» и т. д.), террористические организации отличаются тем, что, во-первых, используют вооруженные методы насилия и, во-вторых, они не могут быть инкорпорированы в систему.

Терроризм и пульсация глобализации. Следует отметить, что на связь всплесков терроризма с глобализацией указывает большинство ученых. При этом глобализация рассматривается ими чаще всего как явление, присущее исключительно современной эпохе. В миросистемном подходе, напротив, считается, что наблюдаемый нами сегодня процесс глобализации не уникален, подобные процессы уже протекали в истории капиталистической миросистемы и были связаны с ее расширением. В связи с этим современный международный

терроризм имеет аналоги в прошлом. Подъем терроризма, как правило, наблюдается в период накопления противоречий в миросистеме и начала упадка государства-гегемона. Так, А. Бергесен и О. Лизардо отмечают, что «волны терроризма возникают в полупериферийных зонах миросистемы во время пульсаций глобализации, когда доминирующее государство находится в упадке» [8, с. 38]. Вслед за Д. Рапопортом они выделяют четыре волны террористической активности. Первая волна (1879–1914 гг.) берет начало в русском анархизме, в террористической организации «Народная воля» и заканчивается с началом Первой мировой войны. Вторая волна (1945–1969 гг.) поднимается в связи с ростом антиколониальной борьбы периферийных обществ и спадает в 1969 г. вследствие распада колониальной системы. Третья волна (1960–1989 гг.) появляется в форме радикальных левых террористических групп в Европе и Латинской Америке и исчезает с распадом СССР в 1991 г. С 1979 г. и по настоящее время наблюдается четвертая волна – религиозного терроризма [7, с. 164]. При этом ученые проводят аналогии между первой и текущей волнами. Обе волны являются последствиями глобализационных процессов и расширения влияния государства-гегемона (Великобритании в первом случае, США – во втором) и стран ядра. Обе волны начинаются в полупериферийных обществах и выходят за их пределы, обе возникают на фоне начала упадка гегемона. Ученые отмечают схожесть целей, степень радикализма, проводят параллели в содержании идеологий «Народной воли», нечаевцев и арабо-исламского фундаментализма. О. Лизардо и А. Бергесен в отношении последнего пункта отмечают: «Если нынешняя волна арабо-исламского террора использует религию для прикрытия своей нигилистической политики, то анархизм XIX в. использовал нигилистическую политику, чтобы скрыть свой религиозный апокалиптический подтекст» [7, с. 176].

Терроризм и борьба за глобальный порядок в миросистеме. Субъектами антисистемных движений на супермакроуровне могут выступать коалиции государств, а также отдельные государства, чьи действия направлены на разрушение сложившейся международной системы (например, США в период борьбы за независимость, наполеоновская Франция, Германия периода Первой мировой войны, Россия после Октябрьской революции 1917 г. и возникший далее блок социалистических государств, а также Германия, Италия, Япония в период фашизма). На данном уровне формой антисистемного движения может быть разрыв сетей неравного обмена с лидером миросистемы. Разрыв сетей неравного обмена часто происходит в ситуации военного соперничества, в процессе которого «челленджер» системы бросает вызов ее «гегемону» (в терминах Дж. Модельски [10]). Ярким историческим примером антисистемного разрыва сетей неравного обмена может служить континентальная блокада Великобритании Наполеоном. Оспаривание существующего в миросистеме порядка, претензия «челленджера» на власть, как правило, сопровождается формированием иной, отличной от господствующей в миросистеме идеологии. Такие идеологии могут успешно питать террористические организации. Примеров здесь множество, таковыми являлись исповедовавшие революционно-социалистическую идеологию партизанские отряды революционной Кубы, «Фракция Красной армии» в Германии, «Прямое действие» во Франции и др. Просистемной реакцией на распространение идей коммунизма был террор правых организаций, например, «Армия освобождения Португалии», «Родина и свобода» (Чили), «Текос» (Мексика) и др. Антисистемной идеологией являются и неофашистские идеологии, такие как «Кагуляры» во Франции, «Белая рука» в Гватемале и др.

Следует отметить, что формы насилия, наблюдаемые в антисистемных движениях, включая терроризм, могут использоваться в качестве средств просистемного влияния. Страны ядра могут осуществлять разрыв сетей неравного обмена, вести войны, способствовать развитию «оранжевых» революций, создавать и финансировать террористические организации. При этом, как правило, поддержка таких террористических организаций не зависит от того, какую идеологию данная организация исповедует, основная цель – ослабление и дестабилизация оппонента, угрожающего существующему в миросистеме порядку.

2. ***Макроуровень*** представляет собой уровень политического противостояния за установление некоторой формы порядка внутри государства.

Терроризм в «закрытых» и «открытых» обществах. В случае так называемого открытого общества или, в терминах миросистемного подхода, встроенного на уровне сетей неравного обмена в мировую систему производства и распределения капитала, политика государства по отношению к антисистемным организациям и движениям будет носить просистемный характер. С одними антисистемными движениями государство достигает компромисса, и они становятся частью системы, к другим, в частности к террористическим организациям, государство применяет репрессивные методы. В «закрытых обществах», там, где сети неравного обмена с миросистемой частично разорваны, а само государство ведет антисистемную политику, ситуация складывается иначе. Противостояние государственной власти здесь, как правило, ведется под просистемными идеалами и целями. Государство само организует террор, защищая установленный в процессе революции порядок, оно проводит массовые репрессии, «чистки», «борьбу с инакомыслящими» и таким образом продолжает антисистемную политику, часто включая репрессивный аппарат на полную мощность по отношению не только к вооруженным группам террористов, но и к законопослушным гражданам.

Значительный интерес для исследования подъема террористической активности групп внутри страны вызывает процесс перехода общества из «закрытого» в «открытое» и наоборот. Процесс перехода к «открытому обществу» с конца 1970-х гг. протекает во многих арабо-мусульманских государствах, что поставило мир перед террористическими вызовами исламского фундаментализма. Переход к «открытому» состоянию постсоветской России также сопровождался всплеском терроризма на Кавказе. Такой переход может порождать террор со стороны государства по отношению к гражданскому обществу. Ярким примером здесь может быть террор в эпоху диктатуры Пиночета в Чили.

Часто в научной литературе не разделяют терроризм супермакро- и макроуровней, не берут во внимание его анти- или просистемность. Например, А. Бергесен и О. Лизардо отмечают, что «государственный терроризм включает в себя все, начиная с периода террора во время Французской революции; через сталинские чистки, суды и лагеря; к бомбардировкам союзниками Дрездена с целью терроризировать немецкое население во время Второй мировой войны» [8, с. 38]. От внимания ученых ускользает то, что в первых двух случаях действуют государства, провозглашавшие антисистемную повестку в миросистеме, при этом их действия направлены в первую очередь на собственных граждан, в то время как бомбардировка Дрездена, осуществленная в феврале 1945 г. Королевскими военно-воздушными силами Великобритании и Военно-воздушными силами США, была направлена на население государства – возмутителя спокойствия в миросистеме и по своей сути была

просистемной. Все три случая являются примерами государственного терроризма, однако первые два иллюстрируют терроризм макроуровня государств с антисистемной повесткой, а последний пример – просистемный государственный терроризм супермакроуровня.

3. ***Мезоуровень.*** *Терроризм и периферизация обществ.* Терроризм на данном уровне чаще всего локальный и вдохновлен национально-освободительными лозунгами обществ внутренних периферий, борьба может идти и за суверенитет, и за спорные территории.

Терроризм против метрополии. Периферийные области, как правило, образуются в процессе расширения влияния государств ядра и полупериферий. Подчинение периферии происходит при помощи и экономических, и политических инструментов, а также путем прямого военного вмешательства. Процесс подчинения легитимируется в глазах граждан ядра и полупериферии часто как «помощь», «защита» или «стабилизация» «слабых», «отстающих», «страдающих» от чьей-либо агрессии обществ. Подчинение периферии сопровождается формированием периферийных политических и экономических элит, чьи интересы совпадают с интересами элит ядра (или элит полупериферии) в сфере эксплуатации ресурсов периферизируемого общества. Хищническая политика ведет к делигитимации власти элит периферии и формированию центров сопротивления. Такие центры, как отметил Дж. Симпсон, могут развиваться, «превращаясь в военизированные повстанческие движения, оспаривающие монополию на принуждение в пространстве национального государства. Асимметрия военного потенциала или крайние идеологические позиции в отношении нелегитимности государства могут привести к стратегиям скрытого и неизбирательного нападения на государственные, гражданские и военные институты, а также тех, кто воспринимается как их представители. Такая практика, определяемая государствами как незаконная, то есть “террористическая”, может становиться мишенью, особенно если критерии выбора повстанцев являются культурными или символическими и, следовательно, кажутся произвольными» [11, с. 512].

Следует отметить, что такие террористические группы могут существовать и во внутренних периферриях стран ядра. В ядре примером деятельности таких террористических организаций могут быть действующие в Великобритании «Шотландская национальная освободительная армия», «Движение в защиту Уэльса». В странах ядра терроризм может принимать форму противодействия политике правительства по предоставлению национального суверенитета бывшим национальным перифериям. В данном случае примерами могут быть «Секретная вооруженная организация» (OAS), выступавшая против предоставления Францией национальной независимости Алжиру, «Черная рука» (сербская организация против Австро-Венгрии, 1901–1917 гг.), «Молодая Босния» (сербско-боснийская организация против Австро-Венгрии, 1912–1914 гг.) и др.

Терроризм против мигрантов из периферизируемых обществ. Периферизация обществ приводит к большому притоку населения с окраин в периферизирующий их центр (метрополию). Довольно часто такие группы населения подвергаются экономической и социальной дискриминации. Джеймс А. Пьяцца устанавливает взаимосвязь между экономической дискриминацией меньшинств и направленных против них действий террористических групп. Он утверждает, что «страны, в которых наблюдается экономическая дискриминация групп меньшинств, значительно чаще подвергаются внутренним террористическим атакам, тогда как страны, в которых отсутствуют группы меньшинств или меньшинства не сталки-

ваются с дискриминацией, значительно реже сталкиваются с терроризмом» [12, с. 339]. В российской действительности примером может быть взрыв на Черкизовском рынке 21 августа 2006 г., произведенный националистической группой «СПАС». Террористические акты против мигрантов часто совершают террористы-одиночки (микроуровень), увлеченные идеями антисемитизма, расизма, неонацизма, различных вариантов ультраправого экстремизма и т. д.

4. ***Микроуровень.*** Предметом исследования терроризма на данном уровне является личность террориста, его поведение, мировоззрение, уровень образования и т. д. В данной области достаточно большой вес занимают работы психологов, педагогов, философов. Обобщить результаты исследований терроризма в этих областях на основе миросистемного подхода в рамках одной статьи не представляется возможным. Остановимся лишь на одном замечании. В соответствии с миросистемной методологией можно было бы предположить, что к международной террористической деятельности должны быть склонны в большей мере выходцы из общественных низов, однако это не подтверждается. Исследования показывают, что между бедностью и участием в терроризме нет прямой связи. А. Крюгер и Й. Малечкова отмечают, что «примерно две трети идентифицированных террористов – это люди с университетским образованием, выпускники университетов или аспиранты» [13, с. 144]. С одной стороны, это объясняется тем, что представители данного социального слоя обладают бóльшими материальными и интеллектуальными ресурсами, бóльшим интересом к политике и поэтому с большей вероятностью примут в ней участие. С другой стороны, образованные люди из среднего или высшего классов более привлекательны для террористической организации, так как «лучше подходят для совершения актов международного терроризма, чем обнищавшие неграмотные, потому что террористы должны вписаться в чужую среду, чтобы добиться успеха» [13, с. 144].

Заключение. Делая вывод, подчеркнем, что миросистемный подход позволяет установить глубинные связи терроризма с противоречиями развития современной миросистемы. Используя миросистемный подход, мы обретаем возможность увидеть терроризм как явление антисистемной и просистемной направленностей, а зависимость его аксиологической коннотации от соответствующей позиции оценивающего. Следует отметить, что полученные теоретические конструкции требуют развития, уточнения и дальнейшей эмпирической проверки. Способность миросистемного подхода аккумулировать разные направления и смежные дисциплины, его методологический потенциал конструирования системно взаимосвязанных моделей разных социетальных уровней вселяет надежду на успех дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Jongman B. Recent Online Resources for the Analysis of Terrorism and Related Subjects // Perspectives on Terrorism. 2019. Vol. 13, iss. 5. P. 189–228.

2. Jongman B. Recent Online Resources for the Analysis of Terrorism and Related Subjects // Perspectives on Terrorism. 2021. Vol. 15, iss. 1. P. 233–264.

3. Jongman B. Recent Online Resources for the Analysis of Terrorism and Related Subjects // Perspectives on Terrorism. 2021. Vol. 15, iss. 2. P. 292–325.

4. Buchanan A., Keohane R. The Preventive Use of Force: A Cosmopolitan Institutional Proposal // Ethics & International Affairs. 2004. Vol. 18, iss. 1. P. 1–22. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1747-7093.2004.tb00447.x

5. Изгарская А. А. Внешние и внутренние факторы в теоретических моделях развития общества: теория модернизации и парадигмы теории международных отношений (оценка когнитивного потенциала) // Вестн. НГУ. Серия: Философия. 2008. Т. 6, № 2. С. 96–101.

6. Estrada M. A. R., Khan A. The Evolution and Perspectives of the Terrorism Academic Research // SSRN. 2020, January 20. URL: https://ssrn.com/abstract=3522390 (дата обращения: 21.06.2021). DOI: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3522390.

7. Lizardo O. A., Bergesen A. J. Types of Terrorism by World System Location // Humboldt J. of Social Relations. 2003. Vol. 27, № 2. P. 162–192.

8. Bergesen A. J., Lizardo O. A. International Terrorism and the World-System // Sociological Theory. Theories of Terrorism: A Symposium. 2004. Vol. 22, № 1. P. 38–52.

9. Lizardo O. A. The Effect of Economic and Cultural Globalization on Anti-U.S. Transnational Terrorism 1971–2000 // J. of World-system Research. 2006. № 12 (1). P. 149–186. DOI: DOI: https://doi.org/10.5195/jwsr.2006.374.

10. Модельски Дж. Системная модель долгого цикла // Время мира: альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / под ред. Н. С. Розова. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. Вып. 3: Война и геополитика. С. 486–501.

11. Simpson J. Stabilization Operations and Structural Instability in the Contemporary World-system // Routledge Handbook of World-Systems Analysis / ed. by S. J. Babones, C. Chase-Dunn. 2012. N. Y.: Routledge. P. 512–514.

12. Piazza J. A. Poverty, minority economic discrimination, and domestic terrorism // J. of Peace Research. 2011. Vol. 48, №. 3. Special Issue: New Frontiers of Terrorism Research. P. 339–353. DOI: https://doi.org/10.1177/0022343310397404.

13. Krueger A. B., Malecková J. Education, Poverty and Terrorism: Is There a Causal Connection? // The J. of Economic Perspectives. 2003. Vol. 17, № 4. P. 119–144. DOI: 10.1257/089533003772034925.

Информация об авторах.

Изгарская Анна Анатольевна **–** доктор философских наук (2015), ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН, ул. Николаева, д. 8, Новосибирск, 630090, Россия. Автор 92 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, политическая философия, миросистемный подход, геополитика, философия образования. ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9313-0805. E-mail: aizgarskaya@gmail.com

Лукьянов Николай Евгеньевич **–** старший преподаватель института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета, Вилюйская ул., д. 28, Новосибирск, 630126, Россия. Автор более 30 публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, право социального обеспечения, международное частное право, противодействие терроризму, национальная безопасность. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4068-8340. E-mail: lukjanoffnick@yandex.ru

REFERENCES

1. Jongman, B. (2019), “Recent Online Resources for the Analysis of Terrorism and Related Subjects”, *Perspectives on Terrorism*, vol. 13, iss. 5, pp. 189–228.

2. Jongman, B. (2021), “Recent Online Resources for the Analysis of Terrorism and Related Subjects”, *Perspectives on Terrorism*, vol. 15, iss. 1, pp. 233–264.

3. Jongman, B. (2021), “Recent Online Resources for the Analysis of Terrorism and Related Subjects”, *Perspectives on Terrorism*, vol. 15, iss. 2, pp. 292–325.

4. Buchanan, A. and Keohane, R. (2004), “The Preventive Use of Force: A Cosmopolitan Institutional Proposal”, *Ethics & International Affairs*, vol. 18, iss. 1, pp. 1–22. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1747-7093.2004.tb00447.x

5. Izgarskaya, A.A. (2008), "External and Internal Factors in Theoretical Models of Social Development: The Theory of Modernization and the Theories of International Relations (An Evaluation of Cognitive Potential)", *Vestnik NSU: Philosophy*, vol. 6, no. 2, p. 96–101.

6. Estrada, M.A.R. and Khan, A. (2020), "The Evolution and Perspectives of the Terrorism Academic Research", *SSRN*, Jan. 20. available at: https://ssrn.com/abstract=3522390 (accessed 21.06.2021). DOI: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3522390.

7. Lizardo, O.A. and Bergesen, A.J. (2003), "Types of Terrorism by World System Location", *Humboldt J. of Social Relations*, vol. 27, no. 2, pp. 162–192.

8. Bergesen, A.J. and Lizardo, O.A. (2004), "International Terrorism and the World-System", *Sociological Theory. Theories of Terrorism: A Symposium*, vol. 22, no. 1, pp. 38–52.

9. Lizardo, O.A. (2006), "The Effect of Economic and Cultural Globalization on Anti-U.S. Transnational Terrorism 1971-2000", *J. of World-system Research*, no. 12 (1), pp. 149–186. DOI: DOI: https://doi.org/10.5195/jwsr.2006.374.

10. Modelski, J. (2003), "The system model of a long cycle", *Vremya mira: al'manakh sovremennykh issledovanii po teoreticheskoi istorii, makrosotsiologii, geopolitike, analizu mirovykh sistem i tsivilizatsii. Vyp. 3: Voina i geopolitika* [Time of the world: an almanac of modern research in theoretical history, macrosociology, geopolitics, analysis of world systems and civilizations. Issue 3: War and geopolitics], in Rozov, N.S. (ed.), Izd-vo NGU, Novosibirsk, RUS, pp. 486–501.

11. Simpson, J. (2012), "Stabilization Operations and Structural Instability in the Contemporary World-system", *Routledge Handbook of World-Systems Analysis*, ed. by Babones, S.J. and Chase-Dunn, C., Routledge, NY, USA, pp. 512–514.

12. Piazza, J.A. (2011), "Poverty, minority economic discrimination, and domestic terrorism", *J. of Peace Research*, vol. 48, no. 3, *Special Issue: New Frontiers of Terrorism Research*, pp. 339–353. DOI: https://doi.org/10.1177/0022343310397404.

13. Krueger, A.B. and Malecková, J. (2003), "Education, Poverty and Terrorism: Is There a Causal Connection?", *The J. of Economic Perspectives*, vol. 17, no. 4, pp. 119–144. DOI: 10.1257/089533003772034925.

Information about the authors.

Anna A. Izgarskaya – Dr. Sci. (Philosophy) (2015), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, 8 Nikolaeva str., Novosibirsk 630090, Russia. The author of 92 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, political philosophy, world-system approach, geopolitics, philosophy of education. ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9313-0805. E-mail: aizgarskaya@gmail.com

Nikolai E. Lukyanov – Senior Lecturer at the Institute of History, Humanities and Social Education, Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Vilyuiskaya str., Novosibirsk 630126, Russia. The author of over 30 publications. Area of expertise: social philosophy, social security law, private international law, countering terrorism, national security ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4068-8340. E-mail: lukjanoffnick@yandex.ru

УДК 165.18 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2021-7-6-17-27
Оригинальная статья / Original paper

О зависимости восприятия от желаний

***А. И. Пономарёв*[1], *К. Г. Фролов*[1, 2]✉**

[1]*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*
[2]*Высшая школа экономики, Москва, Россия*

✉kgfrolov@etu.ru

Введение. Статья посвящена проблеме зависимости результатов чувственного восприятия от некогнитивных ментальных состояний познающего агента, таких как его желания. Эмпирические исследования последних лет убедительно показывают, что на характер чувственного восприятия могут оказывать влияние иные ментальные состояния агента. Целью статьи является анализ того, как наличие каузальной связи между желаниями агента и его ощущениями может влиять на эпистемологический статус зависимых ощущений.

Методология и источники. Методологическую базу исследования составил критический анализ аргумента С. Сигель о понижении эпистемологического статуса ощущений, зависимых от желаний. С. Сигель утверждает, что эмпирически доказанная зависимость ощущений от желаний (wishful seeing) должна вести к понижению эпистемологического статуса ощущений в той же мере, в какой зависимость убеждений от желаний (wishful thinking) ведет к понижению эпистемологического статуса этих убеждений. Тем самым аргумент Сигель ведет к тому, что феномен wishful seeing влечет снижение оснований для принятия ощущений в качестве заслуживающего доверия свидетельства о положении дел в мире, что является аргументом в пользу скептицизма.

Результаты и обсуждение. В статье рассмотрены две основные стратегии отклонения аргумента Сигель. Согласно первой стратегии, предложенной Р. Лонгом, ощущения не настолько аналогичны убеждениям, чтобы можно было заключить о понижении их эпистемологического статуса на основании их зависимости от желаний. На примере «истинных галлюцинаций» показано, что существуют зависимые переживания, которым можно рационально доверять. Согласно другой стратегии опровержения аргумента Сигель, предложенной А. Рафтопулосом, влияние желаний на восприятие не распространяется на раннее зрение, которое свободно от влияния со стороны сознательных ментальных процессов более высокого порядка. Зависимость результатов чувственного восприятия от других ментальных состояний сводится к влиянию этих состояний на внимание агента. При этом внимание поддается волевому контролю и тренировке, а потому зависимому восприятию при определенных условиях можно рационально доверять.

Заключение. Таким образом, показано, что, даже несмотря на зависимость восприятия от других некогнитивных ментальных состояний, таких как желания, эта зависимость необязательно приводит к понижению эпистемологического статуса ощущений, т. е. ощущениям можно при определенных условиях рационально доверять. Это означает, что аргумент Сигель в пользу скептицизма не является убедительным.

Ключевые слова: восприятие, философия восприятия, содержание восприятия, скептицизм, обоснование, ощущения.

© Пономарёв А. И., Фролов К. Г., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Пономарёв А. И., Фролов К. Г. О зависимости восприятия от желаний // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 6. С. 17–27. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-17-27

Финансирование: статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых – кандидатов наук, проект МК-703.2021.2 «Натуралистическая эпистемология агентности и моральной ответственности при разработке и использовании технологий дополненного интеллекта».

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 06.09.2021; принята после рецензирования 24.09.2021; опубликована онлайн 24.12.2021

On Dependency between Wishes and Perception

***Andrei I. Ponomarev*[1], *Konstantin G. Frolov*[1, 2]✉**

[1]*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*
[2]*Higher School of Economics, Moscow, Russia*

✉kgfrolov@etu.ru

Introduction. Empirical studies of recent years convincingly show that the character of sensory perception can be influenced by non-cognitive mental states of the agent, such as her desires. The aim of the paper is to analyze how this causal connection between agent's wishes and her sensations can affect the epistemological status of dependent sensations.
Methodology and sources. The author examines S. Siegel's argument on this issue. S. Siegel argues that the empirically proven dependence of sensations on desires (wishful seeing) should lead to a decrease of the epistemological status of sensations to the same extent as the dependence of beliefs on desires (wishful thinking) leads to a decrease of the epistemological status of these beliefs. Thus Siegel's argument concludes that the phenomenon of wishful seeing deprives us of any reason to accept sensations as credible evidence of the states of the world. So, this is an argument in favor of skepticism.
Results and discussion. The article discusses two main strategies for rejecting Siegel's argument. According to the first strategy proposed by R. Long, sensations are not so similar to beliefs that one can conclude that their epistemological status should be decreased on the basis of their dependence on desires. According to another strategy for refuting Siegel's argument, proposed by A. Raftopoulos, the influence of desires on perception does not extend to early vision. Early vision is free from the influence of higher order conscious mental states. The dependence of the results of sensory perception on other mental states is reduced to the influence of these states on the agent's attention. At the same time, attention can be volitionally controlled and can be trained. Therefore dependent perception under certain conditions can be rationally accepted.
Conclusion. Thus, the article shows that, even though perception is dependent on other non-cognitive mental states, such as desires, this dependence does not necessarily lead to a decrease in the epistemological status of sensations, so sensations can be rationally accepted under certain conditions. This means that Siegel's argument for skepticism is not compelling.

Keywords: perception, philosophy of perception, content of perception, skepticism, justification, sensations.

For citation: Ponomarev A. I., Frolov K. G. On Dependency between Wishes and Perception. DISCOURSE. 2021. Vol. 7, no. 6, pp. 17–27. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-17-27 (Russia).

Source of financing: The work was supported by a grant of the President of the Russian Federation for young scientists – candidates of sciences (project MK-703.2021.2 “Naturalistic epistemology of

agency and moral responsibility in the development and use of augmented intelligence technologies”).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 06.09.2021; adopted after review 24.09.2021; published online 24.12.2021

Введение. Исследование механизмов влияния сознательных процессов высокого порядка на качественную специфику чувственного восприятия является актуальной научной и эпистемологической задачей. Действительно, если характер перцептивных переживаний может зависеть от некогнитивных ментальных состояний агента, таких как его желания, то возникает сомнение в том, можно ли доверять чувственному восприятию. Допустимо ли рационально обосновывать свои убеждения на основании таких зависимых переживаний? На первый взгляд кажется, что на данный вопрос следует ответить отрицательно, однако такой ответ влечет за собой проблему скептицизма. Задача статьи состоит в том, чтобы выяснить, ведет ли возможная зависимость ощущений от желаний к понижению эпистемологического статуса чувственного восприятия.

Под эпистемологической значимостью ощущений и убеждений понимается их способность служить корректным обоснованием для других убеждений о положении дел в мире. Ментальные состояния с высоким эпистемологическим статусом – это такие состояния, содержанию которых можно рационально доверять. Так, если познающий агент, будучи в наркотическом опьянении, испытывает галлюцинации и ему кажется, что перед ним на столе стоит чашка, хотя никакой чашки нет, то у такого агента формируется ложное убеждение. Очевидно, что перцептивным переживаниям, являющимся галлюцинациями, доверять не следует. Соответственно, такие состояния обладают весьма низким эпистемологическим статусом. Однако тот факт, что человек не подвергался галлюцинациям, еще не говорит о том, что результатам его чувственного восприятия можно доверять и с их помощью обосновывать убеждения о положении дел в мире.

Так, существует ряд эмпирических исследований, которые демонстрируют наличие каузальной зависимости чувственного восприятия от других ментальных состояний агента. Например, черно-белое изображение банана при определенных условиях может восприниматься агентом как желтое, потому что ему известно, что обычно бананы желтые [1]. Черно-белое изображение лица с выраженными негроидными чертами может восприниматься агентом как более темное по сравнению с такого же цвета изображением лица, имеющего европеоидные черты, потому что испытуемому известно, что представители негроидной расы имеют темный цвет кожи [2].

Наиболее показательным в этом отношении оказался эксперимент 2001 г. [3]. В нем испытуемым демонстрировали серии изображений, которые изначально были поделены на две категории. Первая категория содержала изображения пистолетов и инструментов, таких как молоток или дрель. Вторая категория состояла из изображений лиц людей с негроидными и европеоидными чертами лица. Испытуемым поочередно быстро показывали изображения из первой и второй категорий, а затем просили назвать, что было изображено на картинке из первой категории: пистолет или инструмент. Эксперимент показал, что если перед изображением инструмента продемонстрировать изображение человека с негроидными чертами лица, то респонденты склонны ошибаться чаще, называя показанный затем

инструмент пистолетом. Организаторы эксперимента специально ограничили время для ответа испытуемого коротким промежутком, чтобы респонденты выдавали быстрый, необдуманный ответ. В противном случае человек с расистскими предрассудками мог бы обнаружить их у себя при длительном обдумывании ответа, и, с учетом того, что в обществе расизм является предосудительным, мог бы выдать не тот ответ, который соответствует его восприятию и убеждениям, а тот, который считается «социально приемлемым». Хотя краткое время ответа без возможности обдумывания также не гарантирует выявление человеческих убеждений, однако оно позволяет выявить систематические стереотипные перцептивные тенденции. Данный опыт показывает бытовые расистские стереотипы, согласно которым соседство людей негроидной расы с предметами делает эти предметы немного опаснее, чем соседство людей других рас, что свидетельствует о влиянии убеждений на характер чувственного восприятия познающих агентов.

Методология и источники. Исследование построено на анализе аргумента С. Сигель о понижении эпистемологического статуса ощущений, зависимых от желаний (wishful seeing) [4] и двух стратегий опровержения этого аргумента (Лонг [5], Рафтопулос [6]). Исследование включает анализ мысленных экспериментов, а также реальных случаев, описанных в когнитивных исследованиях.

Результаты и обсуждение. Зависимость содержания визуальных перцептивных переживаний от желаний агента получила название wishful seeing по аналогии с зависимостью убеждений от желаний wishful thinking. Такая зависимость возможна, когда у желания и восприятия одно и то же содержание: агент хочет, чтобы произошло событие *e* и при этом он видит, что произошло событие *e* [7]. Например, человек смотрит спортивную трансляцию чемпионата по конным скачкам. При этом он болеет за определенную лошадь и хочет, чтобы она выиграла забег. Ближе к концу забега он видит, что его фаворит вместе с ближайшим преследователем вырываются вперед и что первой финишную линию пересекает именно та лошадь, за которую он болел. Если финишеры пересекают линию с существенным отрывом друг от друга, то трудно говорить о влиянии желания на восприятие, однако если борьба между участниками забега была до самого конца, то в таких условиях может быть сложно определить, кто же на самом деле победил. Тем не менее зритель уверен, что он точно видел первым пересекшим линию своего фаворита. В данном случае можно говорить о влиянии желания на чувственное восприятие.

Для демонстрации того, что результаты не всякого восприятия, на которое оказали влияние желания, являются ложными, можно привести модельный пример. Пусть некий ученый любит публичные выступления, он хочет быть популярным. Иногда он видит, что публика явно довольна его выступлением, на основании чего делает вывод, что выступление прошло успешно. Какая часть аудитории должна демонстрировать довольное поведение, чтобы можно было обоснованно считать выступление успешным? Если довольными являются 100 % слушателей, то не возникает никаких рациональных сомнений в успехе выступления. Однако требование 100 % довольных выглядит чрезмерным. Очевидно также, что если довольных слушателей имеется лишь 1 %, то такое выступление никак нельзя признать успешным. Признание выступления успешным возможно только при наличии определенной доли довольных выступлением слушателей, но само это количество может варьироваться в зависимости от индивидуальных предпочтений: одному ученому для признания

своего выступления успешным может быть достаточно и 30 %, другому, более требовательному, будет недостаточно и 70 %.

Для простоты примем, что аудитория составляет 100 чел., а обоснованным критерием успешности выступления является наличие хотя бы 50 % довольной аудитории. Трудность, однако, состоит в том, что в перцептивном акте невозможно охватить такую аудиторию и увидеть всех довольных или недовольных людей. Ученый видит настрой лишь некоторых людей по итогам своего доклада.

В такой ситуации желание влияет на убеждение (wishful thinking) агента тогда, когда в силу желания ученого, чтобы его выступление было успешным, он полагает, что нескольких увиденных им довольных людей вполне достаточно для того, чтобы заключить, что в целом довольных людей в аудитории было больше половины, а значит, его выступление было успешным. Желание признать свое выступление успешным лишает такого ученого какой-либо мотивации проверять свидетельства своего убеждения о собственном успехе.

В свою очередь зависимость чувственного восприятия от желания (wishful seeing) возможна тогда, когда при взгляде на аудиторию ученый видит в ней больше довольных слушателей, чем есть на самом деле. Так, если довольных в аудитории 60 чел., но желающему быть популярным ученому кажется, что в аудитории 70 % довольных, то его восприятие сообщает ему ошибочную информацию. Однако его убеждение об успешности своего выступления все равно является обоснованным! Потому что в противном случае, если бы вместо него перед той же аудиторией с тем же докладом выступал некий другой ученый, то он, не будучи подвержен влиянию со стороны желания быть успешным, увидел бы те самые 60 % довольных, которые и имелись в аудитории. И его убеждение об успехе собственного выступления было бы вполне обоснованным. При этом нет никаких оснований для того, чтобы считать убеждение второго ученого обоснованным, а убеждение первого ученого необоснованным.

Аналогично ситуация обстоит и с непопулярным выступлением. Ученый под влиянием своего желания быть успешным видит, что довольных в зале 20 %, в то время как в действительности таковых лишь 10 %. Если он на основании своего искаженного восприятия становится убежден в том, что его выступление непопулярно, то его убеждение остается обоснованным, даже несмотря на имеющуюся зависимость его восприятия от желания.

Проблемным восприятие будет в тех случаях, когда довольными являются 45 % аудитории, а ученый видит, что довольны 55 %. В этом случае ученый будет убежден в том, что его выступление популярно, но это будет ложное убеждение, поскольку на самом деле количество довольных недостаточно для того, чтобы считать выступление популярным. Сам ученый считает свое убеждение обоснованным, но это будет очевидно ошибочное убеждение.

Аргумент Сигель. С. Сигель [4] выстраивает свою аргументацию на основании допущения о том, что зависимое от желаний зрение (wishful seeing) подобно зависимому от желаний убеждению (wishful thinking). Зависимое от желаний убеждение не является рационально обоснованным, поэтому зависимому от желаний чувственному восприятию также не стоит доверять. Аргумент Сигель состоит из трех суждений:

1. Зависимость убеждений от желаний (wishful thinking) делает убеждения плохо обоснованными.

2. Зависимость ощущений от желаний возможна.

3. Убеждения подобны ощущениям. Если зависимость убеждений от желаний делает убеждения плохо обоснованными, то и зависимость ощущений от желаний понижает эпистемологическую значимость ощущений.

Вывод: зависимость ощущений от желаний понижает эпистемологическую значимость ощущений.

Истинность посылки 1 является очевидной. Зависимость убеждений от желаний является проблемой для эпистемологического статуса таких убеждений. Например, если человек очень хочет, чтобы сегодня был не дождливый день, и при этом видит с утра в окне переменную облачность, он приходит к выводу, что дождь сегодня не пойдет. Он осведомлен о том, что в дождливые дни с утра бывает и облачная, и ясная погода, поэтому в другие дни он не делает выводов, о том, пойдет дождь или нет. Однако сегодня он такой вывод сделал, сегодня он полностью убежден, что дождя не будет. Такая убежденность вызвана именно сильным желанием. Убеждение в том, что сегодня дождя не будет, не является более обоснованным, чем в другие дни, но уверенность в содержании этого убеждения сегодня у человека выше. Излишнее доверие может приводить к негативным последствиям. В частности, человек, основываясь на своем убеждении, может намеренно не взять зонт перед выходом на улицу и промокнуть.

Влияние желаний на убеждения носит, таким образом, каузальный характер. Желания являются причиной того, что те или иные убеждения принимаются агентом. При этом желания сами по себе не являются непосредственным источником убеждений, т. е. нельзя сказать, что убеждение возникло из одного желания. Убеждение возникло на основании некоторых данных, почерпнутых из восприятия положения дел за окном. Однако восприятие двух качественно неразличимых положений дел за окном может приводить агента в разные дни к разным убеждениям. В какой-то день человек может прийти к убеждению, что дождь будет, в другой день может не прийти ни к какому убеждению относительно погоды. Таким образом, желания влияют на убеждения вплоть до того, что наличие сильного желания устраняет альтернативы и оставляет лишь одну: убеждение в том, что дождь не пойдет.

Желания могут также влиять и на восприятие (посылка 2). Например, человеку нравится красный цвет. Если он видит что-то красное, то у него улучшается настроение. Сейчас человек хочет, чтобы его настроение улучшилось, поэтому он начинает искать в окружающем мире красные предметы. Если желание увидеть красный предмет достаточно велико, то человеку может показаться, что он видит красный предмет, даже если в действительности он смотрит на морковь. Именно желание ответственно за то, что при взгляде на морковь человеку кажется, что он видит предмет красного цвета.

Подобие между ощущениями и убеждениями (посылка 3) заключается в том, что желания сходным образом влияют на переживания и ощущения, поэтому зависимость ощущений от желаний понижает эпистемологический статус ощущений аналогично тому, как зависимость убеждений от желаний понижает эпистемологический статус убеждений. В случаях зависимости убеждений от желаний обычно содержание желания совпадает с содержанием убеждения. В описанном выше случае, человек хочет, чтобы дождь сегодня не пошел (хочет, чтобы *p*) и убежден, что дождь сегодня не пойдет (убежден, что *p*). Убеждения, зависящие от желаний, могут характеризоваться низким эпистемологическим статусом, если эти убеждения игнорируют некоторые доводы и свидетельства, касающиеся их истинности. Так,

агент может быть вполне знаком со множеством случаев, когда ясная погода с утра сменялась дождливой погодой вечером, но при формировании своего убеждения он все же по каким-либо причинам игнорирует такое знание.

Существует два типа влияния желаний на восприятие. В случае влияния первого типа желание непосредственно влияет на то, как человек воспринимает предметы, на качественную специфику их восприятия. Второй тип влияния желаний на восприятие предполагает, что желание влияет на внимание и другие способы фильтрации информации. В отличие от первого варианта, наличие желания влияет не на то, какими предметы воспринимаются, а только на то, какая именно информация поступает в сознание. При этом оба типа влияния, как и в случае с убеждениями, характеризуют контролирующую функцию желания: если бы желания не было, то состояние восприятия с желаемым содержанием не возникло бы.

Две стратегии возражения Сигель. Первая стратегия заключается в отрицании посылки 3. Так, Р. Лонг полагает, что зависимость между желанием и восприятием не ведет к понижению эпистемологического статуса перцептивных переживаний [5]. Основная атака Лонга направлена на посылку 3, т. е. на подобие между ощущениями и убеждениями. С точки зрения Лонга каузальная связь между желаниями и убеждениями и, соответственно, между желаниями и ощущениями не такая, как полагает Сигель. Лонг приводит в пример случай «истинной галлюцинации» Д. Льюиса [8].

Представим себе ситуацию, когда человек подвергается галлюцинации, но содержание галлюцинации совпадает с тем, что человек увидел бы, если бы ее не было. Подверженному галлюцинации человеку кажется, что перед ним на столе лежит желтый лимон, и на самом деле перед ним на столе лежит желтый лимон. В данном случае чувственное восприятие агента будет ложным, потому что оно является галлюцинацией, однако убеждение, что перед человеком на столе есть лимон, будет истинным, потому что на столе перед ним действительно есть лимон. Перцептивные переживания принципиально отличаются от убеждений тем, что переживания более чувствительны к той каузальной цепочке, которая привела к их появлению. Убеждения могут быть получены любым путем, в том числе и путем удачи [9, 10], и при этом оставаться истинными, тогда как ощущения, полученные некорректным путем, в любом случае являются ложными.

Каузальное влияние зависимости ощущений от желаний на эпистемологический статус ощущений может продемонстрировать аналог мысленного эксперимента Г. Франкфурта, часто упоминаемого в дискуссиях о моральной ответственности. Представим себе двух человек, Блэка и Джонса. Блэк хочет, чтобы Джонс совершил действие А. Если Джонс решит не совершать действие А, то Блэк вмешается и определенными средствами заставит Джонса совершить действие А. Таким образом, нет никаких возможных вариантов развития событий, в которых не будет совершено действие А. Тем не менее в ситуации, когда Блэк не вмешивается и действие А совершено, Джонс несет полную ответственность за совершение этого действия [11]. Аналогичная ситуация, с точки зрения Лонга, происходит и в отношении влияния желания на восприятие. Желание истинности *p* не позволяет увидеть не-*p*, но в случае истинности *p* желание не имеет каузального воздействия на восприятие. Поэтому сама по себе зависимость восприятия от желаний не является основанием для понижения эпистемологического статуса перцептивных переживаний.

Дэвид Льюис полагал, что в этом случае доверять восприятию можно только на основании регулярности. Если субъект все время находится под действием галлюцинации, но его суждения об окружающем мире истинны, то этому источнику галлюцинации можно доверять [8]. В обсуждаемом случае зависимости восприятия от желания нужно найти некоторую регулярность в отношении между желанием и положением дел. Для того чтобы зависимость восприятия от желания не понижала эпистемологический статус перцептивных переживаний, необходимо знание такой зависимости. На основе известных регулярных связей каждый человек способен понять, приводит ли его сильное желание к иллюзиям или к слабо искаженным переживаниям, способным выступать в качестве свидетельств тех или иных положений дел в мире.

Вторая стратегия заключается в отрицании посылки 2. А. Рафтопулос [6] считает, что, несмотря на многочисленные свидетельства влияния ментальных состояний выского порядка на восприятие, на первых этапах обработки мозгом зрительной информации (раннем зрении) эти состояния все же не способны воздействовать на восприятие. Рафтопулос обосновывает это тем, что информация из отделов раннего зрения в отделы позднего зрения поступает слишком быстро. Если бы влияние сознания на восприятие существовало на ранних стадиях обработки зрительной информации, то раннее зрение занимало бы больше времени. Полученная информация на этапе раннего зрения не претерпевает значительных изменений или искажений, все искажения относятся лишь к позднему зрению. Таким образом, даже в зависимых переживаниях представлена полная информация из визуального поля. Сознательные процессы не могут позволить агенту не видеть некоторые из воспринимаемых им объектов или положений дел в буквальном смысле этого слова.

Многочисленные опытные данные о влиянии сознания на восприятие Рафтопулос приписывает поздним этапам обработки зрительной информации. Влияние сознания на поздних этапах обработки зрительной информации заключается в специфической работе внимания [12]. Благодаря обучению и запоминанию, внимание человека концентрируется на специфических предметах и игнорирует другие. Например, один человек чаще в своей жизни сталкивался с разными оттенками красного цвета, знает названия разных оттенков и умеет их отличать, тогда как другой не имеет такого большого опыта взаимоотношений с красным цветом. Когда два человека смотрят на один и тот же красный предмет, они получают одинаковую сенсорную информацию, но на этапе позднего зрения усвоенная первым информация будет больше, чем усвоенная вторым: второй агент замечает в визуальном поле только цвет предмета, тогда как первый агент кроме цвета замечает еще и оттенок. Аналогичным образом желания влияют на внимание, заставляя замечать одни предметы и не замечать другие. В модифицированной версии предыдущего примера можно представить себе двух человек, у которых имеются разные желания по отношению к оттенкам красного: один агент хочет получить знание об оттенке, а не только о цвете предмета, в то время как другому агенту достаточно знания цвета. Желание провоцирует специфическую работу внимания: благодаря своему желанию первый агент может внимательно рассмотреть специфический оттенок красного.

Знание о том, что внимание ответственно за искажение восприятия на стадии позднего видения, позволяет избежать понижения эпистемологического статуса переживаний. Если человек с зависимыми от желаний переживаниями будет знать о подобной зависимости, то

он сможет противостоять понижению эпистемологического статуса переживаний. У познающего агента имеется возможность дополнительной волевой концентрации внимания на той информации, которая ускользает от зависимых переживаний. Такая стратегия требует от агента знания о потенциальной зависимости между своими желаниями и переживаниями для того, чтобы этой зависимости можно было противостоять. Влияние желаний на восприятие исключить невозможно, но можно выстроить стратегию, при которой результаты восприятия будут иметь высокий эпистемологический статус. Аналогичным образом и в рамках первой стратегии пример «истинных галлюцинаций» не опровергает зависимость между восприятием и желаниями, но показывает, что результатам зависимого восприятия при определенных условиях можно доверять.

Заключение. Скептический аргумент базируется на допущении, что при зависимости восприятия от желаний не существует возможности установить степень достоверности перцептивной информации. В свою очередь аргумент Сигель в пользу уменьшения эпистемологического статуса перцептивных переживаний, зависящих от желаний, основывается на сходстве результатов чувственного восприятия и убеждений в том, что и чувственное восприятие, и убеждения могут быть каузально связаны с желаниями. Рассмотренные возражения позволяют преодолеть основания для скептицизма. На примере устойчивых «истинных галлюцинаций» показано, что влияние желаний на восприятие может не приводить к уменьшению эпистемологического статуса переживаний. Кроме того, под вопросом остается сама возможность влияния желаний на перцептивные переживания. Так, позиция Рафтопулуса отрицает такую возможность, поскольку влияние на чувственное восприятие проявляется только на сравнительно поздних этапах обработки зрительной информации. Таким образом, восприятие в некоторой степени может зависеть от желаний, но эта зависимость не приводит к истинности скептической установки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Memory Modulates Color Appearance / T. Hansen, M. Olkkonen, S. Walter, K. R. Gegenfurtner // Nature Neuroscience. 2006. Vol. 9, iss. 11. P. 1367–1368. DOI: 10.1038/nn1794.

2. Levin D. T., Banaji M. R. Distortions in the Perceived Lightness of Faces: The Role of Race Categories // J. of Experimental Psychology: General. 2006. Vol. 135, № 4. P. 501–512. DOI: https://doi.org/10.1037/0096-3445.135.4.501.

3. Payne K. Prejudice and Perception: The Role of Automatic and Controlled Processes in Misperceiving a Weapon // J. of Personality and Social Psychology. 2001. Vol. 81, № 2. P. 181–192. DOI: 10.1037/0022-3514.81.2.181.

4. Siegel S. How is Wishful Seeing Like Wishful Thinking? // Philosophy and Phenomenological Research. 2017. Vol. 95, iss. 2. P. 408–435. DOI: https://doi.org/10.1111/phpr.12273.

5. Long R. How Wishful Seeing is not Like Wishful Thinking // Philosophical Studies. 2018. Vol. 175, iss. 6. P. 1401–1421. DOI: https://doi.org/10.1007/s11098-017-0917-2.

6. Raftopoulos A. The Cognitive Impenetrability of Perception and Theory-ladenness // J. for General Philosophy of Science. 2015. Vol. 46, iss. 1. P. 87–103. DOI: https://doi.org/10.1007/s10838-015-9288-6.

7. McGrath M. Siegel and the Impact for Epistemological Internalism // Philosophical Studies. 2013. Vol. 162, iss. 3. P. 723–732. DOI: 10.1007/s11098-012-0055-9.

8. Lewis D. Veridical Hallucination and Prosthetic Vision // Australasian J. of Philosophy. 1980. Vol. 58, № 3. P. 239–249. DOI: https://doi.org/10.1080/00048408012341251.

9. Черняк А. З. Знание и удача // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 2. С. 61–78. DOI: https://doi.org/10.5840/eps202057222.

10. Baumann P. No Luck with Knowledge? On a Dogma of Epistemology // Philosophy and Phenomenological Research. 2014. Vol. 89, iss. 3. P. 523–551. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1933-1592.2012.00622.x.

11. Frankfurt H. G. Alternate Possibilities and Moral Responsibility // The J. of Philosophy. 1969. Vol. 66, iss. 23. P. 829–839. DOI: 10.2307/2023833.

12. Marchi F. The Epistemic Role of Early Vision: Cognitive Penetration and Attentional Selection // Rivista Internazionale di Filosofia e Psicologia. 2020. Vol. 11, no. 3. P. 385–396. DOI: https://doi.org/10.4453/rifp.2020.0027.

Информация об авторах.

Пономарёв Андрей Игоревич – ассистент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия восприятия, философия сознания. E-mail: aiponomarev@etu.ru

Фролов Константин Геннадьевич – кандидат философских наук (2017), научный сотрудник Международной лаборатории логики, лингвистики и формальной философии Высшей школы экономики, Покровский бул., д. 11, Москва, 109028, Россия; научный сотрудник кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 22 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия восприятия, философия сознания. E-mail: kgfrolov@etu.ru

REFERENCES

1. Hansen, T., Olkkonen, M., Walter, S. and Gegenfurtner, K.R. (2006), “Memory Modulates Color Appearance”, *Nature Neuroscience*, vol. 9, iss. 11, pp. 1367–1368. DOI: 10.1038/nn1794.

2. Levin, D.T. and Banaji, M.R. (2006), “Distortions in the Perceived Lightness of Faces: The Role of Race Categories”, *J. of Experimental Psychology: General*, vol. 135, no. 4, pp. 501–512. DOI: https://doi.org/10.1037/0096-3445.135.4.501.

3. Payne, K. (2001), “Prejudice and Perception: The Role of Automatic and Controlled Processes in Misperceiving a Weapon”, *J. of Personality and Social Psychology*, vol. 81, no. 2, pp. 181–192. DOI: 10.1037/0022-3514.81.2.181.

4. Siegel, S. (2017), “How is Wishful Seeing Like Wishful Thinking?”, *Philosophy and Phenomenological Research*, vol. 95, iss. 2, pp. 408–435. DOI: https://doi.org/10.1111/phpr.12273.

5. Long, R. (2018), “How Wishful Seeing is not Like Wishful Thinking”, *Philosophical Studies*, vol. 175, iss. 6, pp. 1401–1421. DOI: https://doi.org/10.1007/s11098-017-0917-2.

6. Raftopoulos, A. (2015), “The Cognitive Impenetrability of Perception and Theory-ladenness”, *J. for General Philosophy of Science*, vol. 46, iss. 1, pp. 87–103. DOI: https://doi.org/10.1007/s10838-015-9288-6.

7. McGrath, M. (2013), “Siegel and the Impact for Epistemological Internalism”, *Philosophical Studies*, vol. 162, iss. 3, pp. 723–732. DOI: 10.1007/s11098-012-0055-9.

8. Lewis, D. (1980), “Veridical Hallucination and Prosthetic Vision”, *Australasian J. of Philosophy*, vol. 58, no. 3, pp. 239–249. DOI: https://doi.org/10.1080/00048408012341251.

9. Chernyak, A.Z. (2020), “Knowledge and Luck”, *Epistemology & Philosophy of Science*, vol. 57, no. 2, pp. 61–78. DOI: https://doi.org/10.5840/eps202057222.

10. Baumann, P. (2014), "No Luck with Knowledge? On a Dogma of Epistemology", *Philosophy and Phenomenological Research*, vol. 89, iss. 3, pp. 523–551. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1933-1592.2012.00622.x.

11. Frankfurt, H.G. (1969), "Alternate Possibilities and Moral Responsibility", *The J. of Philosophy*, vol. 66, iss. 23, pp. 829–839. DOI: 10.2307/2023833.

12. Marchi, F. (2020), "The Epistemic Role of Early Vision: Cognitive Penetration and Attentional Selection", *Rivista Internazionale di Filosofia e Psicologia*, vol. 11, no. 3, pp. 385–396. DOI: https://doi.org/10.4453/rifp.2020.0027.

Information about the authors.

Andrei I. Ponomarev **–** Assistant Lecturer at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 10 scientific publications. Area of expertise: philosophy of perception, philosophy of consciousness. E-mail: aiponomarev@etu.ru

Konstantin G. Frolov **–** Can. Sci. (Philosophy) (2017), Research Officer at the International Laboratory for Logic, Linguistics and Formal Philosophy, Higher School of Economics, 11 Pokrovsky blvd., Moscow 109028, Russia; Research Officer at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 22 scientific publications. Area of expertise: philosophy of perception, philosophy of consciousness. E-mail: kgfrolov@etu.ru

УДК 140.8; 001.8 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2021-7-6-28-41
Оригинальная статья / Original paper

Эволюция взглядов на ценность научного знания в западной философии

Л. А. Пафомова✉

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

✉lapafomova@etu.ru

Введение. В статье проанализирована эволюция взглядов на ценность научного знания в различных направлениях западной философии, начиная с античного периода до XX в. Актуальность статьи обусловлена тем, что взгляд на научное знание как на ценность научной реальности является достаточно новым явлением.

Методология и источники. Методологическая основа работы – культурфилософский анализ различных точек зрения в произведениях как античных философов, так и мыслителей эпохи Возрождения, Нового времени (Платона, Аристотеля, Пифагора, Фомы Аквинского, Леонардо да Винчи, Ф. Бэкона, Локка, Гоббса, Декарта, Спинозы), а также в работах О. Конта, Спенсера, Маха, Пуанкаре, Пирса, Джеймса, Дьюи, Ясперса, Б. Рассела и др. (т. е. представителей позитивизма, экзистенциализма, неотомизма).

Результаты и обсуждение. Сегодня можно выделить два направления отношения к науке: либо ее абсолютизация – сциентизм, либо противопоставляемый науке культ абстрактного человека – антропологизм. Это следствие тех изменений во взглядах на научное знание, которые происходили на протяжении всей истории развития науки. Так, в античный период ценность науки определялась, во-первых, не по отношению к практической деятельности человека, а лишь по ее отношению к знанию и познанию, во-вторых, как способ саморазвития личности. В Средние века наука – «служанка» богословия. В эпоху Возрождения перед наукой вставали новые задачи: первая – антирелигиозное понимание сущности человека, вторая – обоснование роли научного знания как для практики, так и для миропонимания в целом. Именно на этом понимании значения научного знания были построены концепции философов XVII-XVIII вв., и они господствовали вплоть до середины XIX в. С этого периода начинает доминировать односторонний подход: отрицается мировоззренческая роль ценности науки и берется только ее прагматическая ценность. Наряду с этим возникает и критическое отношение к науке, которое перерастает затем в антисциентизм. Сегодня пессимистический подход (постмодернизм, например) к рассмотрению ценности научного знания характерен для современных философских течений, отрицающих не только ценность научного знания, но и само знание.

Заключение. Оценка научного познания в западной философии претерпела существенные изменения. Если в классической философии за малым исключением преобладало признание всесторонней ценности науки, т. е. ее мировоззренческой, гуманистической и практической ценности, то в дальнейшем ставятся под сомнение все эти три основные аспекта ценности научного знания. В крайних формах это ведет к появлению антисциентизма, для которого именно развитие научного познания – источник бедствий и страданий человека.

© Пафомова Л. А., 2021
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: наука, научное знание, ценность, мировоззрение, агностицизм, скептицизм, позитивизм, неотомизм, экзистенциализм.

Для цитирования: Пафомова Л. А. Эволюция взглядов на ценность научного знания в западной философии // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 6. С. 28–41. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-28-41

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 15.09.2021; принята после рецензирования 25.10.2021; опубликована онлайн 24.12.2021

Evolution of Views on the Value of Scientific Knowledge in Western Philosophy

Ludmila A. Pafomova✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉lapafomova@etu.ru

Introduction. Evolution of views on the value of scientific knowledge in various directions of Western philosophy, from the ancient period to the 20th century is analyzed in the article. The relevance of the article is due to the fact that the view of scientific knowledge as the value of scientific reality is a fairly new phenomenon.

Methodology and sources. The methodological basis of the work is the cultural and philosophical analysis of various points of view in the works of both ancient philosophers, philosophers of the Renaissance and the New times (Plato, Aristotle, Pythagoras, F. Aquinas, Leonard da Vinci, F. Bacon, Locke, Hobbes, Descartes, Spinoza), as well as in the works of O. Comte, Spencer, Mach, Poincare, Pierce, James, Dewey, Jaspers, B. Russell, etc. (i.e. representatives of positivism, existentialism, neo-Thomism).

Results and discussion. Today two directions could be distinguished in the relation to science: either its absolutization, that we name scientism, or the cult of an abstract person opposed to science – anthropologism. This is a consequence of the changes in the views on scientific knowledge that have taken place throughout the history of science. Thus, in the ancient period, the value of science was determined, firstly, not in relation to the practical activity of a human being, but only in relation to science to knowledge and cognition, and secondly, as a way of self-development of the individual. In the Middle Ages, science was the "handmaid" of theology. In the Renaissance science faced new challenges: the first was an anti-religious understanding of the essence of a person, the second was the justification of the role of scientific knowledge both for practice and for the worldview as a whole. It was on this understanding of the meaning of scientific knowledge that the concepts of the philosophers of the XVII–XVIII centuries were built, and they dominated until the middle of the XIX century. From this period, a one-sided approach begins to dominate – the ideological role of the value of science was denied and only its pragmatic value is taken. Along with this, there is also a critical attitude towards science, which then develops into anti-scientism. Today, a pessimistic approach (postmodernism, for example) the approach to the consideration of the value of scientific knowledge is characteristic of modern philosophical trends that deny not only the value of scientific knowledge, but also deny knowledge itself.

Conclusion. The evaluation of scientific knowledge in Western philosophy has undergone significant changes. If in classical philosophy, with a few exceptions, the recognition of the comprehensive value of science prevailed, i.e. its ideological, humanistic and practical value, then in the future all these three main aspects of the value of scientific knowledge are analyzed. In the extreme forms, this leads to the emergence of antiscientism, for which it is the development of scientific knowledge is perceived as a source of human misery and suffering.

Key words: science, scientific knowledge, value, worldview, agnosticism, skepticism, positivism, neo-Thomism, existentialism.

For citation: Pafomova L. A. Evolution of Views on the Value of Scientific Knowledge in Western Philosophy. DISCOURSE. 2021. Vol. 7, no. 6, pp. 28–41. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-28-41 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 15.09.2021; adopted after review 25.10.2021; published online 24.12.2021

Введение. Для того чтобы правильно понять сущность и причины эволюции концепций ценности научного знания в истории человеческой мысли, следует вначале рассмотреть, как структура социально-детерминированных ценностей преломляется в структуре ценности научного знания.

Исходя из того, что ценность следует рассматривать лишь в отношении к исторически определенной социальной организации с учетом своеобразия социальных потребностей, уровня развития и специфики практики, целесообразно выделить три аспекта ценностных характеристик: во-первых, ценность может быть определена по отношению к функционированию и развитию данной общественной организации в целом; во-вторых, ценность можно определить по отношению к отдельному индивиду, включенному в данную систему социальной организации, и, наконец, ценность определяется также по отношению к той или иной социальной группе – классу. Все три аспекта ценности взаимосвязаны, между ними всегда существует некоторое единство, и развитие общества ведет к расширению и углублению этого единства. В то же время между этими аспектами есть и существенные различия, переходящие в противоречивые и даже конфликтные отношения. Одно и то же явление в зависимости от конкретно-исторических условий может играть объективно различную роль по отношению к индивидам, той или иной группе, классу или обществу в целом. В зависимости от этого исторически изменяются и его ценностные характеристики.

Другой подход к выявлению структуры ценностных характеристик, столь же важный для понимания эволюции взглядов на ценность науки, связан с материалистическим пониманием общественного развития. Ценность любого общественного явления должна рассматриваться как в отношении к потребностям, функционированию, развитию материального производства, так и к развитию общественного сознания во всех его формах и проявлениях.

Методология и источники. Методологической основой данной статьи является культурфилософский анализ различных точек зрения в произведениях античных философов, мыслителей эпохи Возрождения, Нового времени, а также в работах О. Конта, Спенсера, Маха, Пуанкаре, Пирса, Джеймса, Дьюи, Ясперса, Б. Рассела и др. Речь идет о представителях позитивизма, экзистенциализма и неотомизма.

Результаты о обсуждение. Вопрос о роли, значении и ценности научного знания, как и знания вообще, впервые стал обсуждаться еще в античной философии. Именно потому, что наука этого периода не только количественно, но и качественно отличалась от науки последующего периода, качественно иным было и отношение к ней.

Античность была эпохой зарождения и развития научных знаний. Она дала такие образцы научных концепций, которые и сегодня отвечают всем требованиям критерия научности. Так, геометрия Эвклида на протяжении многих столетий оставалась образцом

строгого построения научных теорий. Методы, при помощи которых ученым древности удалось вычислить размеры Земли, примерное расстояние до Луны и Солнца, и теперь могут быть признаны вполне научными. И все же наука античности играла сравнительно скромную роль, хотя бы потому что она оставалась фрагментарной. И в силу этой фрагментарности не могла претендовать на достаточно общее и целое описание мира. И все же именно пример успешных научных исследований стал отправным пунктом для развития античной философии. Без возникновения науки не могла бы возникнуть философии вообще и материалистическая философия прежде всего [1].

Роль научного знания в формировании философского мировоззрения привела к тому, что, например, в древнегреческой философии научное знание рассматривалось как нечто чрезвычайно ценное, но ценность науки определялась не по отношению к практической деятельности человека, а лишь по отношению к развитию его духа, мыслительных способностей, понимания сущности мира и т. д. Другими словами, аксиологический аспект научного знания брался лишь по отношению науки к знанию и познанию [2].

Однако существовала и прямо противоположная тенденция, связанная с агностицизмом и скептицизмом, которая также возникла в античной философии. Отрицание самой возможности познания, естественно, приводило к выводу о том, что научное знание не имеет объективной ценности, и в лучшем случае является лишь способом удовлетворения чисто духовных потребностей или способом саморазвития личности.

Специфическая роль античной науки привела также к абсолютизации ценности теоретического знания и принижению ценности знания эмпирического. Это особенно ярко проявилось в таких идеалистических концепциях, как философия Пифагора, философия Платона и даже философия Аристотеля. Смысл научного познания они видели лишь в том, чтобы раскрыть сущность мира и человека, и сам процесс такого раскрытия являлся конечной целью познания, без всякого отношения к практической деятельности. К. Маркс в «Капитале» указывает, что это общий недостаток всей античной науки.

Период перехода к феодализму, в сущности, не привел к качественному изменению практической значимости научного знания, но в то же время привел к существенному изменению роли научного знания в формировании мировоззрения. Господствующим мировоззрением в эту эпоху становится религия. Философия превращается лишь в средство обоснования и защиты религиозных догм, но религия в принципе противоречит науке, поэтому резко изменяется оценка роли и значения научного знания. Это, по сути, отрицательное отношение к науке, научности сохраняется на протяжении всего Средневековья как господствующая идеология. И хотя, несомненно, существовали тенденции возрождения научного знания, они оставались подавленными. Лишь в эпоху Возрождения научность вновь становится синонимом истинности [3].

Начиная с XVII–XVIII вв., этот этап сменяется этапом, характеризующимся дифференциацией наук. Это было связано с возникновением экспериментальной науки, с потребностями зарождающегося капиталистического производства и общественной практики в более детальном и строгом знании об отдельных явлениях.

Начиная с XIX в., в развитии науки все большее место занимают интеграционные процессы. Это было вызвано накоплением огромного фактического материала, требовавшего теоретического осмысления.

В наши дни для развития науки характерен дифференциально-интегральный процесс. Дифференциация наук сочетается со все более усиливающимся процессом их глубокой интеграции, синтезом научных знаний, комплексным походом, переносом методов исследования из одной области в другую, взаимопроникновением методов. Современное производство становится все более зависимым от успехов научно-исследовательской деятельности, от теоретических разработок. Наука как деятельность по производству знаний становится ведущим фактором развития материального производства, определяет темпы его роста. Многие отрасли промышленности, например электроника, атомная энергетика, производство синтетических материалов, были порождены наукой и успешно функционируют на ее базе.

Как уже отмечалось, на первом этапе своего развития наука качественно отличалась от науки последующих этапов. Отсюда и своеобразная точка зрения на ценность научного знания того времени. Так, для древнегреческой науки характерны свои определенные ценностные установки: постижение бытия как такового ради самого знания; истина заслуживает уважения в силу того, что она истина, а не в силу достоинств того, кто ее высказывает. Это своеобразие ценностной характеристики науки и ее значения определялось также и особенностями социальной жизни полиса, где производственная деятельность, если можно так выразиться, была уделом рабов, а утилитарный аспект интереса к природе рассматривался как недостойный свободного гражданина и тем более философа. У греков, писал Ф. Энгельс, именно потому, что они еще не дошли до расчленения, до анализа природы, природа еще не рассматривается в общем, как одно целое. Она является для греков результатом непосредственного созерцания. В этом недостаток греческой философии, из-за которого она должна была впоследствии уступить место другим воззрениям. Но в этом же заключается и ее превосходство над всеми ее позднейшими метафизическими противниками.

Но ценностный подход к научному знанию, согласно которому главное значение этого знания состоит в понимании сути бытия, в его истинности, не исчерпывает понимания ценностных аспектов науки древнегреческих мыслителей. Эмпедокл, например, указывал на мировоззренческую ценность знания, говоря, что «разум человека растет у людей в соответствии с миропознаньем». Эту же идею, правда с идеалистической точки зрения, высказывал и Платон, считавший, что только человек, правильно пользующийся воспоминаниями, всегда посвящаемый в совершенные таинства, становится подлинно совершенным. Большое значение развитию науки придавал и Аристотель, сделавший первую в истории философии попытку классификации знания [4].

В целом для античного периода характерно позитивное отношение к научному знанию, которое, как правило, выступает лишь как теоретическое.

На смену античному миру приходит феодализм, преобладающей формой идеологии которого была религия. В Средние века устанавливается «духовная диктатура церкви», и христианское миросозерцание превращается в непререкаемую догму, обязательную для всех сословий. Официальной наукой этого времени была схоластическая философия, процесс образования которой завершил Фома Аквинский в середине XIII в. Главной целью средневековой науки была поддержка откровения. А отсюда – ценность науки состояла в рассмотрении ее как средства для иллюстрации теологических истин, так как научное знание само рассматривалось лишь как часть, наряду с откровением совокупной мудрости, которую следует созерцать, ощущать и использовать на службе Богу.

Но, начиная с XV–XVI вв., отношение к науке коренным образом меняется. В это время, как отмечал Ф. Энгельс, были превзойдены достижения древних греков и средневековых арабов и возникло «современное естествознание – естествознание, о котором может идти речь как о науке». Под современным естествознанием Ф. Энгельс подразумевал экспериментальное и математическое естествознание, неизвестное ни древности, ни тем более Средневековью. Постепенно под влиянием практики материального производства и ее теоретического обобщения стали развиваться и совершенствоваться различные отрасли естественных наук. От единой, нерасчлененной науки начинают отделяться области знания – астрономия, механика, математика, позднее – физика, химия, биология и др. В это время взгляды на ценность науки, на ее место в обществе вновь коренным образом меняются. С одной стороны, происходит как бы возвращение к тем взглядам, которые были характерны для древнегреческих философов. А именно: ценность науки рассматривается ни в отношении к религиозному мировоззрению, а с точки зрения его истинности. Причем зачастую оно прямо противопоставляется религиозным представлениям. С другой стороны, это не простое возвращение к представлениям древних. Поскольку сама истинность знания рассматривается не как конечная и абсолютная цель, а в отношении к практической деятельности, как средство в этой деятельности. Эта идея заложена, например, в работах Леонардо да Винчи. Он, придавая значение практике, в то же время понимал всю ценность теоретических обобщений. Леонардо считал, что увлекающийся практикой без науки, словно кормчий, ступающий на корабль без руля или компаса, он никогда не уверен куда плывет... Наука – капитан, а практика – солдаты.

Таким образом, уже в эпоху Возрождения начинается тот процесс, который привел к коренному изменению роли и основных функций не только комплекса естественно-математических наук, но и всей науки в целом. Суть этого изменения состояла прежде всего в том, что качественно изменилась связь науки с материальным производством. Наука становится необходимым условием развития сначала некоторых отраслей производства, а затем и всего производства в целом. Это коренное изменение роли науки, естественно, привело к изменению соотношения ее основных функций. Хотя наука по-прежнему остается важнейшим фактором формирования мировоззрения и, даже более того, по сравнению с эпохой Средневековья эта ее роль существенно возрастает, все же в социальном плане начинает доминировать ее экономическая роль как фактора развития материального производства.

В эпоху Возрождения новые задачи, стоящие перед научным познанием, уже начали осознаваться. Первая – это антифеодальная, а следовательно, антирелигиозное понимание сущности человека, и вторая – обоснование роли и значения научного познания как для практики, так и для миропонимания в целом. Наиболее последовательно эту задачу решал материализм. Философские концепции Бэкона, Гоббса, Локка, французских материалистов XVIII в. были построены на этом новом понимании сущности и роли научного познания. Так, эту мысль мы видим у Ф. Бэкона, завершившего философию той эпохи. Вместо умозрительного идеала схоластики, согласно которой цель знания заключена в самом знании и ценность его – в возможности приближение к пониманию Бога, у Ф. Бэкона подлинное назначение знания, а отсюда и ценность, состоит в том, чтобы сделать человека владыкой природы. Он считал, что власть человека над вещами заключается в одних лишь искусствах и науках. Знание и могущество человека совпадают; знание есть сила, сила есть знание.

Ф. Бэкон справедливо считается первым ученым, который дал науке новое направление и связал ее с прогрессом материальной деятельности «механических искусств». Возрастание ценности науки от этого объединения для него очевидно, как очевидно и то, что «мы можем столько, сколько знаем».

Следует подчеркнуть, что, начиная с этого периода, вплоть до середины XIX в., бэконовская идея «знание – сила» в той или иной степени прослеживается в работах многих философов и ученых. Так, Декарт пишет, что «все знания в целом являются не чем иным, как человеческой мудростью...», и ценность знания состоит в господстве человека над силами природы, в усовершенствовании самой человеческой природы. Для Гоббса значимость знания состояла в как можно более полном постижении причин всех вещей и в том, что богатство знания есть мудрость. Спиноза ратует за то, чтобы «направить все науки к одной цели, а именно к тому, чтобы мы пришли к высшему человеческому совершенству... Поэтому все то, что в науках не подвигает нас к нашей цели, нужно отбросить как бесполезное» [5].

Нужно отметить, что если мыслители XVII в. признают науку достоянием и задачей небольшого числа ученых, резко выделяющихся и возвышающихся над большинством, то позднее, в XVIII в., например в понимании французских материалистов, наука – не достояние избранных, а дело общественное. Такова точка зрения Гельвеция, Гольбаха, Дидро, Ламетри. Для них опытное по своему источнику знание имеет целью не отвлеченное постижение истины, а достижение способности совершенствовать и увеличивать могущество человека.

Таким образом, материализм XVII–XVIII вв. выделил три аспекта ценности научного знания: во-первых, гносеологический аспект, состоящий в его истинности как отражении объективной реальности; во-вторых, практическая ценность науки как средства преобразовательной деятельности человека, в-третьих, как фактора воспитания, развития самой человеческой личности, т. е. мировоззренческий аспект, отнесенный к индивиду.

Характерно, что только материализм всегда относительно последовательно проводил идею о ценности научного знания как в области мировоззрения, так и для развития материального производства, а также для выявления внутренних сущностных сил человека. Однако в эту же эпоху становления капиталистического способа производства в Европе в полной мере выявляется и вторая тенденция. А именно – тенденция односторонней оценки роли и сущности научного познания. Эта вторая тенденция в большей или меньшей степени проявляется во всех формах идеализма, который возникает в противовес материализму и качественно иначе ставит вопрос о ценности научного знания. Даже рационализм XVII в., несмотря на прогрессивные тенденции в нем, на его богатое идейное содержание, о чем говорит К. Маркс в «Святом семействе», в силу своей двойственности, особенно в области гносеологии, оказывается непоследовательным в трактовке ценности научного знания. Эта непоследовательность ярко проявляется в двух отношениях: во-первых, абсолютизируется теоретическое познание и его методы за счет эмпирического познания. А это непосредственно приводит к тому, что акцент с аксиологической точки зрения смещается в сторону мировоззренческой роли науки. Во-вторых, принижение роли эмпирического знания непосредственно связано с тем, что для рационализма экономическая функция научного знания, его связь с производством кажется чем-то несущественным, второстепенным. И здесь мы снова видим как бы возвращение к античной философии и даже к ее идеалистическим

системам, таким как система Платона, система Аристотеля. Здесь еще нет прямого отрицания роли научного познания как важнейшего социального фактора. Однако этому вопросу не уделяется внимания, что впоследствии разовьется в прямое отрицание социальной значимости научного познания [6].

Известно, что историко-научная и философская традиции выделяют, как правило, три главные функции науки: описание, объяснение и предвидение. Для позитивистской концепции характерно рассмотрение значимости науки только с учетом двух функций: описания и предвидения, последнее, как верно отмечено О. Контом, зависит от качества и количества накопленного ранее знания. Но в своих рассуждениях он приходит к выводам, что цель каждой науки – объяснение одних явлений посредством других на основании отношений, существующих между ними, а отсюда полезность науки для производства – это побочный продукт. Он считал, что как ни велики услуги, которые научные теории оказали промышленности, мы не должны забывать, что наука, прежде всего, имеет прямое и возвышенное назначение: удовлетворять наш разум в его основной потребности познавать законы явлений. Но это познание законов у О. Конта не что иное, как только познание отношений, существующих между явлениями, но и то чрезвычайно поверхностное. Конт, как и все его последователи, отказывают научному знанию в гносеологической и мировоззренческой ценности и этим уступают место религии. Практическая ценность науки тоже извращена, так как базируется не на гносеологической основе. Позитивизм, являясь замаскированной формой идеализма, выдавал себя за воззрение, якобы освобождающее науки из-под влияния догматической натурфилософии в интересах положительного знания. Но на самом деле позитивизм родственен агностицизму. В свое время В. И. Ленин подчеркивал, что «агностик – это позитивист». А агностицизм враждебен развитию науки и общественному прогрессу. Он обрекает человеческую мысль на скольжение по поверхности явлений, считает, что люди бессильны проникнуть в истинную сущность мира и познать его законы. Тем самым отвергается достоверность наших знаний, а научное предвидение, значение и ценность научных знаний для мировоззрения фактически сводится к нулю. Кроме того, для позитивизма характерна позиция феноменолизма, т. е. ограничение идеала научного значения описаниям явлений, осознаваемых человеческой психикой. Утверждение позитивизма, что наука должна ограничиваться знанием лишь явлений, но не сущности, отвечать на вопрос «как?», а не «почему?», описывать, а не объяснять, явно противоречит не только практике современных научных исследований, но и всей истории развития науки. Кроме этого, развитие промышленного производства приводит к формированию мировоззрения утилитаризма. Наука не могла стоять в стороне от этого процесса. Практицизм деловой жизни становится и нормой научного мышления. Не случайно поэтому значимость научного знания, например для Спенсера, выступает еще и как средство приспособления к среде, способ «достигать блага и избегать вреда».

«Второй» позитивизм, как и «первый» проповедовал относительность научного знания: наука не дает подлинной картины действительности, а доставляет лишь «отметки», знаки для практики. А отсюда – явное отрицание объективной действительности, отражаемой нашим сознанием, как, например, у Маха, который всякое знание сводил лишь к ощущениям и ценность науки видел лишь в средстве для удобного обозначения многообразия ощущений субъекта.

Надо отметить, что все махисты выводили значимость науки из принципа «экономного мышления», согласно которому наука со своей целью – наиболее «экономное описание» данных опыта, наших ощущений. Но принцип «экономии мышления», если его действительно положить в основу теории познания, не может вести ни к чему, кроме субъективного идеализма. Как считал А. Пуанкаре, экономнее всего мыслить, что существую только я и мои ощущения, раз мы вносим в гносеологию столь нелепое понятие. Неопозитивизму, как и позитивизму, характерны и плоский практицизм, неверие в познавательные способности человека, и отрицание объективного научного прогнозирования, и др. Пуанкаре отмечал, что прогресс науки подвергает опасности самые устойчивые принципы, даже те, которые считались основными.

Примирить веру и науку на основе пересмотра важнейших научных понятий, «освободив» их от материалистического содержания, пытались и представители прагматизма. Так, Пирс как лютый противник материализма, глубоко религиозный человек, всячески стремился оградить религию от наступления науки, понимая, что «дух науки враждебен всякой религии» и пытаясь подвести под здание науки агностический идеалистический фундамент. Ценность наука, по Пирсу, имеет лишь тогда, когда она включается в агностическую теорию сомнения в качестве одного из возможных способов закрепления веры.

Еще в начале XV в. это течение в западной философии представляло собой «восстание против науки», и его дальнейшая история полностью подтверждает это. Прагматизм, вернее его виднейшие представители, такие как Пирс, Джеймс, Дьюи и другие, в своих учениях свели истины науки к «истинам» религии, даже поставили вторые над первыми. Кроме того, наука у них полностью утрачивает свое познавательное содержание. Она перестает быть познанием объективной действительности, а становится лишь вспомогательным орудием, одним из видов опытов для решения и обслуживания индивидуальных или каких-либо других интересов. Недаром Джеймс в своей теории не придает никакого значения научному знанию, науке, полагая, что «она слишком поверхностна и имеет дело лишь с символами». Дьюи, как известно, переименовал прагматизм Джеймса в инструментализм, желая подчеркнуть, что научные знания являются не отражением действительности, а служат своего рода произвольным «инструментом» практической деятельности людей. А задача науки и ее ценность состоит в том, чтобы «составлять планы на будущее и изыскивать средства для их осуществления». Научные знания, науку Дьюи ставит на последнее место в своей классификации видов опытов, она лишается своего объективного содержания, перестает быть развивающейся системой знаний и сводится лишь к совокупности приемов и навыков решения отдельных практических проблем.

Таким образом, на первый взгляд может показаться, что позитивизм чрезвычайно высоко оценивает научное знание. Однако более детальный анализ показывает, что для позитивизма, как для субъективного идеализма вообще, научное знание остается лишь способом сокращенного, удобного фиксирования результатов опытов, которые истолковываются как чистый опыт, т. е. опыт, очищенный от своего реального объекта как объективной реальности. Следовательно, наука в лучшем случае может дать лишь картину субъективного опыта, обобщенно отобразить этот опыт, но она ничего не в состоянии сказать о самой объективной реальности, находящейся вне нашего сознания.

Таким образом, если вначале, в эпоху возникновения и развития западной философии, когда в ней преобладает материалистическое мировоззрение, аксиологический аспект научного знания выступает относительно полно, то в дальнейшем начинает явно доминировать односторонний подход к ценности научного знания при отрицании мировоззренческой роли ценности науки и подчеркивании ее прагматической ценности. Наряду с этим возникает и критическое отношение к науке.

Это критическое отношение затем перерастает в антисциентизм и последовательное проведение мысли о том, что наука служит не развитию, а разрушению общества, что именно вследствие ее влияния возникают и развиваются все отрицательные стороны общественной жизни. Таким образом, если субъективный идеализм, включая позитивизм, существенно ограничивает ценностное основание научного знания, то следующий шаг состоит уже в переходе к представлению о том, что наука имеет отрицательную ценность. Эта последовательность перехода от ценности к неценности и затем к отрицательной ценности является характерной для эволюции взглядов в западной социологии относительно роли и места научного познания. Вначале просто ограничивается область ценностного значения науки, а затем сама ценность из положительной превращается в отрицательную. Эти идеи были достаточно точно выражены в работах Шпенглера, который утверждает, что благодаря распространению научных знаний, воззрений, культура становится цивилизацией, а последняя – это старость культуры, ее постепенное умирание. Для него развитие науки есть причина гибели цивилизации. Более того, возникают целые направления в западной философской и социологической мысли, где явно прослеживается антисциентистская линия. Например, в экзистенциализме, который в середине XX в., особенно после Второй мировой войны, стал чрезвычайно популярен в широких кругах интеллигенции. Так, Ясперс утверждает, что только благодаря познанию и науке происходит разрушение. В продолжение к этому он добавляет, что обмануться должен был всякий, кто искал в науке основы своей жизни, руководства в своих действиях, самого бытия. Это означает, что наука не имеет ценности ни для мировоззрения, ни для поисков «смысла жизни», ни для руководства к действию.

Эта точка зрения на значимость науки характерна для всех представителей экзистенциализма. Речь идет об отчужденном характере науки, так как ученый относится к продукту своего труда, к науке, как к чуждому ему предмету. Кроме того, по мнению Хайдеггера, наука не способна дать представления о «существовании», ибо она по самой природе своей не поддается научному определению. В теориях экзистенциалистов – субъективистское понимание науки, согласно которому она дает нам лишь некоторые полезные сведения. Ценность науки, ее значимость состоит для них не в том, чтобы открывать неведомое, познавать непознанное, а лишь в том, чтобы устанавливать границы познания: наука ведет лишь к знанию того, на каком основании, в каких границах и в каком смысле может осуществляться познание. Кроме того, представители данного религиозного направления – Г. Марсель, К. Ясперс, М. Бубер и другие, в основу своих теорий кладут положение августинизма о том, что стремление к научному знанию аморально и греховно, что оно является источником всевозможных пороков. Они обвиняют науку во всех бедах «современной» (капиталистической) цивилизации, а выход из сложившихся трудностей находят в примате веры над религией.

Ярко выраженная антисциентистская позиция характерна и для персонализма. В нем утверждается, что современная наука не дает нам абсолютно объективной картины мира за

пределами человеческого опыта, и мы не можем узнать о действительности ничего, кроме того, что дано в личном персональном опыте. Отсюда вывод – наука не имеет абсолютно никакой ценности, правда, она что-то значит, но только в союзе с религией. Этот союз обосновывался персоналистами на всем протяжении развития их теории. Но если прежде они утверждали, что задача науки – обосновать религиозные догматы конкретными эмпирическими фактами, то в последнее время религия и наука рассматриваются ими как давно значимые законные требования человеческого духа. Разум должен идти за верой, и никакое научное знание не может вытеснить религиозное мироощущение. Как отмечает, например, Бриджман, наука должна предполагать веру в сверхъестественное, ибо ученый часто останавливается перед невозможностью проникнуть в нечто неведомое, не поддающееся никаким формам чувственной и мыслительной деятельности. Именно синтез веры и научного знания – вот что, по его мнению, необходимо: наука в сочетании с религией может обеспечить рост могущества человека по отношению к природным силам, рационализировать общественную жизнь и дать ответы на жизненные проблемы.

На первый взгляд, позитивизм, неотомизм и экзистенциализм кажутся такими философскими концепциями, которые подходят к проблеме ценности научного знания совершенно с различных позиций. Однако на деле для всех трех концепций характерен отказ от мировоззренческой функции научного знания. Это тесно связано с тем, что все эти философские концепции в большей или меньшей степени агностичны. Отказ от познаваемости вообще и особенно отказ от познаваемости в сфере частнонаучного знания полностью обесценивает науку в ее отношении к мировоззрению. Ведь если наука не отражает реальный мир, то ее теории, принципы, концептуальные схемы ничего не могут нам дать для понимания как объективной реальности, так и самого человека и его отношения к этой реальности. Если позитивизм вообще отказывается признать за научными теориями способность отображать объективную реальность, сводя эти теории лишь к способу систематизации и упрощенной записи результатов наблюдений и эксперимента, то неотомизм допускает в определенной границе способность науки отражать мир вещей. Однако, в силу примата веры над знанием вообще и научным знанием в особенности, научное знание принципиально не может выйти за пределы уже имеющегося религиозного знания. Поэтому наука принципиально не может иметь мировоззренческого значения, так как она не дает никакого нового знания даже в той области, где она действительно отражает мир. Кроме того, существуют области, принципиально недоступные для научного знания, которые могут открываться только посредством божественного откровения на основе веры. Таким образом, наличие ограниченной познаваемости мира в рамках научного познания, допускаемой неотомизмом, нисколько не меняет общего отношения к мировоззренческой функции научного знания. Фактически никакого вклада в мировоззрение наука внести не в состоянии, в лучшем случае, согласно неотомизму, наука лишь подтверждает религиозные догмы.

В экзистенциализме мы встречаем то же отрицательное отношение к мировоззренческой ценности научного знания. Хотя наука и отражает реальность, но она способна отражать лишь некую форму вещей, явлений, процессов, не проникая в суть бытия. А миропонимание, мировоззрение – это знания сути бытия, оно достигается лишь внутренним опытом индивида, независимо от содержания научного знания.

Итак, агностицизм является характерной чертой практически всех современных теорий философии постмодернизма, а, как мы видели, именно с ним связано отрицание мировоз-

зренческой ценности научного знания. С отрицательным отношением к мировоззренческой ценности научного знания связано изменение и в оценке роли науки в воспитании и формировании личности человека. В классической философии признавалась не только мировоззренческая ценность науки, но и ее роль в становлении, развитии, воспитании личности. Наука рассматривалась как важнейший фактор формирования личности современного человека. Образование как элемент воспитания включает в себя изучение достижений научного познания безотносительно к тому, имеют ли эти знания практическое значение. В противоположность этому, современная западная философия, отрицая мировоззренческую ценность науки, отрицает тем самым и роль науки как фактора формирования личности. В самом деле, ведь если наука ничего не говорит нам о сущности бытия, о сущности самого человека и об отношении человека к миру, то она имеет смысл лишь постольку, поскольку человек преследует определенные практические цели. Но для этого достаточно располагать узкоспециальными знаниями. Отказываясь от мировоззренческой роли научного знания, современная западная философия создает тем самым предпосылки для превращения религии в единственный фактор формирования личности. В лучшем случае допускается, что этот вакуум может быть заполнен философскими концепциями, которые, по утверждению Б. Рассела, представляют собой ничейную полосу, разделяющую науку и религию.

Отказывая признать мировоззренческую и гуманистическую ценность научного знания, основные направления современной западной философии все же вынуждены признавать практическую значимость науки. Действительно, ведь в современных условиях наука как форма общественного сознания играет столь важную роль в социальном развитии в целом, что игнорировать это невозможно. Поэтому все основные направления современной западной философии, каждая по-своему, ставят и решают вопрос о ценности научного знания в практическом отношении. Для этих направлений обосновать практическую ценность научного знания – далеко не простая задача. Дело в том, что в действительности практическая ценность науки тесно связана с тем, что она есть форма отражения объективной реальности, т. е. практическая ценность неотделима от познавательной ценности науки. Между тем переход современной западной философии к агностицизму лишает ее возможности правильно понять причины ценности научного знания для решения практических задач. Приходится искать другие пути, объясняющие практическую ценность науки. Несмотря на то, что каждое направление современной западной философии решает эту задачу по-своему, общим для всех этих направлений является то, что при этом абсолютизируются не главные, а второстепенные факторы, определяющие практическую ценность науки.

При этом следует подчеркнуть, что по этому вопросу в современной западной философии нет единой, последовательной точки зрения. Признается лишь ограниченная практическая значимость науки, а нередко, как это делается в так называемых несемиотических концепциях научно-технического прогресса, при глобальной постановке вопроса наука объявляется источником всех социальных бед, и, следовательно, отношение к ней становится отрицательным.

Таким образом, лозунг «знание – сила» и стремление такое знание получить объединяли западных философов разных направлений вплоть до середины XIX в. Разногласия заключались лишь в представлении о путях реализации этой задачи. Таков внутренний пафос взглядов Бэкона и Декарта, Спинозы и Локка, Канта и Гегеля. Рационализм господствовал

в западной философии до середины XIX в. Если раньше гуманистические представления были связаны с культом знаний, возвеличиванием разума, то теперь возникают формы своеобразного «иррационалистического гуманизма». Таких различных западных философов, как Ф. Ницше, Г. Зиммель, А. Бергсон, У. Джеймс, Д. Дьюи и многих других, объединяет враждебное отношение к разуму, рационалистическим системам. Они открыто проповедуют враждебность научному знанию, а, например, экзистенциалисты, расценивают ориентацию на науку как одну из причин пороков современной цивилизации. И если раньше подобные оценки были монополией религиозных проповедников, то теперь можно говорить о светской социальной апокалиптике конца XIX в. – начала XX в.

Неприязненное отношение к науке, разумеется, не вырастает из абстрактных рассуждений, а связано со злободневными социальными проблемами. Речь идет об отражении в общественном сознании того факта, что в условиях капитализма достижения науки могут использоваться (и используются на практике) во вред человечеству: разгул милитаризма, проявляющиеся все четче социальные последствия научно-технического прогресса. В настоящее время бурный прогресс научного знания, колоссальный рост влияния науки на общественную жизнь сочетается с волной критических настроений, обращенных против науки, с распространением концепций, провозглашающих «ненадежность человеческого знания». Этот пессимистический подход к рассмотрению научного знания характерен для современных философских течений, которые отрицают не только ценность научного знания, но и само знание.

В целом, на основе этих традиционных западных философских учений сейчас можно выделить два направления по отношению к науке: либо ее абсолютизация – сциентизм, либо противопоставляемый науке культ абстрактного человека – антропологизм. Но, как видно из изложенного, ни одна из этих точек зрения не может рассматриваться как научная. При этом следует подчеркнуть, что западный сциентизм и антропологизм, на первый взгляд, кажутся противоположными концепциями по отношению к ценности научного знания. В действительности сциентизм, поскольку он отрицает способность научного знания отражать мир, адекватно познавать его, быть способом познания сущности мира, сводит науку лишь к практической значимости [7].

Заключение. Все сказанное позволяет сделать вывод, что оценка научного познания в западной философии претерпела существенные изменения. Если в классической философии за малым исключением преобладало признание всесторонней ценности науки, т. е. ее мировоззренческой, гуманистической и практической ценности, то в дальнейшем ставятся под сомнение эти три основные аспекта ценности научного знания. А в крайних формах это ведет к появлению антисциентизма, для которого именно развитие научного познания – источник бедствий и страданий человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мамардашвили М. К. Лекция 9 // Лекции по античной философии. М.: Аграф, 1997. С. 140–163.

2. Платон. Государство. Книга 6 // Платон. Сочинения: в 4-х т. Т. 3. Ч. 1. / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. СПб.: СПбГУ; Изд-во Олега Абышко, 2007. С. 310–348.

3. Барановский В. Е. Метафизика эстетического (онтология, гносеология, диалектика). М.: НВП «ИНЭК», 2011.

4. Гартман Н. К основоположению онтологии / пер. с нем. Ю. В. Медведева; под ред. Д. В. Скляднева. СПб.: Наука, 2003.

5. Богатов М. Манифест онтологии: М.: Скименъ, 2007.

6. Возможные миры. Семантика, онтология, метафизика / отв. ред. Е. Г. Драгалина-Черная. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2011.

7. Жеребкин С. Нестабильные онтологии в современной философии. СПб.: Алетейя, 2013.

Информация об авторе.

Пафомова Людмила Алексеевна – кандидат философских наук (1977), доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ», ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: методология научных исследований, аксиология науки. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9250-4833. E-mail: lapafomova@etu.ru

REFERENCES

1. Mamardashvili, M.K. (1997), “Lecture 9”, *Lektsii po antichnoi filosofii* [Lectures on Ancient Philosophy], Agraf, Moscow, RUS, pp. 140–163.

2. Losev, A.F. (ed.), (2007), “Platon. State. Book 6”, *Platon. Sochineniya: v 4-x t.* [Platon. Works: in 4 vol.], vol. 3, part 4, SPbGU; “Izd-vo Olega Abyshko“, SPb., RUS, pp. 310–348.

3. Baranovskii, V.E. (2011), *Metafizika esteticheskogo (ontologiya, gnoseologiya, dialektika)* [Metaphysics of the aesthetic (ontology, epistemology, dialectics)], NVP "INEK", Moscow, RUS.

4. Hartmann, N. (2003), *ZUR GRUNDLEGUNG DER ONTOLOGIE*, Transl. by. Medvedev, Yu.V.; in Sklyadnev, D.V. (ed.), Nauka, SPb., RUS.

5. Bogatov M. (2007), *Manifest ontologii: monograf.* [Manifesto of ontology: monograph], Skimen, Moscow, RUS.

6. Dragalina-Chernaya, E.G. (ed.) (2011), *Vozmozhnye miry. Semantika, ontologiya, metafizika* [Possible worlds. Semantics, ontology, metaphysics], Kanon + ROOI «Reabilitatsiya», Moscow, RUS.

7. Zherebkin, S. (2013), *Nestabil'nye ontologii v sovremennoi filosofii* [Unstable ontologies in modern philosophy], Aleteya, SPb., RUS.

Information about the author.

Ludmila A. Pafomova – Can. Sci. (Philosophy) (1977), Associate Professor at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professora Popova str., St Petersburg 197376, Russia. The author of over 50 scientific publications. Area of expertise: methodology of scientific research, axiology of science. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9250-4833. E-mail: lapafomova@etu.ru

УДК 17; 791.43; 316.7 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2021-7-6-42-61
Оригинальная статья / Original paper

Трансформация художественных образов мирового и отечественного кино в эпоху постмодерна

О. В. Андреева✉

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

✉osa3f@mail.ru

Введение. В последней трети XX в. в различных сферах общественной жизни появились новые явления, которые позволили характеризовать это время как эпоху постмодерна. Культурные процессы этой эпохи получили название постмодернизма. Несмотря на значительную научную литературу, посвященную данной проблеме, она остается предметом дискуссий, что актуализирует задачу ее дальнейшего изучения. В статье культура постмодерна раскрывается через призму мирового и отечественного кино. Трансформация художественных образов в кинематографе анализируется в историко-культурологическом и философском аспектах, что является элементом научной новизны.

Методология и источники. Методология исследования строится на анализе источников и литературы с учетом междисциплинарных подходов. Теоретической основой являются работы зарубежных (Ф. Джеймисон, Ж. Лакан) и отечественных исследователей (В. М. Дианова, И. П. Ильин, Н. А. Хренов). Различные источники (кино-, фотодокументы, воспоминания, интервью, киносценарии) дают многомерную картину творческих поисков выдающихся деятелей киноискусства. Используются исторический, сравнительный, системный и семиотический методы исследования. Применяются формационный и цивилизационный подходы, что дает новый ракурс в понимании культурных феноменов.

Результаты и обсуждение. Художественные образы мирового кино концептуально рассматриваются в сравнительном анализе довоенной и послевоенной эпохи. Отечественное киноискусство в эпоху постмодерна исследуется в контексте общемировых и европейских процессов, что позволяет выявить его общие и особенные черты.

Результаты исследования показывают, что в последней трети XX в. художественный язык мирового кинематографа претерпел значительную трансформацию. Катализатором художественной эволюции выступили радикальные перемены в социуме послевоенной Европы и их отражение в философском дискурсе. Отечественный кинематограф отражал в своем развитии общемировые тенденции. Однако культурное развитие российского социума в эпоху постмодерна совпало с системным кризисом и распадом государственности. Это определило специфику русского постмодернизма, его философскую и культурологическую направленность. В этой связи очевидна актуальность проблемы изучения культурной динамики духовных процессов позднего советского периода и постсоветской России, в том числе в кинематографе.

Заключение. Кинематограф как важнейший феномен культуры в полной мере отражает динамику современных духовных процессов, поэтому изучение художественных образов мирового и отечественного кино в эпоху постмодерна представляет значительный научный интерес. Применение междисциплинарных, комплексных подходов

© Андреева О. В., 2021
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

с учетом достижений зарубежных и отечественных исследователей позволяет получить многомерную картину духовной трансформации общества. Непредвзятое понимание культурно-исторического опыта последней трети XX в. позволяет лучше понять современный мир, ибо без анализа прошлого немыслимо настоящее и будущее.

Ключевые слова: постмодерн, постмодернизм, художественный образ, мировое кино, отечественное кино.

Для цитирования: Андреева О. В. Трансформация художественных образов мирового и отечественного кино в эпоху постмодерна // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 6. С. 42–61. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-42-61

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 29.12.2020; принята после рецензирования 11.11.2021; опубликована онлайн 24.12.2021

Transformation of Artistic Imageries of the World and National Cinema in the Era of Postmodern

Olga V. Andreeva✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉osa3f@mail.ru

Introduction. In the last third of the 20th century new trends appeared in various spheres of public life. That made possible to characterize this time period as the era of postmodern. The culture processes of this period were called postmodernism. Despite significant research on the topic and phenomenon of postmodernism, it remains a subject of discussion, which makes the problem of its further study actual. The article reveals postmodernism through the prism of new accents in the disclosure of artistic images in world and national cinema. Transformation of artistic imageries in the cinema is analyzed in the historical, cultural and philosophical terms, which is an element of novelty of the article.

Methodology and sources. The methodology is based on the analysis of sources and literature, taking into account interdisciplinary approaches. Historical, comparative, systemic and semiotic research approaches are used. The author also used an integrated approach (formational and civilizational), which gives us a new perspective in understanding cultural phenomenon.

Results and discussion. The artistic images of the world cinema are conceptually considered in a comparative analysis with the pre-war and post-war eras. The theoretical basis is the work of foreign (F. Jameson, J. Lacan) and domestic researchers (V.M. Dianova, I.P. Ilyin, N.A. Khrenov). National cinematography in the postmodern era is studied in the context of global and European processes, which makes possible to identify its general and specific feature.

The results of the study show that in the last third of the 20th century, a significant transformation of artistic imageries took place in the world and in the national cinematography. It was based on unprecented social and cultural processes that led to profound behavioral and discursive changes. National cinematography reflected in its development global trends. However, the cultural development of Russian society in the postmodern era coincided with a systemic crisis and the collapse of statehood. That determined the specificity of Russian postmodernism, its philosophical and cultural orientation. In this regard, the urgency of the problem of studying the cultural dynamics of spiritual processes of the late Soviet period and post-Soviet Russia, including in cinematography, is obvious.

Conclusion. Cinematography as one of the most important phenomena fully reflects the dynamics of modern spiritual processes. Therefore, the study of artistic imageries of the world and national cinematography in the postmodern era is of significant research interest. The use of interdisciplinary and integrated approaches, taking into account the achievements of foreign and national researches, allows us to get a multidimensial picture of the spiritual transformation of the society. An unbiased understanding of the cultural and historical experience of the last third of the 20th century makes it possible to better understand the modern world, because without an analysis of the past, both the present and the future are inconceivable.

Key words: postmodern, postmodernism, artistic image, world cinema, national cinema.

For citation: Andreeva O. V. Transformation of Artistic Imageries of the World and National Cinema in the Era of Postmodern. DISCOURSE. 2021. Vol. 7, no. 6, pp. 42–61. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-42-61 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 29.12.2020; adopted after review 11.11.2021; published online 24.12.2021

Введение. Глубокие качественные сдвиги в различных сферах жизни в последней трети XX в. послужили основанием для определения этого времени как эпохи постмодерна. Ее культурной и философской парадигмой выступил постмодернизм. Научное обоснование отмеченных феноменов нашло отражение в трудах как зарубежных (Ф. Джеймисон, Ж. Ф. Лиотар, У. Эко, И. Хассан, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, Р. Барт), так и отечественных ученых (В. В. Бычков, В. М. Дианова, И. П. Ильин, Н. А. Хренов, Н. Б. Маньковская). Несмотря на значительный интерес исследователей и разноплановую литературу, эпоха постмодерна и ее культурные процессы продолжают оставаться предметом научного анализа и дискуссий. Цель данной статьи – проанализировать трансформацию художественных образов в эпоху постмодерна на примере мирового и отечественного кино, выяснить ее причины и последствия. Исследование проблемы осуществляется в историко-культурологическом и философском аспектах, что является элементом научной новизны.

Методология и источники. В методологии автор опирается на различные источники и литературу, прежде всего, на теоретические работы представителей постмодернизма. Среди источников значительный интерес представляют опубликованные архивы, документы, материалы и воспоминания А. Тарковского. Более глубокое понимание творчества режиссеров дают киносценарии. В работе используются исторический, сравнительный, системный и семиотический методы исследования. Применяется формационный и цивилизационный подходы. Это позволяет выявить как общие, так и особенные черты в развитии отечественного кино в эпоху постмодерна.

Результаты о обсуждение. В последней трети XX в. в различных сферах жизни произошли колоссальные сдвиги, которые изменили картину мира и ментальность людей. Эти десятилетия коренным образом отличались от предшествующих эпох и были определены как постмодерн, постиндустриальное или информационное общество. Его черты получили обоснование в трудах зарубежных и отечественных исследователей. Американский социолог Д. Белл отмечал, что в экономике важнейшие позиции заняла сфера услуг, а в социальной жизни утвердились новые принципы стратификации. Вектор перемен оказался связан с переходом от товаропроизводящего к информационному обществу, или обществу знаний [1,

с. 661]. Предполагалось, что в конце XX в. США, Япония, Западная Европа и СССР столкнутся с проблемами управления его новым качеством. Они будут решаться в рамках различных политических и идеологических структур, имеющихся ресурсов, силы конкурирующих групп, степени открытости и гибкости обществ [Там же, с. 656]. Очевидно, что Д. Белл исходил из многообразия моделей развития в эпоху складывающегося глобального мира.

Постмодерн трансформировал культурную парадигму. Искусство этих десятилетий отличалось по стилистике от модернизма и по аналогии с ним получило название постмодернизма. Его сущностные черты стали предметом изучения специалистов разного профиля. Теоретические проблемы постмодернизма и его проявления в различных сферах культуры разрабатывали зарубежные исследователи, такие как Ф. Джеймисон У. Эко, Ж. Деррида, Ж. Лакан, Р. Барт, Ж. Бодрийар, Дж. Ваттимо, П. Андерсен, И. Хассан, С. Зонтаг и многие другие.

Американский исследователь Ф. Джеймисон связывает анализ постмодернизма с новым типом социальной жизни – транснациональным или мультинациональным капитализмом. В своих проявлениях постмодернизм отражает глубинную суть постиндустриального, потребительского, медийного общества. Если классический модернизм обладал взрывной энергией и был связан с искусством в оппозиции, то постмодернизм дублирует, воспроизводит, усиливает логику потребительского капитализма. Даже наиболее агрессивные формы его искусства (панк-рок) или те, что содержат в себе откровенную сексуальную провокативность, – все они, в отличие от высокого модерна, подчинены социальности и имеют несомненный коммерческий успех. Вторичные, миноритарные качества модернистского искусства, скорее, маргинальные, чем центральные, становятся доминантными определениями его культурной продукции [2, с. 75–77]. Ф. Джеймисон выделяет такие черты постмодернистского искусства, как пастиш (имитация, мимикрия), «ностальгическое кино» (ретроспективная стилистика) и искусство языкового хаоса, беспорядка, с которым французский психоаналитик и философ Ж. Лакан связывает термин «шизофрения».

Истоки постмодернизма оказались органично взаимосвязаны с господствующими научными теориями, которые в эпоху постмодерна довершили разрушение сложившейся классической картины мира. Из них важнейшую роль сыграл постфрейдизм, а также структурализм/постструктурализм. Ж. Лакан при исследовании природы психоневрозов пришел к важному выводу. Мышление и бытие опосредованы языком, а «бессознательное организовано как язык». При этом язык и бессознательное вписаны и в структуры сознания, и в самые интимные механизмы человеческой психики. В работе «О бессмыслице и структуре Бога» он отмечал, что «в основе своей бессознательное структурировано, сплетено, опутано, соткано языком. Причем означающее играет не просто не менее важную роль, чем означаемое, а роль фундаментальную. Ведь на деле язык характеризует система означающего как таковая» [3, с. 220]. Феномен бессознательного в лакановской трактовке оказался востребован эстетикой постмодернизма.

Американский литературовед И. Хассан исследовал постмодернизм как художественное, философское и социальное явление. Подчеркивая семантическую нестабильность этого понятия, он дал его сравнительную характеристику с модернизмом, отметив отличительные черты. Это – игра, случайность и ирония. Центральное положение он отводит тенденции неопределенности/индетерминированности и имманентности. Неопределенность И. Хассан трактует как выбор в пользу неопределенности и фрагментарности смыслов,

деконструкции и языкового хаоса текста, превращения текста в интертекст. Тенденция к деконструкции, дезинтеграции, деформации, нарушению непрерывности, исчезновению, разложению наряду с демистификацией и детотализацией пронизывает все сферы социума. Все это, по мысли И. Хассана, знаки проявления колоссальной воли к разрушению, влияющей на политическую жизнь, познавательную деятельность, сексуальность и индивидуальную психологию [4].

Проблемам постмодернизма посвящены исследования В. М. Дионовой, В. В. Бычкова, И. П. Ильина, Н. А. Хренова, Н. Б. Маньковской. По определению И. П. Ильина, постмодернизм представляет собой многозначный и динамически подвижный в зависимости от исторического, социального и национального контекста комплекс философских, эпистемологических, научно-теоретических и эмоционально-эстетических представлений. Это также характеристика определенного менталитета, специфического способа мировосприятия, мироощущения и оценки как познавательных возможностей человека, так и его места и роли в окружающем мире. Рассматривая временные рамки постмодернизма, И. П. Ильин отмечал, что он появился в различных сферах искусства в конце второй мировой войны, но только с начала 1980-х гг. был осознан как общеэстетический феномен западной культуры и теоретически отрефлексирован как специфическое явление в философии, эстетике и литературной критике [5, с. 206].

В. М. Дианова рассматривает постмодернизм как *многомерное теоретическое отражение духовного поворота в самосознании западной цивилизации,* особенно в сфере искусства и философии. Через осмысление проблем постмодернизма последовательно проводится идея преемственности культурного развития, трактуемая как весьма сложный процесс, *лишенный линейности.* В культурном постмодерне трансформируется характерная для XX в. смысловая структура множественности [6, с. 191].

В понимании В. В. Бычкова постмодернизм представляет собой новый этап художественно-эстетической деятельности, для которого характерен отказ от всех традиционных философско-эстетических категорий, понятий и принципов художественно-эстетического мышления. Важнейшими понятиями постмодернизма становятся интертекстуальность, деконструкция, шизоанализ, ризома и симулякр. Его искусство отличают иронизм, эклектизм и фрагментарность [7, с. 334].

Н. Б. Маньковская считает, что эстетика постмодернизма отмечена всепроникающим иронизмом, произвольным перемешиванием культурных кодов и текстов всех времен и народов на принципах деконструкции и шизоанализа. Постмодернизм асистематичен и эклектичен. Он взрывает изнутри традиционные представления о целостности, стройности, законченности эстетических систем, их норм и критериев. Его каноном становится отсутствие канона [8, с. 193].

Таким образом, постмодернизм предстает как глобальный феномен культурного перехода от традиционных форм социального устройства, философского мышления, научного знания и культуры к невиданным ранее формам взаимосвязи. При этом эстетическая природа постмодернизма весьма парадоксальна. Однако при всей своей парадоксальности и видимой антисистемности постмодернизм, на самом деле, внутренне логически упорядочен. Но эта логика иного порядка, отличная от модернистской модели. Постмодернизм отражает современную эпоху глобального мира, в котором воплощаются законы нелинейного

развития и действуют глубинные процессы разрушительного Хаоса. Из этого очевидно, что это понятие, охватывающее различные стороны общественного бытия, достаточно сложно интерпретировать. К тому же некоторые исследователи выделяют наряду с постмодернизмом понятие постмодерна. Философ Ю. Д. Гранин под постмодерном понимает историческую эпоху в развитии евроатлантической цивилизации, которая последовала за эпохой модерна. Постмодернизмом он называет не какое-то отдельное течение в литературе, архитектуре, науке, философии, а общее мировоззрение эпохи постмодерна. Иначе – совокупность основополагающих идей (принципов) в сфере познания и отношения к действительности, формирование которых литераторами, учеными, философами и другими интеллектуалами повлекло за собой кардинальное изменение культурного кода евроатлантической цивилизации [9, с. 1]. В статье постмодерн и постмодернизм рассматриваются как взаимозаменяемые термины.

Дискуссионными остаются вопросы временных рамок постмодернизма, перспектив его дальнейшего развития, взаимосвязи модернизма и постмодернизма. Если одни исследователи рассматривают постмодернизм как фазу модернизма, то другие – как самостоятельный этап развития. По мнению некоторых исследователей, постмодернизм утратил свою актуальность на рубеже тысячелетий и сменился неким феноменом пост-постмодернизма. Противоположная позиция состоит в том, что в начале третьего тысячелетия постмодернизм вступил в новую фазу развития. Согласно Ф. Джеймисону, постмодернизм – это подобие силового поля, в котором могут проявиться совершенно разные типы культурных импульсов. Поэтому важно понимать постмодернизм не как стиль, но, скорее, как культурную доминанту, при которой допускается присутствие и сосуществование ряда весьма разных, но соподчиненных качеств [10, с. 88].

Н. Б. Маньковская выделяет четыре фазы развития постмодернизма в искусстве. Первая фаза – «авангардистский постмодернизм» (1960-е гг.). На фоне молодежной контркультуры (хиппи, рок-, фолк-, поп- и феминистской культуры), линии на освобождение инстинктов, секса, телесности приходит понимание необходимости синтеза искусств, элитарного и массового искусства. Вторая фаза – «неоконсервативный постмодернизм» (1970-е гг.) охватывает страны Европы. На смену «новым левым» приходят «новые правые». Утверждаются эклектизм, плюрализм, иронизм, идеи эстетического равновесия традиций и инноваций. Третья фаза – «постмодернистский модернизм», время зрелости (конец 1970-х – 1990-е гг.). Постмодернизм распространяется в Восточной Европе и России. Если на первом этапе теоретиком течения является С. Зонтаг, на втором – У. Эко, то на третьем – Ж. Деррида. В четвертую фазу постмодернизма общество вступает на рубеже XX–XXI вв. Это – «цифровой постмодернизм». Важнейшая его черта – переход к виртуальности [8, с. 196–197].

В. М. Дианова называет третью фазу развития «постмодернистским классицизмом». Для нее характерно тяготение к эпичности, метафизике, монументальности, интерес к классической античности и Ренессансу при свободном обращении к их наследию. В середине 1990-х гг. она отмечает появление идеи «исчерпанности» постмодернизма. Некоторые исследователи вводят термин пост-постмодернизм [6, с. 217].

Как следует из вышеизложенного, постмодернизм прошел длительный этап развития и по-разному проявился в различных видах художественного творчества. В кинематографе он заявил о себе на рубеже 1960–1970-х гг., изменив художественно-эстетическую систему,

а вместе с ней и художественный образ в кино. Поворотным пунктом перехода от классической эстетики к эстетике постмодернизма стали два течения – постфрейдизм и постструктурализм. В рамках этого поворота художники обратились к механизмам взаимосвязи в человеке природного и социального, коллективного и индивидуального, созидательного и разрушительного, сознательного и бессознательного. Особенно их привлекало бессознательное начало как периферийная, малоизученная проблема в творчестве.

Обратившись к этой сфере, постмодернизм актуализировал категорию «телесности». Введение принципа «телесности», по мысли И. П. Ильина, повлекло за собой три тенденции. Во-первых, «растворение» автономности и суверенности субъекта в «актах чувственности», т. е. в таких состояниях сознания, которые находятся вне власти волевого и рационального начала. Во-вторых, акцентирование аффективных сторон чувственности обусловило обостренный интерес к ее патологическому аспекту. Наконец, сексуальность как наглядно-концентрированное проявление чувственности выдвинулась на первый план и стала доминировать над всеми остальными ее формами. Концепция сексуализированной и эротизированной телесности формировалась в русле фрейдистских и неофрейдистских представлений [5, с. 300–301].

Обратившись к постфрейдизму, многие деятели искусства занялись социальной психологией, психоанализом и психопатологией. С их помощью они стремились раскрыть мотивацию поступков героев через пережитые в детстве травмы, неосознанные инстинкты и разнообразные комплексы. При этом господствующие в науке концепции и принципы методологии становились частью постмодернистской эстетики. Среди них – плюрализм, релятивизм, эклектизм, деконструкция. Так возникало новое понимание художественного образа, характерного для фильмов различных жанров, в том числе военной тематики. Если в послевоенные десятилетия в них преобладало героическое начало, свойственное модернистской эстетике, то эпоха постмодерна характеризовалась более сложной палитрой чувств.

Яркой манифестацией подобных подходов стало итальянское кино. На фоне политической дестабилизации и роста радикальных настроений кинорежиссеры левых взглядов заново переосмысливали диктаторский режим Муссолини, о котором в послевоенной Италии предпочитали умалчивать. Они рассматривали истоки фашизма через призму психологии, психопатологии и девиантных моделей поведения личности, что открывало новые грани в понимании сложной природы этого феномена.

Одним из первых в этой серии оказался фильм Б. Бертолуччи «Конформист» (1970), в котором режиссер показал трагедию человека и общества в период диктатуры. Фильм оказался новаторским с точки зрения как режиссуры, так и операторской работы (В. Стораро). Яркий психологический типаж в духе фрейдизма, созданный Бертолуччи, открывал эру новой психологической драмы в мировом кино. Молодой аристократ Марчелло Клеричи (Жан-Луи Трентиньян) поддержал фашистский режим для самоутверждения личности, отягощенной наследственными пороками. Присущая герою аристократичность натуры сочеталась с нравственным релятивизмом и политическим конформизмом. Образ Марчелло соответствовал постмодернистской эстетике, разрушая привычные границы добра и зла. Конформизм отдельного человека встраивался в систему конформизма общества, так же как сексуальное насилие, пережитое героем, отражало насилие над ним со стороны тоталитарного государства. В кадре убийства профессора-антифашиста Квадри и

его супруги Марчелло отстраненно наблюдает за мольбой Анны о помощи, отгородившись от происходящей на его глазах трагедии закрытым стеклом автомобиля. Закрытое стекло как символ конформизма напоминало о прошлом Италии. Подобными наблюдателями оказались многие сограждане режиссера, бессильные противостоять фашизму.

Постмодернистское искусство отошло от привычных сюжетов и одномерных оценок прошлого. При этом военная проблематика нередко раскрывалась на фоне манифестации натуралистических сцен. Появился особый жанр кино – нацисплуатейшн (nazisploitation). Исследователь кино Эрнест Матис отмечает, что фильмы «Гибель богов» Л. Висконти (1969), «Лагерь любви номер семь» Ли Фрост (1969) и «Ночной портье» Л. Кавани (1974) использовали сцены пыток, подчинения и совращения, в которых участвовали нацисты и солдаты СС. Он выделяет наиболее известные фильмы этого жанра: «Ильза, волчица СС» (Дон Эдмондс, 1975), «Салон Китти» (Тинто Брасс, 1976) и «Последняя оргия гестапо» (Чезаре Каневари, 1977) [11, с. 168, 169]. Шокирующие визуальные образы сексуального насилия ввел П. Пазолини в фильме «Сало, или 120 дней Содома» (1975). Его демонстрация на экранах сопровождалась публичными скандалами и судебными разбирательствами.

Новые подходы к художественному образу предложила Л. Кавани. Сюжетная линия ее нашумевшего фильма «Ночной портье» была выстроена на садомазохистской любви бывшей заключенной концлагеря и ее мучителя, офицера СС. Кавани поставила зрителей перед неопределенностью морального выбора, лишив их четкой авторской оценки происходящего. «В политических фильмах зрителям легко отождествлять себя с положительными героями. Интересно, с кем бы из моих героев они себя отождествили. Я думаю, это было бы весьма затруднительно – увидеть себя в сомнительном персонаже» [12, с. 151]. Разрушая привычные стереотипы, она писала: «Демократия опирается на зрелость граждан, в то время как диктатура опирается на их незрелость. В результате этого и возникает нацизм в крошечных масштабах – внутри нас самих, из-за двойственности нашей натуры» [Там же].

Мастерски снятые кадры вызывали шоковую реакцию зрителей, вовлеченных в непривычный сюжет. Здесь, как в лобовой атаке, сталкивались добро и зло, любовь и ненависть, жизнь и смерть. Особое внимание привлекал знаменитый кадр – танец героини в концлагере, напоминающий библейский миф о Саломее. Искусствовед С. П. Шлыкова отмечает, что, используя хрестоматийный сюжет искусства, Л. Кавани отходит от модернистской трактовки образа «роковой женщины» и самым неожиданным образом воплощает постмодернистскую идею танатографии эроса. «С одной стороны, она вводит в текстовое пространство картины Танатос, апплицированный через тематику концлагеря, с другой стороны – Эрос как любовь героев. Эрос и Танатос подошли к своему пределу и перешагнули через него, создав единое текстовое пространство танатографии эроса посредством сталкивания гетерогенных семантических полей и дискурсов» [13, с. 23].

Искусствовед В. В. Марусенков обращает внимание на то, что сцена «танца Саломеи» содержит скрытый код. По замыслу режиссера, он дает возможность анализа процессов возникновения фашизма на уровне подавления сексуального желания и сексуальной идентификации [14, с. 54]. При этом Лючия (Шарлотта Рэмплинг), исполнив страстный танец и получив в награду голову узника концлагеря, меняется со своим насильником ролями. Доминирование Максимилиана (Дик Богард) на сексуальном уровне нивелируется той властью, которую она получает над ним в психоэмоциональном плане. Садистские наклонности

Максимилиана – оборотная сторона его подавленного мазохистского комплекса. Наличие таких психологически ущербных людей послужило причиной возникновения лагерей смерти, где они могли решать свои проблемы, связанные с неполноценным развитием личности [Там же, с. 55, 57].

В действительности, демонический «спектакль», представленный в фильме, придает библейскому мифу более зловещий характер. Танец Лючии, подобно ритуалу, встраивается в четко продуманное семиотическое пространство кадра. Лишенная лагерной одежды, героиня предстает в ином художественном образе, олицетворяющем нацизм. Его целостность подчеркивается единством верха и низа: обнаженная грудь, черная нацистская фуражка с эмблемой на голове, высокие узкие черные кожаные перчатки на руках дополняются черными брюками на подтяжках. Прикрытая мертвая голова, изображающая череп и две скрещенные берцовые кости на фуражке («Totenkopt»), символ СС, ситуацию не меняет. В этом контексте голова узника («подарок» Лючии) – лишь органичное дополнение демонической оргии с ее «концентрационными страстями».

Стилизация образа настолько велика, что потрясенный зритель до сих пор считает этот кадр одним из лучших в мировом киноискусстве, не в силах объяснить его воздействие. Трактовка танца Лючии Максимилианом как библейской истории верна лишь отчасти. Это подтверждается словами Ганса Фоглера, профессора-нейропсихиатра и «товарища по партии». Проводя в австрийском отеле «сеансы исцеления» бывших преступников от чувства вины, он открыто заявляет: комплекс вины – это библейское изобретение. «Библия полна мифов, которые порождают чувство вины. Пора перестать читать эту книгу и перейти к другой» [12, с. 164]. Текст киносценария явно указывает на то, что в данном кадре зритель сталкивается с некоей смысловой инверсией. Библейский сюжет выступает семиотическим знаком, с помощью которого раскрывается истинная природа нацизма как абсолютного антигуманизма. Его корни уходят не только в социальные установления, но и в глубинные структуры личности, оставившей Бога.

По мнению С. Зонтаг, эротический компонент в фильмах «Гибель богов» Л. Висконти и «Ночной портье» Л. Кавани не является случайным. Нацистская Германия, сексуально репрессивное общество стали символами эротизма. Но это эротизм особого рода. В статье «Магический фашизм» она пишет: «Гитлер рассматривал вождизм как сексуальное господство над массой, как сексуальное насилие над ней» [15, с. 56]. Внутреннюю связь между насилием, садомазохизмом и фашизмом С. Зонтаг видит в том, что садомазохизм вовлекает в сексуальную инсценировку, а фашизм театрализует сексуальность [15, с. 57]. Очевидно, что ритуалы господства и подчинения личности, органично присущие обоим феноменам, являются антитезой ее подлинной свободы.

Эпоха постмодерна отличалась широким жанровым и стилистическим многообразием кинопродукции. Многие режиссеры в фильмах о войне сохраняли приверженность традиционной эстетике. Таковы фильмы «Мы так любили друг друга» (Э. Скола, 1974); «Старое ружье» (Р. Энрико, 1975); «Спасти рядового Райана» (С. Спилберг, 1998); «Пианист» (Р. Полански, 2002). Трагедия холокоста нашла блестящее воплощение в исторической драме С. Спилберга «Список Шиндлера» (1993). Киноиндустрия США запечатлела на экране психологическую травму, связанную с войной во Вьетнаме. Лучшие фильмы этих лет создали режиссеры Ф. Ф. Коппола («Апокалипсис сегодня», 1979); О. Стоун («Взвод», 1986); С. Кубрик («Цельнометаллическая оболочка», 1987).

Помимо военной тематики, кинематограф отразил новые тенденции в духовной жизни. Одной из них стала нарастающая дегуманизация общества. Распад традиционных связей, института брака и семьи обостряли проблему поиска смысла жизни. Тема одиночества, отчуждения человека отразилась в философских и психологических фильмах выдающегося шведского режиссера И. Бергмана («Шепоты и крики», 1972; «Осенняя соната», 1978). М. Антониони раскрыл эти сюжеты через судьбы современников в духе экзистенциальной драмы («Профессия: репортер», 1975). Объектом его внимания было и молодое поколение. На примере лондонской элитарной среды, с ее модными вечеринками, свингом и наркотиками («Фотоувеличение», 1966), он показал зыбкость границ современного мира. Иллюзорность жизни подчеркивается случайной «находкой» модного фотографа, заснявшего момент реального убийства, но утратившего доказательства совершенного преступления. Символично, что, смиряясь с утратой, он принимает правила игры и сливается в финальном кадре с потоком лицедействующих мимов. Творчество Антониони пронизано ощущением невозможности перемен. Поэтому протесты молодежи, не изменяя порядка вещей, заканчиваются гибелью ее представителей («Забриски-пойнт, 1970). Визуальные образы студенческих беспорядков сопровождаются музыкой Pink Floyd и The Rolling Stone. Как «ходовой товар», она неплохо вписывается в реалии социума, поскольку молодежная контркультура в целом безопасна для общественных устоев.

В фильме С. Кубрика «Заводной апельсин» (1971) тонкая грань миров разрывается и переходит некий незримый рубеж. Перед зрителем предстают молодые «герои» в духе постмодернистских жанров – то ли футуристического триллера, то ли социальных фантазий, то ли откровенно криминального психологического романа. Они подобны теням их демонических душ, которые, вырвавшись наружу, воплощают всеобщий хаос и распад бытия: государства, церкви, семьи и морали. Олицетворяя перевернутую модель общества, молодежная контркультура врывается на экраны, предъявляя публике свой культурный код. Презрение к его устоям, девиантные формы поведения, секс, насилие и наркотики – все это соединяется в ее символике и моде.

Провокативные художественные образы, представленные агрессивным эротизмом в фильме С. Кубрика, были осмыслены философией постмодерна как трансгрессия (греч. *trans* – сквозь, через; *gress* – движение; буквально «выход за пределы»). Постмодернизм отразил этот феномен в трансгрессивном искусстве, которое С. П. Шлыкова определяет как *выход за пределы социально допустимого, в результате чего происходит смысловая инверсия образов, ранее табуированных для интерпретации* [13, с. 12]. Его объектом становятся «фигуры умолчания»: смерть, безумие, абсурд, перверсивная сексуальность. Это приближает искусство к пограничным состояниям, разделяющим и одновременно сближающим до неразличимости добро и зло, разум и безумие, сознательное и бессознательное, жизнь и смерть. В результате осознания этой неразличимости была поколеблена рациональная и логически выстроенная модель мира и сопричастного ей человека, выявлены энтропийные начала в культуре, культивирующие абсурдность и гротеск, экстаз и безумие. Трансгрессивное искусство смещает приоритеты с человека как венца мироздания на императив «Иного», ставший значимым концептом современного художественного пространства [13, с. 13].

Актуализация категорий «телесности» и «сексуальной чувственности» изменила эротический образ в кино. Для понимания произошедшей перемены отметим, что, когда в 1896 г.

на кинопленку впервые сняли поцелуй, двадцатисекундный фильм под названием «Майский поцелуй Ирвина» (The May Irwin Kiss) был назван порнографией и вызвал возмущение Римской католической церкви [16, с. 23]. До Второй мировой войны на киноэкранах господствовала «благопристойность нравов». Визуальные образы в кино регулировались неким каноном. В США, например, еще в 1920-е гг. были выработаны критерии классификации кинопродукции. На их основе в 1930-е гг. был принят «Кодекс Хейса» (Motion Pictures Production Code). Согласно документу, в фильмах запрещалось: высмеивать святость брака; изображать христианских священнослужителей в дурном свете; использовать богохульные выражения; показывать сексуальные сцены, позы и жесты. Регламентировалось любое проявление сексуальности, вплоть до танцевальных номеров и характера одежды. Запрет касался сексуальных отношений между представителями черной и белой расы, гомосексуализма, процесса родов и других натуралистических сцен [16, с. 16].

В послевоенном мире ментальные представления о благопристойности изменились. Достаточно сравнить немой фильм «Бездна» (Урбан Гад, 1910) и эротическую мелодраму «Последнее танго в Париже» (Б. Бертолуччи, 1972). Образ, созданный звездой немого экрана Астой Нильсен, не менее драматичен, чем образ, созданный Марией Шнайдер. Обе они оказались на краю бездны, безотчетно доверившись чувству любви. Однако эротизм героини Асты Нильсен на фоне открытой сексуальности героини Марии Шнайдер подобен непорочности. Символом свободной любви в фильме Б. Бертолуччи предстает американец Пол (Марлон Брандо). Он олицетворяет господствующую культуру глобального мира. Пройдя сложный жизненный путь и достигнув зрелого возраста, он должен был обрести внутреннюю свободу и гармонию. На самом деле, перед нами предстает несчастный, глубоко травмированный человек. Пережив трагическую смерть жены, он пытается посредством сексуальной сублимации вытеснить свои комплексы и нерешенные проблемы. Однако перейти рубеж к новой жизни не удается – он погибает от рук возлюбленной Жанны (Мария Шнайдер).

Поначалу откровенность интимных сцен шокировала общество, вызвав запрет киноленты во многих странах. В Италии не удалось избежать судебных разбирательств. Несмотря на оправдательный вердикт суда первой инстанции в Болонье (1975), по решению апелляционного суда продюсер Альберто Гримальди, режиссер Бернардо Бертолуччи и актеры Марлон Брандо и Мария Шнайдер были приговорены к двум месяцам тюрьмы условно. Кассационный суд третьей инстанции (1976) запретил фильм к прокату, а его негатив надлежало уничтожить. Газеты окрестили уничтожение негатива «аутодафе “Последнего танго”». Бертолуччи вспоминал: «Я даже думал публично сжечь одну из копий фильма на площади Кампо-де-Фьори у подножия статуи Джордано Бруно» [17, с. 64]. Позже прокурор Марини закрыл судебные разбирательства. То, что считалось оскорблением общественной морали в 1973 г., в 1986 г. таковым не являлось [17, с. 66].

«Мечтатели» (2003) Б. Бертолуччи – это ностальгия по романтическим устремлениям молодости, когда кино было повальным увлечением молодежи. Постмодернистские аллюзии к фильмам Жан-Люк Годара, Р. Брессона, Ч. Чаплина, Л. Бунюэля, Б. Уайлдера, И. Бергмана, М. Антониони и других мастеров киноискусства позволили передать духовную атмосферу 1960-х гг. Она формировалась под воздействием сексуальной революции, которую режиссер раскрывает через перверсивные сексуальные опыты взрослеющих героев-киноманов. Их бунт против общественной морали сливается в фильме с леворадикальными студенческими

протестами в Париже (май, 1968). В США фильм получил самый жесткий прокатный рейтинг NC-17, запрещающий его просмотр детям до 17 лет. Американская киноассоциация MPAA (Motion Picture Association of America) приняла в 1968 г. новые правила взамен «Кодекса Хейса». Однако и они ставили барьер кинопродукции, в которой были явные сексуальные сцены, непристойности, сексуальная лексика и чрезмерные сцены насилия.

Изменение рамок допустимого в искусстве и снятие культурных запретов не было случайностью и определялось невиданными ранее социокультурными процессами. С середины 1950-х гг. мир пережил три глобальные революции: сексуальную, гендерную и семейную. Известный российский ученый И. С. Кон отмечал, что пик первой из них пришелся на 1960–1970-е гг. и привел к глубоким поведенческим и дискурсивным переменам. Они отразились на системе прав человека, в том числе его сексуальных прав, и были закреплены в Декларации Всемирной сексологической ассоциации (Валенсия, 1997). Среди них – права на сексуальную свободу, автономию, интимность, удовольствие, эмоциональное самовыражение, свободный и ответственный репродуктивный выбор, сексуальную информацию, основанную на научных исследованиях, всеобъемлющее сексуальное образование и охрану сексуального здоровья [18, с. 53].

Сексуальная революция сняла покров ханжества с интимных отношений и привела к перестройке общественной морали. Под ее воздействием экранная культура разрушала сложившиеся стереотипы и создавала новую матрицу поведенческой модели. В короткий исторический срок одна из ее нетрадиционных граней получала статус общественной нормы. Это открывало шлюзы сексуальной свободы, оставляя открытым вопрос о подлинной свободе личности. Нередко откровенный визуальный ряд сопровождался табуированной лексикой, поскольку обращение к сфере бессознательного активировало запретные языковые модели. Новые поведенческие стандарты формировались в условиях господства массовой культуры и культуры mass-media. Это обостряло проблему сохранения этики экранного пространства. Техногенная культура позволяла мгновенно тиражировать экранные образы и делала их достоянием многомиллионной аудитории в разных частях мира. Поэтому постмодернистские новации встречали общественные протесты, направленные против ломки сложившихся устоев общества. Особенно это было характерно для стран традиционной восточной культуры.

Десакрализация различных сфер жизни акцентировала внимание на телесности и сексуальной свободе, но еще в большей степени изменила отношение художника к такой теме, как смерть. Феномен смерти стал исследоваться как обычное явление. Квинтэссенцией подобного подхода стали творческие новации П. Гринуэйя. В его фильме «Зед и два нуля» (1985) прекрасная живописная манера съемок переплетается с вызывающей экранной реальностью. В духе абсурдизма сталкивается несочетаемое, антиномии: красивое и безобразное, рациональное и иррациональное, зарождение и угасание, сохранение и разложение, жизнь и смерть. Следуя концепции постмодернизма, П. Гринуэй вовлекает зрителя в сложную игру по дешифровке кинотекста. Его стилистика подобна гипертекстуальному полотну. В нем нет привычного сюжета и героев, а есть бесконечный поиск смыслов бытия.

Таким образом, под воздействием разнообразных социокультурных факторов, а также философии постфрейдизма и постструктурализма в мировом кинематографе произошла смена эстетических приоритетов. Художественный образ был лишен целостности и героического

начала. В нем отсутствовало резкое противопоставление добра и зла, сознательного и бессознательного, рационального и иррицонального. Художественные образы несли в себе толерантное звучание, стремление познать мир Иного, отражали плюрализм в различных его проявлениях, формировали модели поведения открытого, демократического общества. В то же время пережитый трагический опыт войны и диктаторских режимов, сложные духовные процессы в послевоенном мире изменили подходы к базовым эстетическим категориям (прекрасное и безобразное, возвышенное и низменное). Для западной культуры эпохи постмодерна характерной стала утрата духовного, сакрального начала. В художественном творчестве под влиянием сексуальной революции произошел сдвиг интереса к «эротизированной телесности» и психопатологическим наклонностям личности. В условиях массовой культуры и медийного экранного пространства это порождало новый вид духовной несвободы в рамках контркультуры, трансгрессии, примитивных ценностей «одномерного» человека.

Отечественное кино отразило важнейшие мировые тенденции, но их действие проходило в ином социокультурном контексте. Эпоха постмодерна в российском социуме совпала с системным кризисом, а в 1990-е гг. – с драматическим развалом СССР. Поэтому «русский постмодернизм» проявился позже, хотя истоками уходил в советское искусство 1960–1970-х гг. Он вырастал на почве модернизма, который под воздействием «духовной оттепели» преодолевал узкие рамки соцреализма. Стремительное освоение мирового культурного наследия и западного киноязыка приводили к тому, что временные рамки отечественного модернизма и постмодернизма смещались, а их художественная стилистика нередко переплеталась. В этом контексте «русский постмодернизм» целесообразно рассматривать в его эволюции и взаимосвязи с соцреализмом и модернизмом.

В послевоенные десятилетия стержнем национального самосознания оставалась память о войне. Фильмы этих лет продолжали традиции реалистической школы, но визуальные образы войны видоизменялись. Это прослеживается и в золотой коллекции картин: «Иваново детство» (А. Тарковский, 1962); «Женя, Женечка и Катюша» (В. Мотыль, 1967); «Белорусский вокзал» (А. Смирнов, 1971); «Проверка на дорогах» (А. Герман, 1971, 1985); «А зори здесь тихие» (С. Ростоцкий, 1972); «В бой идут одни старики» (Л. Быков, 1973); «Они сражались за Родину» (С. Бондарчук, 1975). В них образы героев отличались глубоким психологизмом и достоверностью, гуманизмом и любовью к Родине, многомерностью и тонкостью души. Преодолевая упрощенные подходы, впервые на экране появился образ умного, изощренного и циничного врага («Семнадцать мгновений весны»; Т. Лиознова, 1973).

К середине 1970-х гг. в советском кинематографе, наряду с методом соцреализма, проявилось влияние модернизма и постмодернизма. В фильмах военной тематики режиссеры стали использовать языковую стилистику этих течений. Для этого они обратились к символу, иносказаниям, широким философским обобщениям, наполнили текст киносценария авторским смыслом. Показателен в этой связи фильм Л. Шепитько «Восхождение» (1976, по повести В. Быкова «Сотников»). Исследователи отмечают, что творчество В. Быкова сродни художественно-философским произведениям Ж.-П. Сартра, А. Камю и Ф. Кафки и представляет собой версию отечественного экзистенциализма. Война в его произведениях служит лишь фоном для практически неразрешимых проблем нравственного выбора. Основной конфликт разворачивается среди «своих», а не между «своими» и общим врагом [19, с. 785]. Фильм усиливает драматизм ситуации благодаря предельной ясности позиции

режиссера: человек всегда выбирает по собственной воле добро или зло. Война только обостряет проблему выбора. Личный выбор человека – это и есть проявление его подлинной свободы воли. В этом ракурсе война предстает не только как философско-экзистенциальная, но и библейская проблема.

В лице своих героев Л. Шепитько сталкивает три позиции, три нравственных выбора. Это следователь Портнов, бывший завклубом и руководитель детского хора, кадровый военный Рыбак и бывший учитель Сотников. Если первые двое, каждый по-своему, делают выбор в пользу предательства, то Сотников завершает жизненный путь нравственным подвигом. Сила духа позволяет ему выдержать нечеловеческие испытания. Пройдя свой крестный путь, подобно Христу, он совершает духовное восхождение. Лишенный привычной внутренней динамики, фильм сужает действие до противостояния трех нравственных миров. Внешняя простота сюжета подчеркивается музыкой А. Шнитке. Поначалу она растворяется в кадре, напоминая неясные звуковые шумы. В кульминационный момент, преодолевая звуковой хаос, музыка как будто вырывается из плена. Она возносится к небесам вместе с душой, сливаясь с трубным гласом и звуком колокола, напоминающего об архетипических образах русской православной культуры. За внешней простотой скрываются глубинные смыслы. Фильм поднимается до вершин христианского понимания добра и зла, выступая аллегорией библейских текстов. Неслучайно из толпы свидетелей казни в сторону Рыбака звучит презрительное слово: «Иуда». По мысли философа и культуролога Н. А. Хренова, фильм Л. Шепитько – это современная версия восхождения на Голгофу, а в более широком смысле – выражение коллективной идентичности русского человека, если под ней понимать национальную или цивилизационную идентичность [20, с. 234].

Фильм Э. Климова «Иди и смотри» (1985, по мотивам произведения А. Адамовича «Хатынская повесть») раскрывает войну через зверские расправы нацистов над мирными жителями белорусской деревни. Его название «Иди и смотри» – это семиотическая отсылка к библейскому тексту, Откровению Иоанна Богослова (гл. 6, ст. 1). В контексте его видений происходящая война предстает как всеобщая катастрофа мироздания, современный Апокалипсис. Режиссер использует сложные метафоры и иносказательный язык кинокадра в духе постмодернизма. Однако новые художественные приемы не размывают, а усиливают центральную идею фильма. Нацизм неизбежно приводит человека к его озверению, расчеловечиванию, отпадению от Бога.

Фильмами Л. Шепитько и Э. Климова завершается этап советской кинематографии, посвященный Великой Отечественной войне. Советское кино, сохранив гуманистическую направленность, всесторонне запечатлело трагедию и величие подвига народа-победителя. Накануне краха государственности отечественное кино органично соединило реалистическую манеру съемки и постмодернистские приемы. Некоторые режиссеры применяли их для более точной передачи глубинных смыслов кинотекста.

Особое место в этом ряду принадлежит выдающему режиссеру А. Тарковскому. Хотя он не связывал свое творчество с определенным художественным направлением, в нем отразились общемировые тенденции. Уже в фильме «Иваново детство» (1962) по мотивам повести В. Богомолова «Иван» режиссер вводит необычный новаторский прием. События военных лет раскрываются через призму страдания подростка, пережившего ужасы концлагеря и потерю родных. Поэтому у него в душе господствует чувство мести, которое деформирует

его личность. Для Тарковского это «характер, разрушенный, сдвинутый войной со своей нормальной оси» [21, с. 109]. Островок любви пробуждается в нем только в снах, связанных с воспоминаниями о прекрасном мире детства. Так, в фильме появляется «двоемирие» – характерный прием модернизма. С одной стороны, это настоящее. В этой временной эпохе царит жестокая реальность войны, взрослого мира, неподвластного детскому пониманию. С другой стороны – это прошлое. Оно оживает в поэтически преображенных кадрах, наполненных любовью и счастьем. Здесь образы матери и прекрасной русской природы, и живительной силы воды, и беспечных детских игр. Расширение пространственных и временных границ киноленты, применение метода ретроспекции благодаря снам Ивана создает новое восприятие художественного образа. Столкновение в «кричащем» диссонансе прошлого и настоящего усиливает трагичность происходящего и придает фильму особую глубину.

Тщательно работая с кадром, А. Тарковский превращает его в интертекст, что отражает влияние постмодернизма. В фильме это достигается в момент, когда в кадре появляется гравюра А. Дюрера «Четыре всадника Апокалипсиса» (1497–1498). Сознание Ивана, поврежденное войной, отказывается признать «немецкий трофей» феноменом культуры, поскольку для него все немцы – «фрицы». Напротив, взрослое мировосприятие расширяет рамки ренессансной эпохи. Страшные видения Иоанна Богослова в последние часы Судного дня ассоциируются с происходящей мировой катастрофой. Точно найденный художественный образ позволяет раскрыть войну как всемирную схватку сил Добра и Зла, Жизни и Смерти, Рая и Ада, современный Апокалипсис, предвосхищая фильм Э. Климова «Иди и смотри» (1985).

Фильм «Зеркало» (1974, сценарий А. Тарковского и А. Мишарина) обладает яркой художественной образностью. Как писал Ю. М. Лотман, сила воздействия кино – в разнообразии построенной, сложноорганизованной и предельно сконцентрированной информации, понимаемой в широком смысле как совокупность разнообразных интеллектуальных и эмоциональных структур, передаваемых зрителю и оказывающих на него сложное воздействие – от заполнения ячеек его памяти до перестройки структуры его личности. Именно изучение механизма этого воздействия составляет сущность и задачу семиотического подхода к фильму [22, с. 54].

Фильм строится по принципу коллажа. Перемежая различные кадры, сюжет как будто отражает два пласта. Первый пласт – это художественный видеоряд. Он напоминает экзистенциальные драмы И. Бергмана и еще в большей степени – психологические драмы Ф. М. Достоевского. За иносказательной формой прослеживается автобиографический материал. Второй пласт – это документальные кадры, историческая хроника. Однако фильм начинается с пролога «Я могу говорить», в котором врач помогает молодому человеку снять заикание, преодолевая бессознательные психологические барьеры. Этот уникальный кадр – ключ к пониманию исповеди самого художника, очищающего душу покаянием.

Герой фильма, поэт Алексей, накануне ухода из жизни пытается разобраться в своих отношениях с родными. Игровые сюжеты возникают подобно фантомам в сознании умирающего человека. Здесь властвует память и эмоции, выбирая то один, то другой отрывок жизни. Глубинное воздействие производят опоэтизированные кадры далекого детства, родного дома, образов отца и матери. Через эти образы-архетипы зрители погружаются и в мир своего детства. На их фоне яркой вспышкой памяти остается кадр из жизни матери, рабо-

тавшей корректором в типографии. В эпоху сталинского режима ошибка в тексте, особенно политического характера, могла стоить человеку жизни.

Воспоминания и сны позволяют герою переосмыслить свой жизненный путь. Ведь нерешенные проблемы отражаются в судьбах детей. Детские психологические травмы; горечь ухода из семьи отца; мужество матери, которая в тяжелые годы войны в одиночку вырастила двоих детей; не сложившиеся отношения с сыном от первого брака и развод с женой – такова основа нравственных рефлексий автора. В действие фильма режиссер вводит мать – М. А. Вишнякову и отца, известного поэта А. А. Тарковского.

Вопреки фрагментарности фильм преодолевает рамки камерной драмы, присущей И. Бергману. Он воссоздает целостность прожитой жизни и эпохи. В этом отношении сын повторяет отца, Арсения Тарковского, который в стихотворении «Жизнь, жизнь» писал: «Я век себе по росту подбирал» (1965). Будучи поэтом, Алексей сохраняет мироощущение, свойственное русской интеллигенции, для которой судьба Отечества неотделима от мировой истории. На это указывает внезапное появление и исчезновение в кадре Незнакомки. Она предлагает Игнату, сыну Алексея, прочитать знаменитое письмо А. С. Пушкина к П. Я. Чаадаеву (19 октября 1836 г.). Это письмо – кодовый знак извечного дискурса России, русской цивилизации, ее дихотомии. Каково место России в системе координат: Культуры (Восток – Запад) и Веры (Православие – Католицизм)? В ответ на духовные поиски П. Я. Чаадаева А. С. Пушкин писал, что схизма (раскол) на самом деле отъединила Россию от остальной Европы, но у нее было особое предназначение. Необъятные пространства России поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и отошли к своим пустыням. Христианская цивилизация была спасена. А. С. Пушкин заключает: ни за что на свете не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал [23, с. 22–23].

Судьба героя раскрывается на фоне документальных кадров. Здесь и гражданская война в Испании, и первые советские стратостаты, и победное завершение Великой Отечественной войны в Берлине, и драматические события на острове Даманский (1969) в годы культурной революции в Китае. Среди них по силе воздействия выделяется кадр, раскрывающий драматический переход Красной армии через озеро Сиваш (1943). Пересмотрев тысячи метров пленки о войне, А. Тарковский был потрясен документальной правдивостью снятого материала, мужеством солдат и профессионализмом военного оператора. В интерпретации режиссера этот кадр обретает новый, философский смысл.

По мнению культуролога Ю. В. Михеевой, звукозрительный образ воды в фильмах А. Тарковского включается в круг архетипических образов художественного пространства (огонь, дом, дерево). Вода появляется в виде статичной субстанции (стоячая вода) как символическая граница между мирами (физической, жизненной реальности и смерти, воспоминаний, снов, религиозно-мистических ритуалов). Как динамическое явление (вертикальные водные потоки, текучие воды) она является символом сущностного изменения героя (физического и духовного очищения и преображения) или как проявление трансцендентного. «Переход через Сиваш» – это переход через тему Смерти к теме Жизни в высшем ее понимании. Режиссер находит новое пространственно-временное и звуковое решение эпизода. Помимо жесткого «прозаического» ритма визуального ряда, озвученного за кадром плеском воды, мы слышим как бы зависший во времени музыкальный аккорд и стихи Арсения Тарковского:

«На свете смерти нет, бессмертны все, бессмертно все… есть только явь и свет, ни тьмы, ни смерти нет на этом свете…» [24, с. 300].

Фильм «Зеркало» пронизан удивительной поэтической красотой. Она создается музыкой И. С. Баха, Г. Перселла, Э. Артемьева, живописью Леонардо да Винчи и поэзией А. А. Тарковского. Новаторский замысел режиссера, уникальные операторские съемки (Г. Рерберг), выдающееся актерское мастерство (М. Терехова, О. Янковский, А. Солоницын) превращают его в мировой художественный шедевр. Эстетика «Зеркала» отражает синтез модернизма и постмодернизма, в то время как эстетика «Ностальгии» (1983) и «Жертвоприношения» (1986) связана с «постмодернистским классицизмом». Неслучайно Ф. Джеймисон в работе «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма» использует в качестве иллюстрации один из кадров «Ностальгии».

По мысли В. М. Дианової, в постмодернизме, в рамках элитарного искусства, возник особый тип художественного творчества – так называемое «массовое искусство для элиты». Это массовое искусство для интеллектуалов, восприятие которого предполагает знание особых коммуникативных кодов. Такого рода искусство прибегает к приемам интертекстуального письма, цитациям, пастишам, коллажам, которые рассчитаны на высокий интеллектуальный уровень читателя, слушателя, зрителя [6, с. 232]. На наш взгляд, это в полной мере относится к творческому наследию А. Тарковского.

Русский постмодернизм в кинематографе проявил себя как художественный метод осмысления действительности. Накануне распада государства он выявил свою национальную специфику. Предчувствие художником будущих катастроф направляло вектор его творчества к философским поискам смысла бытия, духовности, нравственному идеалу. Для него было характерно метафизическое, аллегорическое начало, осознание религиозных истоков русской цивилизации. В частности, в фильме «Андрей Рублев» А. Тарковский обратился к исихастской традиции.

Крах государства изменил культурную парадигму России. Как отмечают исследователи, в ней снималось различение категорий «порядка» и «хаоса». «Порядок» растворялся в «хаосе» или допускалось «сращение» хаоса с порядком, что отразилось в русском постмодернизме. Он знаменует собой противоречивый результат наложившихся друг на друга гетерогенных, разноосновных, а нередко и взаимоисключающих процессов, развивающихся в России на протяжении всего XX в. [19, с. 461–462].

Однако парадокс состоит в том, что в отечественном варианте постмодернизма наиболее четко концентрируются его сущностные черты. Здесь культурный переход к постнеклассическим формам жизнедеятельности сопровождается цивилизационным и формационным кризисом. На крутом повороте истории Россия заново обретает себя, осознает свои истоки. Художнику еще предстоит осмыслить сложность этого перехода и воплотить его в своих кинолентах, осознать своеобразие духовной ситуации в постсоветской России.

Оставляя за пределами внимания маргинальные проявления постмодернизма, отметим, что многие режиссеры продолжают традиции мирового и отечественного кино. Фильмы А. Балабанова в парадоксальной, абсурдистской манере показывают крах всех культурных, ценностных ориентиров общества: будь то героизация «лихих 90-х» («Брат», 1997; «Брат 2», 2000), эстетизация «безобразного» («Про уродов и людей», 1998) или трансгрессия инфернальной личности («Груз 200», 2007). К. Лопушанский («Русская симфония», «Конец

века», «Гадкие лебеди», «Роль», «Сквозь черное стекло», 1994–2019), соединяя в своем творчестве разные жанры киноискусства, переосмысливает духовный опыт русской цивилизации. Жесткая эстетика в духе экзистенциальной драмы пронизывает фильмы А. Звягинцева («Возвращение», «Изгнание», «Елена», «Левиафан», «Нелюбовь», 2003–2017). Н. А. Хренов отмечает, что открытие сакральной ауры семьи, впервые начатое в российском кино А. Тарковским («Зеркало»), остается формулой фильмов А. Звягинцева. Выстроенные по принципу интертекста, они посвящены духовным проблемам [25, с. 275]. Вскрывая болевые точки, А. Звягинцев показывает дегуманизацию и кризис духовно-нравственных основ семьи, общества, государства и церкви постсоветской России.

Заключение. Постмодернизм стал важнейшей вехой в истории мирового киноискусства. Он по-новому отразил изменившуюся реальность, выработал новые художественные приемы, создал новые художественные образы, заново переосмыслил опыт предшествующих эпох, показал сложность духовных процессов в современном мире. Русский постмодернизм возник на переломе исторических эпох, который сопровождается формационным и цивилизационным кризисом. Это заставляет художника обратиться к истокам русской цивилизации, наследию отечественной культуры, осознать ее духовные ценности в контексте общемировых и постсоветских процессов. Поиск новых смыслов бытия, гуманистических ценностей происходит в эпоху современного глобального мира, в котором действуют глубинные процессы разрушительного Хаоса. Поэтому в русском постмодернизме в концентрированном виде проявляются как общемировые, так и национальные особенности постмодернистского искусства. В этом его несомненное достоинство и все еще нераскрытые глубинные тайны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.

2. Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос. № 4 (25). 2000. С. 63–77.

3. Лакан Ж. О бессмыслице и структуре Бога // Метафизические исследования. Вып. 14. Статус иного / пер. с фр. А. К. Черноглазова. СПб.: Изд-во С.-Пб. филос. общ.: Алетейя. 2000. С. 218–231.

4. Хассан И. К концепции постмодернизма / пер. К. Дегтярева, А. Карпова. URL: https://culturolog.ru/content/view/2765/68/ (дата обращения: 30.09.2021).

5. Ильин И. П. Постмодернизм: словарь терминов. М.: ИНИОН РАН – Intrada, 2001.

6. Дианова В. М. Постмодернистская философия искусства: истоки и современность. СПб.: Петрополис, 1999.

7. Бычков В. В. Эстетика. М.: Гардарики, 2012.

8. Маньковская Н. Б. Постмодернизм в эстетике // Философская антропология: эл. научн. журн. 2018. Т. 4, № 1. С. 192–230. DOI: 10.21146/2414-3715-2018-4-1-192-230.

9. Гранин Ю. Д. Идеология постмодернизма и ее влияние на трансформацию языка социальных наук // Гуманитарный вестник: сетевой журн. 2018. № 5 (67). URL: http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/526.html (дата обращения: 30.09.2021). DOI: 10.18698/2306-8477-2018-5-526.

10. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Олейникова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.

11. Матис Э. Культовое кино и сексуальное насилие / пер. с англ. Л. Медведевой // Логос. 2012. № 6 (90). С. 157–179.

12. Кавани Л. Ночной портье / пер. с итал. К. Дьяконова // Искусство кино. 1991. № 6. С. 149–175.

13. Шлыкова С. П. Трансгрессия в авангардном искусстве XX – начала XXI вв.: автореф. дис. … канд. искусствовед. / Сарат. гос. консерватория (академ.) им. Л. В. Собинова. Саратов, 2013.

14. Марусенков В. В. Реконструкция прошлого в реальности экранной образности // Вестник ВГИК. 2020. Т. 12, № 2 (44). С. 50–60. DOI: https://doi.org/10.17816/VGIK34130.

15. Зонтаг С. Магический фашизм / пер. Н. Цыркун // Искусство кино. 1991. № 6. С. 50–57.

16. Кумылганова И. А. Проблемы классификационных систем теле- и киноиндустрии США в защите детей от нежелательной аудиовизуальной информации // Медиаскоп: эл. науч. журнал. 2009. № 3. URL: http://www.mediascope.ru/issues/237 (дата обращения: 30.09.2021).

17. Бертолуччи Б. Мое прекрасное наваждение: воспоминания, письма, беседы (1962–2010) / пер. с итал. Т. Риччо. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2012.

18. Кон И. С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14, № 1 (54). С. 51–65.

19. Кондаков И. В., Соколов К. Б., Хренов Н. А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М.: Прогресс-Традиция, 2011.

20. Хренов Н. А. Образы «Великого разрыва». Кино в контексте смены культурных циклов. М.: Прогресс-Традиция, 2008.

21. Тарковский А. А. Запечатленное время // Андрей Тарковский. Архивы. Документы. Воспоминания. М.: Подкова: Эксмо-Пресс, 2002. С. 95–351.

22. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973.

23. Мишарин А., Тарковский А. Зеркало // Киносценарии. № 6. 1994. С. 3–46.

24. Михеева Ю. В. Дуализм символики воды в фильмах А. Тарковского и К. Лопушанского // Художественная культура. 2020. № 1 (32). С. 295–314.

25. Хренов Н. А. Последователи дискурса А. Тарковского в современной российской кинорежиссуре: А. Звягинцев // Ярославский педагогический вестн. 2018. № 3. С. 264–276. DOI: 10.24411/1813–145X-2018–10088.

Информация об авторе.

Андреева Ольга Владимировна – старший преподаватель кафедры истории культуры государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 28 научных публикаций. Сфера научных интересов: история России, культурология, история мировой культуры, зарубежная культура XX в., советская культура, религиоведение. E-mail: osa3f@mail.ru

REFERENCES

1. Bell, D. (1999), *The coming of post – industrial society, a Venture in Social Forecasting*, Academia, Moscow, RUS.

2. Jameson, F. (2000), “Postmodernism and consumer society”, *Logos*, no. 4 (25), pp. 63–77.

3. Lacan, J. (2000), “About senseless and the God’ structure”, *Metafizicheskie issledovaniya. Vyp. 14. Status inogo* [Metaphysical research. Iss.14. The different status], Transl. by Chernoglazov, A.K., Izd-vo S.-Pb. filos. obshch., Aleteiya, SPb., pp. 218–231.

4. Hassan, I. (2017), *Toward the concept of postmodernism*, Transl. by Degtyarev, K. and Karpov, A., available at: https://culturolog.ru/content/view/2765/68/ (accessed 30.09.2021).

5. Ilyin, I.P. (2001), *Postmodernizm: slovar' terminov* [Postmodernism: a dictionary of terms], INION RAN – Intrada, Moscow, RUS.

6. Dianova, V.M. (1999), *Postmodernistskaya filosofiya iskusstva: istoki i sovremennost'* [Postmodern philosophy of art: origins and modernity], Petropolis, SPb., RUS.

7. Bychkov, V.V. (2012), *Estetika* [Aesthetics], Moscow, Gardariki, RUS.

8. Mankovskaya, N. B. (2018), “Postmodernism in aesthetics”, *Philosophical anthropology: scientific web J.*, vol. 4, no. 1, pp. 192–230. DOI: 10.21146/2414-3715-2018-4-1-192-230.

9. Granin, Yu.D. (2018), "The ideology of postmodernism and its influence of the social science language transformation", *Humanitarian bulletin: scientific J.*, no. 5 (67), available at: http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/526.html (accessed 30.09.2021). DOI: 10.18698/2306-8477-2018-5-526.

10. Jameson, F. (2019), *Postmodernism, or, The cultural logic of Late capitalism*, Transl. by Kralechkin, D., in Oleinikov, A. (ed.), Izd-vo Instituta Gaidara, Moscow, RUS.

11. Mathijs, E. (2012), "Cult cinema and sexual abuse", Transl. by Medvedeva, L., *Logos*, no. 6 (90), pp. 157–179.

12. Cavani, L. (1991), "Il portiere di note", Transl. by D'yakonov, K., *Iskusstvo Kino* [Art of cinema], no. 6, pp. 149–175.

13. Shlykova, S.P. (2013), "Transgression in the avant–garde art of the 20th and in the beginning of 21st century", Abstract of Can. Sci. (History of Arts) dissertation, Sarat. gos. konservatoriya (akadem.) im. L. V. Sobinova, Saratov, RUS.

14. Marusenkov, V.V. (2020), "Reconstruction of the Past in the Reality of Screen Imagery", *J. of Film Arts and Film Studies*, vol. 12, no. 2 (44), pp. 50–60. DOI: https://doi.org/10.17816/VGIK34130.

15. Sontag, S. (1991), "Fascinating fascism", Transl. by Tsyrkun, N., *Iskusstvo Kino* [Art of cinema], no. 6, pp. 50–57.

16. Kumylganova, I.A., (2009), "Topical problems of the classifying systems used in the TV and cinema industries for protecting children from undesirable audio or visual information", *Mediascope: scientific J.*, no. 3, available at: http://www.mediascope.ru/issues/237 (accessed 30.09.2021).

17. Bertolucci, B. (2012), *La mia magnifica ossessione: Scritti, ricordi, interventi 1962-2010*, Transl by Riccio, T., Kolibri, Azbuka–Attikus, Moscow, RUS.

18. Kon, I.S. (2011), "Three in one: sexual, gender and family revolutions", *J. of Sociology and Social Anthropology*, vol. 14, no. 1 (54), pp. 51–65.

19. Kondakov, I.V., Sokolov, K.B. and Khrenov, N.A. (2011), *Tsivilizatsionnaya identichnost' v perekhodnuyu epokhu: kul'turologicheskii, sotsiologicheskii i iskusstvovedcheskii aspekty* [Civilizational identity in a transitional era: cultural, sociological and art history aspects], Progress-Traditsiya, Moscow, RUS.

20. Khrenov, N.A. (2008), *Obrazy «Velikogo razryva». Kino v kontekste smeny kul'turnykh tsiklov* [Images of the "Great Divide". Cinema in the context of changing cultural cycles], Progress-Traditsiya, Moscow, RUS.

21. Tarkovskii, A.A. (2002), "Captured time", *Andrei Tarkovskii. Arkhivy. Dokumenty. Vospominaniya* [Andrey Tarkovsky. Archives. The documents. Memories], Podkova, Eksmo-Press, Moscow, RUS, pp. 95–351.

22. Lotman, Yu.M. (1973), *Semiotika kino i problemy kinoestetiki* [Semiotics of Cinema and Problems of Cinema Aesthetics], Eesti Raamat, Tallin, USSR.

23. Misharin, A. and Tarkovskii, A. (1994), "The Mirror", *Kinostsenarii* [Film scenarios], no. 6, pp. 3–46.

24. Mikheeva, Yu.V., (2020), "Dualism of Water Symbolism in the Films of A. Tarkovsky and K. Lopushansky", *Art & Culture Studies*, no. 1 (32), pp. 295–314.

25. Khrenov, N.A. (2018), "Followers of A. Tarkovsky's Discourse in Modern Russian Film Direction: A. Zvyagintsev", *Yaroslavl pedagogical bulletin*, no. 3, pp. 264–276. DOI: 10.24411/1813–145X-2018–10088.

Information about the author.

Olga V. Andreeva – Senior Lecturer at the Department of History of Culture of State and Law, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professora Popova str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 28 scientific publications. Area of expertise: history of Russia, culturology, history of world culture, foreign culture of the 20th century, Soviet culture, science of religions. E-mail: osa3f@mail.ru

УДК 316.7 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2021-7-6-62-73
Оригинальная статья / Original paper

Динамика событийных процессов информационного общества: социальные функции фейка и хайпа

С. В. Герасимов✉

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия
✉votje82@mail.ru

Введение. В статье рассматриваются феномен фейка, факторы его возникновения, развития и разрушения. Несмотря на то, что понятие «фейк» стало популярным и обросло большим количеством определений, дискуссия вокруг дефиниции этого понятия продолжается по настоящее время. Фейк и хайп, каждый по отдельности, становятся предметом исследования, и уже есть их подробная классификация. Фейк и хайп обычно понимаются как явления негативные, вводящие в заблуждение и уводящие от истины. Они представляют собой феномен устойчивого взаимодействия. Фейк может выступать триггером волны хайпа и ряда последующих событий. При этом особенно подчеркивается ощутимый дискомфорт этого явления. Актуальность исследования обусловлена необходимостью рассмотреть указанные феномены как позитивные процессы, показать их роль и функции с новой, позитивной точки зрения. Цель статьи – описать скрытые социальные функции феноменов фейка и хайпа, их взаимовключение, их положительную роль в процессах формирования социальной реальности.

Методология и источники. Источником исследования стала дискуссия, посвященная фейкам и изложенная в коллективной монографии «Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность» под редакцией Г. Л. Тульчинского. В статье для создания динамических моделей событий были использованы теория скрытых колебаний и устойчивость систем управления Н. В. Кузнецова и классическая теория колебательных и волновых процессов в интерпретации Н. В. Карлова, Н. А. Кириченко.

Результаты и обсуждение. В результате исследования прослежена важная связь фейка и хайпа. Фейк запускает реакцию в виде хайпа, который в свою очередь дает конкурентные преимущества всем участникам процесса: персонам, социальным и субкультурным группам, институтам, государствам и их союзам. Кроме отрицательного влияния фейка на человека и социальную реальность, существует множество случаев, когда фейк является необходимым явлением в социальных и культурных процессах. В условиях традиционно высокой конкуренции в процессах достижения каждой последующей ступени социально-карьерной лестницы фейк – один из необходимых элементов достижения конкурентного превосходства. Хайп, как и фейк, может выступать не только раздражающим и отрицательным фактором, но и необходимым элементом в сбалансированном развитии социума и публичного коммуникационного пространства. Фейк как запускающее событие для генерации волны хайпа можно использовать в целях конструирования социальной реальности. Моделирование динамики событийных процессов позволяет создавать коммуникационную

© Герасимов С. В., 2021
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

среду с заранее выстроенными свойствами, использовать специальные события как эффективный инструмент управления социально-культурными процессами.

Заключение. Фейк и генерируемый им хайп – необходимые элементы эволюционного развития социальной реальности и культуры, поэтому рассмотрение позитивных последствий этих феноменов так необходимо для полноценного описания генерируемых ими социально-культурных процессов, сбалансированного изучения процессов формирования социальной реальности.

Ключевые слова: коммуникация, фейк, хайп, события, информационное общество, событийные процессы.

Для цитирования: Герасимов С. В. Динамика событийных процессов информационного общества: социальные функции фейка и хайпа // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 6. С. 62–73. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-62-73

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 16.08.2021; принята после рецензирования 08.10.2021; опубликована онлайн 24.12.2021

Dynamics of Event Processes in the Information Society: Social Functions of Fake and Hype

Sergey V. Gerasimov✉

Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

✉votje82@mail.ru

Introduction. The article examines the phenomenon of fake, the factors of its occurrence, development and destruction. Despite the fact that the concept of fake has become popular and has acquired a large number of definitions, the discussion around the definition of this concept continues to the present. Fake and hype, each separately, becomes the subject of research and there is already a detailed classification of them. Fake, like hype, is usually understood as negative, misleading and distracting phenomena. Meanwhile, they represent a phenomenon of stable interaction. A fake can trigger a hype wave and a subsequent series of events. At the same time, the tangible discomfort of this phenomenon is especially emphasized. The relevance of the study is due to the need to consider these phenomena as positive processes, to show their role and functions from a new, positive point of view. The purpose of the article is to describe the hidden social functions of the phenomenon of fake and hype, their mutual inclusion, their positive role in the processes of the formation of social reality.

Methodology and sources. The source of the research was the discussion on fakes and presented in the collective monograph "Fakes: Communication, Meanings, Responsibility" edited by G.L. Tulchinsky. In the article, to create dynamic models of events, the theory of latent oscillations and stability of control systems were used, N.V. Kuznetsova and the classical theory of oscillatory and wave processes in the interpretation of N.V. Karlov, N.A. Kirichenko.

Results and discussion. As a result of the study, an important connection between fake and hype was traced. A fake triggers a reaction in the form of a hype, which in turn gives competitive advantages to all participants in the process: persons, social and subcultural groups, institutions, states and their unions. In addition to the negative impact of a fake on a person and social reality, there are many cases when a fake is a necessary phenomenon in social and cultural processes. In the conditions of traditionally high competition in the processes of achieving each subsequent step of the social and career ladder, fake is one of the necessary elements for achieving competitive superiority. Hype, like fake, can act not

only as an annoying and negative factor, but also as a necessary element in the balanced development of society and public communication space. Using a fake as a triggering event to generate a hype wave can be used to construct social reality. Modeling the dynamics of event processes allows you to create a communication environment with pre-built properties, use special events as an effective tool for managing socio-cultural processes.

Conclusion. Fake and the hype generated by it are a necessary element of the evolutionary development of social reality and culture, therefore, consideration of the positive consequences of these phenomena is so necessary for a full description of the socio-cultural processes generated by them, a balanced study of the processes of the formation of social reality.

Key words: communication, fake, hype, special events, information society, event processes.

For citation: Gerasimov S. V. Dynamics of Event Processes in the Information Society: Social Functions of Fake and Hype. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 6, pp. 62–73. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-62-73 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 16.08.2021; adopted after review 08.10.2021; published online 24.12.2021

Введение. Тема фейков, их определение, классификация рассматриваются в современной научной литературе и находятся на пике актуальности в связи с политическими, экономическими и другими процессами, происходящими в публичном коммуникационном пространстве [1]. Современная система классификации фейков [2] не оставляет места для нейтральных и позитивных сторон этого феномена. Рассматривая этапы возникновения, развития и разрушения фейков, необходимо отметить несколько субстанциональных особенностей этого феномена.

Во-первых, фейк становится особенно эффективным инструментом решения задач широкого социального спектра в условиях информационного общества и тотальной цифровизации. В современном пространстве публичных коммуникаций у фейков появились исключительные возможности для массового распространения и применения, они фактически институционализировались. Информационное общество породило особенную коммуникационную среду, в которой каждый человек становится формирователем контента. Достаточно войти в Интернет, и невидимые счетчики интернет-сервисов отследят время, место и продолжительность посещения того или иного ресурса. Это влияет на рейтинги, которые влияют на контент, и т. д. Создается особенное публичное пространство: «Новые возможности повлияли на роли членов социума, переведя большинство из них из статуса получателя информации в статус журналиста, автора, спикера, режиссера, критика, политика и т. д.» [3].

В конструировании предыдущих социальных пространств право на истину принадлежало избранным СМИ. Их монополия обеспечивалась дорогой аппаратурой, эксклюзивным правом на каналы коммуникаций, государственным контролем за контентом. Сейчас достаточно небольшого и недорогого гаджета, чтобы собрать своих фолловеров (последователей) и фактически стать СМИ. В эпоху индустриального общества и ранее вещать с газетных страниц, с экранов телевизоров, из динамиков радиоприемников могли только избранные члены общества: депутаты, журналисты, спортсмены, политики, актеры и другие представители элит. Наступление технологий маркетинга, усиление манипулятивного давления на человека привело к падению уровня доверия к СМИ, публичным персонажам, воздействию

на принятие решения в любом виде. Целевые аудитории традиционных СМИ научились различать манипуляцию между строк в различных формах. В условиях тотального недоверия человек все острее чувствует попытки управлять своим выбором. В этой среде право на «правду» перешло от элит к широким массам и породило феномен «постправды» [4].

Одновременное существование различных точек зрения, множества противоречивых мнений формирует турбулентный информационный поток, в котором социальная реальность находится в процессе постоянного выяснения истины. В этих условиях участники публичного коммуникационного пространства не успевают стать экспертами во множестве интересующих их сфер и поэтому вынуждены выбирать наиболее подходящие и убедительные аргументы и экспертов согласно своему габитусу и интенциям. В этих условиях фейк служит элементом пазла, дополняющим социальную реальность до непротиворечивой картины и не только.

Во-вторых, в процессе создания благоприятной среды для генерации фейков важную роль играет цифровизация. В предыдущий период традиционными хранителями истин, баз данных служили научные институты, специализированные библиотеки и другие хранилища информации. Они в лице их сотрудников играли роль арбитра при появлении фальсифицированной или ошибочной информации. В современных условиях оцифрованы и выложены в широкий доступ колоссальные объемы данных, среди которых фейки по различным причинам стали неотличимы от настоящих документов. Можно сравнивать событие фейка с событием газетной утки. Очевидная разница в том, что утку обсуждало и комментировало максимум несколько десятков авторов, а качественный фейк становится темой для обсуждения десятков миллионов активных авторов.

В-третьих, генерация фейков возможна только в определенных условиях. Эти условия определяются возмущением информационной среды. Если фейк появляется в условиях «информационного штиля», когда новостной шум понижен, то даже незначительное событие становится информационным поводом [3]. С другой стороны, при большом новостном потенциале фейк-новость может превысить порог информационного шума и получить дальнейшее развитие. Необходимым условием для фейка становится его релевантность информационному ожиданию участников публичного коммуникационного пространства. Информационное ожидание связано с беспокойством об основных базовых потребностях: дом, семья, секс, безопасность, еда. Кроме этого, но в меньшей степени, существует беспокойство об уровнях деловой активности, политической и научной среды. Недостаток информации, неопределенность ситуации, ее непредсказуемость создают вакуум, который заполняется фейками – страшилками особенного рода, порождая хорроризацию как особый вид фейков.

Кроме фейков-хорроров существуют и другие разновидности фейков. К ним относятся развлекательные фейки, которые напоминают игру «Угадайка». Эта часть в большинстве проявлений представляет собой достаточно безобидное производство фейков и наполняет рекреационно-досуговую нишу. К особенному виду фейков можно отнести бренды, они представляют собой особенное пространство рукотворной реальности, в которой брендируемый предмет или услуга обрастает нереальными, иногда магическими свойствами. С этой точки зрения фейк – это короткоживущий миф. Как и в случае с брендом, он создает определенную реальность, которая несет на себе атрибуты истинности, заставляя поверить в созданную реальность.

Сочетание истинных атрибутов у фейка, как и ложных атрибутов у истины, позволяет создавать пространства, смежные между собой, в том числе и тренировочные. Наглядно это показано в научно-фантастическом кинофильме «Игра Эндера» режиссера Г. Худа по одноименному роману Орсона Скотта Карда. В фильме главного героя – ребенка – убеждают, что ситуация игровая и нереальная, и только тогда он решает поставленную задачу, спасает человечество и т. д.

В-четвертых, фейк сопряжен с хайпом: нет хайпа – нет фейка. «Хайп (англ. hype, от hypodermic needle – „игла для подкожного впрыскивания”) – обман, ажиотаж, навязчивая реклама – внезапный всплеск интереса в СМИ или в Интернете к какому-либо событию или человеку» [5, с. 57]. Хайпом применительно к событию фейка можно назвать волну вторичных событий-террасок, которые запускает фейковое событие. Волна хайпа поднимает фейковую новость над уровнем информационного шума и вносит ее в новостную ленту каждого гаджета. В этом смысле хайп – это среда, в которой развиваются фейк и связанные с ним последствия.

Методология и источники.

Моделирование динамики событийных комплексов. В проведенном исследовании были использованы элементы междисциплинарного «стереометрического» подхода [6] к феноменам хайпа и фейка, который был применен в рассмотрении фейка как негативного явления. Обзор основных зарубежных и отечественных научных теорий и кейсов, связанных с отрицательным эффектом фейка в современном информационном обществе и ранее, приведен в коллективной монографии «Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность» [1]. В рассмотрении феномена фейка мы исходили из концепции, что любая авторская информация несет в себе принципиальную неполноту отражения действительности в силу того, что автор отражает только то, что ему представляется наиболее существенным, опуская второстепенные детали. В информационных сообщениях отражается бесконечное разнообразие мира в какой-то определенной проекции, с какой-то точки зрения: реальной или мифологизированной, в каких-то целях, с какой-то конкретной позиции, в каком-то смысле [7]. В отдельном исследовании была рассмотрена перформативная основа текста, которая в явной или скрытой форме пытается внести авторскую интенцию в сознание читателя [8]. С точки зрения сбалансированного рассмотрения феномена фейка были проанализированы позитивные качества фейка и хайпа как инструментов социального лифта, дидактического элемента и другие качества, которые несут определенные, часто уникальные выгоды для общества. В построении событийно-коммуникационных моделей и их применении для исследования процессов генерации и распространения фейка и хайпа как взаимосвязанных феноменов были использованы элементы традиционной теории колебаний [9] и теории скрытых колебаний и устойчивость систем управления [10].

Развитие фейка-события подчиняется общей математической модели развития события [11] и служит для генерации событий-террасок [12], которые могут ускорять или тормозить скорость распространения хайпа. События-терраски, возникающие как детерминированный результат генерального события, – это упорядоченное множество причинно-следственных событий, происходящих как последовательно, так и параллельно. Такой всплеск вторичных событий создает реактивный массив, математическую суперпозицию которого можно прогнозировать и использовать. Хайп как процесс ажиотажного спроса на

развитие фейка позволяет делать из фейка сериал с определенной цикличностью, где «продолжение следует».

В этом случае возможны три основных варианта развития хайпа. Хайп обладает цикличностью и повторяемостью нарастания и затухания новостного потенциала. Цикличность событий, в том числе и фейковых, порождает системы с обратной связью, когда фейк формирует реальность, которая перезапускает фейк заново. Примерами цикличных колебаний волн хайпа могут послужить особенно значимые события в прошлом, но актуализирующиеся «по случаю», например, была ли высадка американцев на Луну, новые факты убийства Кеннеди, подвиг 28 панфиловцев. Такие колебания хорошо моделируемы, и их эффект и эффективность без труда просчитываются. Несмотря на давность событий, с помощью апробированных волн можно получать стабильные результаты: поклонников и противников.

В другом случае система, в которой сгенерирован фейк, получает положительную обратную связь (ПОС) от массы активных участников публичного пространства, что не только продлевает жизнь фейка, но и увеличивает его новостной потенциал, порождает новую волну фейков и т. д. В случае ПОС система самовозбуждается в короткие сроки и может дойти до истерии, паники и прочих экстремальных массовых состояний. В некоторых случаях (паника, революция) система выходит за рамки контролируемых колебаний и саморазрушается. Примеры ПОС наиболее широко распространены в литературе различных жанров и условно называются «эффектом бабочки». В этих случаях небольшое событие способно управлять огромными силами – подобно тому, как нажатие кнопки приводит к запуску реактора или включение реле запускает линии электропередач высокой мощности. В теории динамических систем (от А. Пуанкаре и далее) доказано, что детерминированно-хаотические системы чувствительны к малым воздействиям [13].

При циклических событиях возникают вторичные события-терраски, не связанные с первичным фейком и провоцирующие уже самостоятельные причинно-следственные цепочки. Например, широкое распространение импульсных технологий в радиоэлектронике привело к быстрому прогрессу во многих областях, мало связанных с радиоэлектроникой. Изобретение радио породило новые профессии и жанры в искусстве и т. д.

В некоторых случаях фейки – это события, запускающие социально-культурные процессы. В случае создания системы с отрицательной обратной связью (ООС), когда фейк сталкивается в пространстве публичных коммуникаций с фактчекингом или событием с большим, чем у фейка, новостным потенциалом (фейком или не-фейком), наблюдается система с отрицательной обратной связью, что выражается в падении ажиотажа и уходом фейка в «новостной шум». Например, слухи о том, что Александрийский столп может упасть в любой момент, сильно будоражили умы петербуржцев в 1836 г., но со временем волнения приблизились к нулю. Большая часть ярких и феерических событий со временем угасает, и интенсивность переживаний в случае их вспоминания стремится к нулю.

Кроме представленных идеальных моделей, фейковые события могут взаимодействовать с другими фейковыми и настоящими событиями. В этом случае равнодействующая реакция на их проведение может иметь сложные формы.

Примером для такой модели могут выступать предвыборная или рекламная компания, которые состоят из серии небольших событий, разных по величине и частоте. Такие модели

также часто используются в медиапланировании при формировании стратегий и тактик рекламных или PR-кампаний.

Фейковые события и хайп в конечном итоге принимают участие в формировании мифодизайна публичного коммуникационного пространства. В этом пространстве существуют свои правила и законы. Из-за постоянной интервенции фейков и хайпа обществу потребовались технологии символической политики, которые устанавливают сквозную десигнацию, позволяют обществу координироваться и ориентироваться в новостном потоке. Десигнаторы могут быть любые: произведения искусства, памятники, документы, исторические события и т. д. [14]. В общем пространстве от них можно строить силлогизмы в требуемом направлении. С другой стороны, фейки и порождаемые ими легенды служат восполнением существующей реальности с ее противоречиями и нестыковками, они могут нести в себе сверхидеи, способные объединить население, создать новые символы с «правильными» героями и событиями или придать несуществующий смысл, особенное символическое значение действию в прошлом. В истории таких фейковых сюжетов много, и некоторые из них до сих пор способны вызывать волнения и колебательные процессы в обществе.

Результаты и обсуждение. Фейки и генерируемые ими волны хайпа выполняют несколько важных социальных функций. Вот некоторые из них:

1. Функция альтернативного социального лифта. Эта функция служит противовесом традиционным социальным лифтам и в значительной степени снижает социальное напряжение стратифицированного социума в тех случаях, когда у отдельных персон и целых субкультурных групп нет возможности пробиться наверх, но есть энергия и агрессия для осуществления такого подъема.

2. Фейк как элемент обучения, дидактики. С детства в процессах обучения и воспитания человек сталкивается с социальными мифами, учится отличать правду от лжи, понимать скрытый перформативизм нарративов. Одновременно с этим в поведенческие паттерны закладывается идея альтернативного, сказочного метода достижения целей. Во взрослом возрасте накапливается достаточный опыт создания фейков и даже волн хайпа.

3. Фейковые события как моделирование возможного будущего. Эта социальная функция фейка позволяет моделировать различные массовые реакции на различные события. При этом у фейка всегда есть возможность восстановления status quo с помощью объявления события фейком.

4. Рекреационно-досуговая функция фейка. Эта функция довольно древняя и проявляется в различных сказках, присказках, поговорках и пословицах, анекдотах и забавных случаях, головоломках, загадках, шутках и т. д. Несмотря на внешнюю «несерьезность», хороший анекдот может распространяться со скоростью новости, а рассказчик становится объектом внимания.

Фейк как предпосылка социального лифта. Современное самодостаточное плоскоимманентное общество находится в ситуации, когда утрачивается позитивный образ будущего [6]. Будущее воспроизводится по образцу настоящего, оно видится таким же или худшим, чем настоящее. В этих условиях требуются очень серьезные вложения в любые активы, сопряженные с традиционными усилиями, позволяющими подняться на следующую ступень социальной иерархии. Такой социальный лифт как образование [15] требует от студента не только хороших когнитивных способностей, но и целого комплекса затрат: финансовых, временных, трудовых и т. д. Если человек к взрослому возрасту не стал

«звездой» в любом традиционном проявлении (художник, спортсмен, герой войны, космонавт, ученый, финансист, политик, бизнесмен, актер и т. п.), то он ищет новые каналы-лифты, чтобы занять высшие ступени в социальной жизни. Такие поведенческие паттерны формируются в процессах инкультурации, социализации, обучения и воспитания. Человек вырастает на корпусе нарративов, большинство которых, особенно произведения устного народного творчества, – истории о социальных лифтах. Окружающая среда активно рекламирует и продвигает людей успешных, а иногда и просто неординарных. Такой тренд – это не изобретение XXI в., в истории много примеров получения популярности и узнаваемости любым способом. Яркий пример – убийство Джона Леннона Чепменом.

Подобные события в условиях информационного общества и тотальной цифровизации перестали носить исключительный характер и становятся массовым трендом. Расширение и упрощение доступа к коллективному коммуникационному пространству привело к тому, что по результату воздействия фейк приблизился к реальным событиям. Другими словами, результат действия (события) становится соизмеримым, как в случае наступления реального события, так и в случае фейкового действия. В этих условиях, разумеется, возможности генерации фейкового события гораздо выше в связи с тем, что для его создания не требуется больших ресурсов.

В индустриальном социуме популярность и узнаваемость достигалась не столько удачным стечением обстоятельств, сколько большим усилием воли и мобилизацией всех ресурсов. Современные пользователи TikTok, блогеры, стримеры, геймеры и др., разумеется, отличаются от космонавтов по большинству характеристик, но при этом их доход, популярность, слава, оказываемый им почет, уважение к ним от подписчиков и фолловеров соизмеримы. Кроме этого, происходит сокращение времени на достижение следующего уровня, формируется социальный лифт. С точки зрения создания навыков для успешного продвижения в публичном коммуникационном пространстве, необходимо владеть технологией анализа трендов социальной среды, понимать разницу между событием и фоновым шумом, чувствовать, подобно журналисту, какой факт может стать событием, а какой станет невидимкой.

Для успеха в продвижении потенциальному блогеру требуется запастись терпением и следить за конъюнктурой интернет-пространства. Большинство современных подростков (и даже взрослых) проводит несколько часов в день, занимаясь скроллингом, просматривая ленту новостей в поисках сенсации. Поиск новостей с высоким новостным потенциалом создает возможности для персонального продвижения; скроллер становится вторичным источником новостей, его популярность среди друзей и фанатов растет, растут рейтинги. Его фолловеры, которые не могут столько времени присутствовать в сети, используют такой источник как информационное агентство, которое не только отбирает новости, но и фильтрует их в соответствии с модными трендами и субкультурными запросами.

Если рассматривать событие-фейк с точки зрения пострадавшей аудитории, то и здесь не все однозначно. Фейк, запускающий волну хайпа, возможен только при условии, что его в той или иной форме ожидают. Его ищут в качестве информационного повода миллионы пользователей социальных сетей. Подобный поиск, спровоцированный информационным голодом, приводит к расходованию своего свободного и рабочего времени на ежедневный просмотр новостей. Идет охота за новостями. Этот феномен создает напряжение в соци-

альной реальности, растет потенциал новостного пространства, возникает новостной вакуум. Чем дольше нет новостей, чем больше в новостной ленте ординарных событий, тем выше вероятность возникновения фейка. Подобно последней снежинке, которая вызывает снежную лавину, фейк – это событие, которое в нужном месте и в нужное время служит триггером социально-культурных процессов. Позитивное содержание фейка как социального лифта – в снятии социального напряжения между различными стратами социума, дополнительная возможность, еще один способ самореализации человека в социальной иерархии без создания революционных ситуаций.

В результате описываемого процесса фейк для десятков и сотен миллионов «жителей» социальных сетей – исключительный социальный лифт, позволяющий подняться из неизвестности в лидеры общественного мнения, получить все блага реальности. В этих условиях качественный фейк ожидаем, каждый фейк – это шанс на счастливый подъем вверх. Этот эффект наблюдается на примере движения BLM (Black Lives Matter). В США произошло трагическое событие, оно могло быть купировано в считанные часы. Способов уменьшить социальное напряжение в практике психологии массовых коммуникаций великое множество, и организаторы событий, политтехнологи, маркетологи их знают. В США ситуация осложнилась вмешательством лидеров общественного мнения, которые увидели в этом хороший шанс оседлать волну хайпа. Именно этим можно объяснить тотальное желание белокожего населения публично признавать историческую несправедливость многовековой давности. До гибели Дж. Флойда волны хайпа не наступало, несмотря на многочисленные убийства. Но теперь для популяризации, продвижения появился новый лифт. Встал человек на колено – и вот он в фокусе кино- и фотокамер, он хэдлайнер газет и блогов.

Сегодня мировое пространство разделено на три части: за BLM; против BLM; индифферентно к BLM или пока не знают про эту волну хайпа. Пока существует хайповый потенциал к выяснению отношений, BLM мало отличается от волн «веганы vs мясоеды», «прививочники vs антипрививочники» и т. д.

Так писал классик:

«Послушайте!
Ведь, если звезды зажигают –
значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – кто-то хочет, чтобы они были?
Значит – кто-то называет эти плевочки жемчужиной?» [16, с. 60–61].

Фейк как дидактический элемент. Технологии фейка закладываются с самого раннего детства с помощью игр, сказок и других форм сторителлинга. Говоря о среде формирования фейка, нельзя отметить и некоторую необходимость фейка, например, в обучении. Постоянное обучение ребенка, как со стороны учителей, так и происходящее между детьми, создает запрос на тренировочные истории, по которым ребенок учится отличать правду от неправды, искать слабые места, упражняться в фактчекинге. Фейк – частый элемент в образовании и воспитании; вымышленные персонажи и события становятся символами реальных процессов. Фейки вошли в педагогическую практику через сказки, мультфильмы, кино, пословицы и поговорки. Вымышленные персонажи и события формируют современный мифодизайн информационного общества, создают бренды и их аватары в образах несуществующих героев или событий. Спустя 125 с лишним лет такой персонаж,

например, как Дед Мороз, плотно интегрировался в сознание людей, стал героем детских спектаклей и представлений, обучающих программ, несмотря на его корни, связанные с рекламой кока-колы.

Реакция человека на новостной ряд зависит от количества фейковых новостей, которые ему встречаются. В результате коммуникационных процессов, обретения жизненного опыта природное любопытство притупляется, и со временем человек предпочитает не воспринимать и даже активно блокировать лишнюю или повторную информацию [17]. Накопленный опыт говорит, что он потратит на фейковую новость большую часть своих ресурсов. В этом смысле существует вектор возраста: чем старше человек, тем выше его порог и жестче фильтр наивного восприятия, веры [18]. Школьника сложнее обмануть, чем дошкольника, а студента обмануть сложнее, чем школьника. С другой стороны, на высоту порога наивности влияет концентрация фейковых событий в течение времени. Можно предположить, что участие в хайпе требует наличия свободного времени и достаточно высокой плотности коммуникаций. В этом качестве плотная коммуникационная городская среда дает больше возможностей, чем среда небольших поселений.

Фейк как инструмент опытного поиска истины. В современном социуме фейк сопрягается с пространством правды, и возникает аналог взаимодействия «король–шут». То, что думается, то, что опасно выдавать как правду, может преподноситься в виде фейка – лакмусовой бумажки для определения «температуры» коммуникационного пространства. С этой целью фейки иногда ретранслируются радиостанциями различного формата. Возможная цель распространения фейков – изучение реакции общества на информационные вбросы. В таком случае фейк становится инструментом исследования общественного мнения и даже ивент-анализа. Очень часто фейковое событие выступает как инструмент снятия напряжения в обществе.

Заключение. В результате рассмотрения феномена фейка удалось определить, что фейк, как и хайп – результаты взаимодействия человеческих желаний (славы, почета, уважения, богатства, власти) и публичного коммуникационного пространства. Хайп и фейк служат противовесом и альтернативой традиционным способам получения смысловой картины мира, дополняют картину мира до целого, позволяют объяснить, оправдать, изменить неприятные события в истории общества. С этой точки зрения фейки непрерывно генерируют многие публичные люди или люди, которые хотят стать публичными – от рядового блогера и журналиста до президентов [1]. В этом смысле фейк – необходимый элемент эволюционного развития социальной реальности и культуры, несъедобная кожура, позволяющая сохранить полезный плод в целости.

В статье прослеживаются причинно-следственные связи исследуемых феноменов с динамикой колебательных процессов информационного общества, цифровизацией, друг с другом. Указанные феномены рассматриваются как событийные триггеры таких позитивных социально-культурных процессов, как социальные лифты, опытные поиски истины, обучение, инкультурация и др. В статье представлена методика исследования особенностей взаимоотношений хайпа и фейка с участниками публичных колебаний. Модель этой методики опирается на теории колебательных и волновых процессов. С помощью этой методики в дальнейшем можно как выявлять динамические особенности коммуникационного пространства, так и проектировать социально-культурные процессы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность / С. Т. Золян, Н. А. Пробст, Ж. Р. Сладкевич, Г. Л. Тульчинский; под ред. Г. Л. Тульчинского. СПб.: Алетейя, 2021.

2. Суходолов А. П. Феномен «фейковых новостей» в современном медиапространстве // Евроазиатское сотрудничество: гуманитарные аспекты: мат. междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 14–15 сент. 2017 г. / Байкальский гос. ун-т. Иркутск, 2017. С. 93–112.

3. Герасимов С. В. События и наррация в социально-культурных практиках // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, № 2. С. 29–44. DOI: 10.5922/2225-5346-2021-2-2.

4. Политика постправды в современном мире: сб. мат. Всерос. науч. конф. с междунар. уч. «Политика постправды и популизм в современном мире», 22–23 сентября 2017 г. / под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2017.

5. Киуру К. В. Инструменты фейка и методики фактчекинга // Российская пиарология: тренды и драйверы: сб. науч. тр. / под ред. А. Д. Кривоносова. СПб.: СПбГЭУ, 2021. С. 54–61.

6. Тульчинский Г. Л. Субъективность и постсекулярность современности: новая трансценденция или фрактальность «плоского» мира? // Международный журнал исследователей культуры. 2013. № 3 (12). С. 50–56.

7. Тульчинский Г. Л. Практическая философия смысла // Личность. Культура. Общество. 2019. Т. 21, № 1–2 (101–102). С. 183–196. DOI: 10.30936/1606-951X-2019-21-1/2-183-196.

8. Герасимов С. В. Формирование нарратива из перформатива в публичных коммуникациях // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, № 1. С. 34–49. DOI: 10.5922/2225-5346-2020-1-2.

9. Карлов Н. В., Кириченко Н. А. Колебания, волны, структуры. М.: Физматлит, 2003.

10. Кузнецов Н. В. Теория скрытых колебаний и устойчивость систем управления // Известия РАН. Теория и системы управления. 2020. № 5. С. 5–27. DOI: 10.31857/S0002338820050091.

11. Герасимов С. В., Тульчинский Г. Л. События как семантическая основа конструирования реальности: перспективы перехода к динамической онтологии // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, № 3. С. 5–24. DOI: 10.5922/2225-5346-2018-3-1.

12. Воробьев О. Ю. Эвентология. Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2007.

13. Poincare H. Sur le probleme des trois corps et les equations de la dynamique // Acta Math. 1890. Vol. 13, no. 1–2. P. 1–271.

14. Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 90–105.

15. Петьков В. А., Филоненко В. А. Механизмы функционирования социальных лифтов в образовательном пространстве вуза // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12. URL: http://teoria-practica.ru/vipusk-12-2014/ (дата обращения: 03.08.2021).

16. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 12 т. / подгот. текста и примеч. В. А. Катаняна. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. Т. 1. Стихотворения, трагедия, поэмы и статьи 1912–1917 гг.

17. Gerasimov S. V. Development of manipulation technologies // Philosophy of Science. 2016. Vol. 83, № 5. P. 1523–1532.

18. Герасимов С. В. Разум и вера: постсекулярность и после // Философские науки. 2013. № 12. С. 89–100.

Информация об авторе.

Герасимов Сергей Викторович – кандидат педагогических наук (2008), доцент кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, ул. Садовая, д. 21, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор более 40 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, конструирование социального пространства. E-mail: votje82@mail.ru

REFERENCES

1. Zolyan, S.T., Probst, N.A., Sladkevich, Zh.R. and Tulchinskiy, G.L. (2021), *Feiki: kommunikatsiya, smysly, otvetstvennost'* [Fakes: communication, meanings, responsibility], in Tulchinskii, G.L. (ed.), Aletejja, SPb., RUS.

2. Sukhodolov, A.P. (2017), "The phenomenon of "fake news" in the modern media space", *International Scientific and Practical Conference «EURASIAN COOPERATION: HUMANITARIAN ASPECTS»*, Irkutsk, RUS, 14–15 Sept. 2017, pp. 93–112.

3. Gerasimov, S.V. (2021), "EVENTS AND NARRATION IN SOCIO-CULTURAL PRACTICES", *Slovo.ru: Baltic accent*, vol. 12, no. 2, pp. 29–44. DOI: 10.5922/2225-5346-2021-2-2.

4. *Politika postpravdy v sovremennom mire* [Post-truth politics in the modern world] (2017), in Popova, O.V. (ed.), Skifija-print, SPb., RUS.

5. Kiuru, K.V. (2021), "Fake tools and methods of fact-checking", *Rossiiskaya piarologiya: trendy i draivery* [Russian PRology: trends and drivers], in Krivonosov, A.D. (ed.), SPbGEU, SPb., RUS, pp. 54–61.

6. Tulchinskii, G.L. (2013), "Subjectivity and Post-Secular Contemporarity: A new Transcendence or the Fractality of a "Flat" World?", *INTERNATIONAL J. OF CULTURAL RESEARCH*, no. 3 (12), pp. 50–56.

7. Tulchinskii, G.L. (2019), "Practical Philosophy of Meaning", *Personality. Culture. Society*, vol. 21, no. 1–2 (101–102), pp. 183–196. DOI: 10.30936/1606-951X-2019-21-1/2-183-196.

8. Gerasimov, S.V. (2020), "Formation of a narrative from a performative in public communications", *Slovo.ru: baltijskij accent*, vol. 11, no. 1, pp. 34–49. DOI: 10.5922/2225-5346-2020-1-2.

9. Karlov, N.V. and Kirichenko, N.A. (2003), *Kolebaniya, volny, struktury* [Oscillations, waves, structures], Fizmatlit, Moscow, RUS.

10. Kuznetsov, N.V. (2020), "Theory of hidden oscillations and stability of control systems", *J. of Computer and Systems Sciences International*, no. 5, pp. 5–27. DOI: 10.31857/S0002338820050091.

11. Gerasimov, S.V. and Tulchinskiy, G.L. (2018), "Events as a Semantic Basis for the Construction of Reality: Prospects for the Transition to a Dynamic Ontology", *Slovo.ru: Baltic accent*, vol. 9, no. 3, pp. 5–24. DOI: 10.5922/2225-5346-2018-3-1.

12. Vorob'ev, O.Yu. (2007), *Eventologiya* [Eventology], Sib. fed. un-t, Krasnojarsk, RUS.

13. Poincare, H. (1890), "Sur le probleme des trios corps et les equations de la dynamique", *Acta Math*, vol. 13, no. 1–2, pp.1–271.

14. Malinova, O.Yu. (2010), "Symbolic politics and the constructing of macro-political identity in post-soviet Russia", *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 90–105.

15. Petkov, V.A. and Filonenko, V.A. (2014), "MECHANISMS OF SOCIAL MOBILITY OPERATION IN UNIV. EDUCATIONAL SPACE", *Theory and Practice of Social Development*, no. 12, available at: http://teoria-practica.ru/vipusk-12-2014/ (accessed 03.08.2021).

16. Mayakovskij, V.V. (1955), *Polnoe sobranie sochinenij: v 12 t.* [Complete works: in 12 vol.]. Podgot. teksta i primech. V. A. Katanyana, Gos. izd-vo hud. lit., Moscow, USSR, T. 1. Stihotvorenija, tragedija, pojemy i stat'i 1912–1917 godov.

17. Gerasimov, S.V. (2016), "Development of manipulation technologies", *Philosophy of Science*, vol. 83, no. 5, pp. 1523–1532.

18. Gerasimov, S.V. (2013). "Reason and Faith: Post-secularity and After Cognitive Studies", *Russian J. of Philosophical Sciences*, no. 12, pp. 89–100.

Information about the author.

Sergey V. Gerasimov – Can. Sci. (Pedagogy) (2008), Associate Professor at the Department of Communication Technology and Public Relations, Saint Petersburg State Economic University, 21 Sadovaya str., St Petersburg 191023, Russia. The author of more 40 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, construction of social space. E-mail: votje82@mail.ru

УДК 316 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2021-7-6-74-82
Оригинальная статья / Original paper

Российский туризм в эпоху пандемии Covid-19: новые тренды

Е. И. Вострова✉

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

✉ev.vostrova@mail.ru

Введение. Эпоха пандемии Covid-19 оказала серьезное влияние на изменения в различных сферах нашего общества, а также предопределила трансформацию российской туристической отрасли. Цель работы заключается в определении новых трендов российского туризма в условиях пандемии Covid-19.

Методология и источники. В работе использованы метод выборочного наблюдения, метод прогнозирования, проведен социологический анализ трудов современных ученых Н. А. Восколович, И. В. Логунцовой, Б. М. Эйдельмана, О. А. Бунакова, Л. Р. Фахрутдиновой, В. Дурли и масштабного исследования компании «KPMG» на тему влияния пандемии на туристическую отрасль в России с участием 906 респондентов.

Результаты и обсуждение. Автор углубила понимание процесса деглобализации во взаимосвязи с российским туризмом во время пандемии. Пандемия ускоряет процесс деглобализации – мегатренда, который в обозримом будущем может стать стратегическим в сфере туризма. Этот опыт будет способствовать появлению и популяризации новых туристических трендов: увеличению спроса на путешествия недалеко от места проживания и в пределах страны, распространению цифровизации, персонализации туристических предложений, планированию путешествий с учетом безопасности и внимания к санитарно-эпидемиологической обстановке, возрастанию экотуризма и экскурсионного туризма, повышенному интересу к автопутешествиям, а также переориентации части туристов с гостиниц на краткосрочную аренду жилья.

Заключение. С футуристической точки зрения пандемия принесла большую пользу панораме событий, разворачивающейся на наших глазах. Пандемию, говоря футуристическим языком, можно причислить к «черному лебедю». Это явление глобального масштаба, которое обусловливает появление новых туристических трендов, а также формирует в представлениях общественности особое отношение к российскому туризму как действительно важной отрасли.

Ключевые слова: туризм, российский туризм, туристические тренды, пандемия Covid-19, деглобализация, футурология.

Для цитирования: Вострова Е. И. Российский туризм в эпоху пандемии Covid-19: новые тренды // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 6. С. 74–82. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-74-82

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 22.09.2021; принята после рецензирования 25.10.2021; опубликована онлайн 24.12.2021

© Вострова Е. И., 2021
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Russian Tourism in the Era of the Covid-19 Pandemic: New Trends

Evgeniia I. Vostrova✉

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

✉ev.vostrova@mail.ru

Introduction. The era of the Covid-19 pandemic has had a serious impact on changes in various areas of our society, and also predetermined the transformation of the Russian tourism industry. The purpose of the work is to identify new trends in Russian tourism in the context of the Covid-19 pandemic.

Methodology and sources. The study used the method of selective observation and the method of forecasting, carried out the sociological analysis of the works of modern scientists N.A. Voskolovich, I.V. Loguntsova, B.M. Eidelman, O.A. Bunakov, L.R. Fakhrutdinova, V. Durly and the large-scale study of the impact of the pandemic on the tourism industry in Russia (906 respondents).

Results and discussion. The author has deepened his understanding of the process of de-globalization in relation to Russian tourism during a pandemic. The pandemic is accelerating de-globalization, the megatrend that could become strategic in tourism for the foreseeable future. This experience will contribute to the emergence and popularization of new tourism trends: the increase in the number of travel near the place of residence and within the country, the spread of digitalization, the personalization of travel offers, travel planning with safety in mind and attention to the sanitary and epidemiological situation, an increase in ecotourism and excursion tourism, an increase in the number of car trips, as well as the reorientation of some tourists from hotels to short-term rental housing.

Conclusion. From a futuristic perspective, the pandemic has greatly benefited the panorama of events unfolding before our eyes. The pandemic, speaking in futuristic terms, can be classified as a “black swan”. This is the social experiment on a global scale, which determines the emergence of new tourism trends, and also forms in the eyes of the public the special attitude towards Russian tourism as a truly important industry.

Key words: tourism, Russian tourism, tourism trends, the Covid-19 pandemic, de-globalization, futurology.

For citation: Vostrova E. I. Russian Tourism in the Era of the Covid-19 Pandemic: New Trends. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 6, pp. 74–82. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-74-82 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 22.09.2021; adopted after review 25.10.2021; published online 24.12.2021

Введение. Эпоха пандемии Covid-19 оказала серьезное влияние на изменения в различных сферах нашего общества, а также предопределила трансформацию мирового и российского туризма. В этот период у общества открылся новый взгляд на повседневное содержание нашей жизни, в которой живое человеческое общение и возможность свободно перемещаться приобрели особую ценность.

Президент России Владимир Путин отмечает необходимость форсирования развития внутреннего туризма и подчеркивает, что нужно «формировать привлекательные маршруты, открывать новые направления в стране, куда можно будет удобно добраться и интересно провести время» [1].

Деятельности и доходам индустрии путешествий и туризма нанесен масштабный ущерб, не имеющий прецедентов в истории. Пандемия ускоряет процесс деглобализации –

мегатренда, который в обозримом будущем может стать стратегическим в сфере туризма. Этот опыт будет способствовать увеличению количества путешествий вблизи места проживания и в пределах страны.

Цель работы – определить новые тренды российского туризма в условиях пандемии Covid-19.

Введенные туристические ограничения обозначили новые туристические тренды – ориентацию на внутренний туризм, цифровизацию, внимание к безопасным путешествиям и санитарно-эпидемиологической обстановке, рост популярности экотуризма и экскурсионного туризма, рост количества автопутешествий, переориентацию части туристов с гостиниц на краткосрочную аренду жилья. Большой популярностью будут пользоваться поездки на оздоровительные курорты, а также короткие автомобильные путешествия на выходные.

Кроме этого, в нашем обществе появилась боязнь перед большими скоплениями людей. Можно предположить, что массовый туризм будет становиться все более персонализированным, возрастет популярность экологического туризма, который и ранее обладал высоким потенциалом для прочного становления и развития в нашей стране [2].

Методология и источники. Туристическая отрасль страны вошла в список отраслей экономики, которые в большей степени пострадали от пандемии Covid-19 [3]. Отмечается, что в первые месяцы распространения инфекции спрос на все выездные направления уменьшился на 20–25 % [4]. Затем сократился практически до нулевого показателя, когда страны ввели ограничения на въезд.

Масштабное исследование на тему влияния пандемии Covid-19 на сферу туризма в Российской Федерации было проведено в декабре 2020 г. аудиторской компанией «KPMG» [5]. В отчете компании представлены результаты онлайн-опроса, в ходе которого получены ответы от 906 респондентов – представителей различных сегментов индустрии туризма, а также выдержки из интервью с экспертами преимущественно из числа руководителей организаций туристического сектора.

В отчете [5] представлены два сценария полного восстановления туристической отрасли: умеренно оптимистический (согласно которому отрасль восстановится в 2022 г.) и консервативный (согласно которому возврат отрасли к докризисному состоянию произойдет не ранее 2023 г.).

Умеренно оптимистичный сценарий обусловлен предположением респондентов, что все ограничительные меры будут сняты, а эффект отложенного спроса на туристические поездки окажет благоприятное воздействие на восстановление деятельности отраслевых организаций.

Консервативный сценарий предполагает, что затраты на меры обеспечения безопасности путешествий сохранятся, а также необходимо время, чтобы наверстать убытки компаний за 2020 г. и выполнить обязательства по турам. Повлияет также «эффект переходного периода», когда возможно замедленное восстановление спроса после открытия границ и откладывание поездок за рубеж ввиду внимательного отношения к эпидемиологической обстановке. На фоне пандемической ситуации соблюдение всех рекомендаций безопасности – это необходимость и ответ на запросы потребителей.

К ключевым трендам развития российской туристической отрасли в отчете «KPMG» эксперты в условиях пандемической реальности относят цифровизацию и ориентацию на внутренний туризм.

Современное исследование по разработке социально-коммуникативной технологии повышения туристической региональной привлекательности России подтверждает важность поддержки цифровизации сегодня [6]. Усиленное рекламное сопровождение и проведение комплексной информационной компании можно отнести к перечню ключевых составляющих для полноценного ускоренного восстановления туристической отрасли.

Пандемию можно назвать своего рода «объектовой тренировкой», в ходе которой была проведена проверка быстрого реагирования властных структур на решение безотлагательных проблем [7]. Разнообразные формы поддержки туризма внутри страны и вакцинация формируют определенные возможности для восстановления отрасли. Отмечается, что существующая инфраструктура гостиничной индустрии в большей мере сохранила свою работоспособность и открыта для новых туристических заездов [8]. Поддержка процесса цифровой трансформации региональных гостиничных сетей является важной составляющей для реабилитации и подъема отрасли.

Сегодня все чаще поднимается вопрос разработки российских территориальных брендов с целью устойчивого развития внутреннего туризма [9]. Можно предположить, что пандемия поднимет этот вопрос на новый уровень. Брендинг территорий способствует популяризации новых туристических маршрутов, и со временем эти маршруты могут стать центром притяжения как отечественных, так и зарубежных туристов.

Огромное давление массовых движений откроет новое положительное измерение туризма. Под этим подразумеваются развитие внимания и туристический поток к местам, которые до сих пор были вне внимания туристов. То, что в прошлом считалось непривлекательным и лишенным статуса известного и популярного места, станет интересным. Это напрямую связано с мегатрендом – деглобализацией.

Результаты и обсуждение. Пандемия ускоряет процесс деглобализации – мегатренда, который в обозримом будущем может стать стратегическим в сфере туризма. Говоря о деглобализации, мы имеем дело с искренним желанием восстановить, защитить и укрепить местную самобытность. Это вызвало ряд положительных и негативных последствий.

В данном контексте отметим программу туристического кэшбека, реализованную правительством России для стимулирования внутренних туристических поездок [10]. В рамках программы наиболее посещаемыми местами стали Краснодарский край, Крым и Ставрополье. Также, несмотря на ограничительные меры, гражданам были рекомендованы к посещению новые внутренние маршруты, которые начали пользоваться спросом. Это чартерные рейсы из Москвы и Санкт-Петербурга на Алтай и в Хакасию, рейсы в Бурятию с дальнейшим трансфером туристов на Байкал, а также в курортные города на Балтийском море – Зеленоградск, Светлогорск и Янтарный. В ходе реализации программы на втором этапе наблюдался повышенный спрос на короткие поездки.

Деглобализация укрепляет местную самобытность в плане открытия туристами для себя местных традиций. Особенно это касается более опытных путешественников, которые по достоинству оценят и насладятся любым истинно местным блюдом, а также городскими и сельскими пейзажами. Деглобализация возрождает историю места. Это чистый и подлинный опыт для туриста.

Углубленно изучив возможные эпифеноменальные последствия влияния деглобализации на туризм [11], автор определила следующие силы, управляющие этой инверсией и вызывающие большие «изменения» в рамках протекания мегатренда для российского туризма:

– давление овертуризма на популярные направления (овертуризм, или чрезмерный туризм, сегодня зачастую применяется для интерпретации негативных последствий массового туризма);

– деятельность политиков, направленная на поиск решений остановить и обратить вспять естественную депопуляцию земель и периферийных деревень путем восстановления территории (например, «Дом за рубль» – серия программ по сохранению архитектурных памятников в разных городах России);

– стремление поколений коренных жителей различных регионов, которые знакомы с известными туристическими направлениями, к новым исследованиям за пределами привычного места.

Деглобализация способствует наступлению новой эпохи, отмеченной среди прочего возрождающимся социальным активизмом. После десятилетий глобализационных процессов совокупность факторов привела общество к новому уровню осведомленности, несогласию и, в конечном итоге, реакции.

Деглобализация в основном проявляется в глубоких асимметриях и искажениях, которые вызваны эпохой глобализации. Начались поиски «нового порядка». Сегодня все можно раскрыть и документировать во всем мире за долю секунды. Интернет и цифровизация могут трансформироваться в мощный глобальный инструмент, способный оказывать прямое и целенаправленное давление для продвижения чего-либо в мировом масштабе.

Постепенная переориентация мировой системы на деглобализацию в ходе пандемии может способствовать появлению и популяризации новых туристических трендов.

Основным всемирным и российским трендом стала ориентация потребителей в 2020–2021 гг. в большей степени на отдых в своей собственной стране. Внутренний туризм на фоне пандемии пережил небывалый подъем.

Активным спросом пользовались пляжный, экскурсионный, культурно-познавательный туризм и экотуризм [12]. Значительная часть граждан предпочла спланировать свой отдых в соседних регионах. В этот период приобрели большую популярность туры выходного дня – краткосрочные поездки на один, два или три дня.

С лета 2020 г. люди начали все чаще отправляться в поездки на автомобиле, в целом потому, что в условиях пандемии этот вариант действительно безопасней, нежели путешествие на поезде или самолете [13]. Можно предположить, что формат коротких автомобильных путешествий на выходные приобретет еще большую популярность.

Расширение границ цифровизации в период пандемии также можно отнести к новым трендам. Онлайн-каналы бронирования туров укрепили свои позиции, и можно предположить, что существенному росту продаж туров способствовал выход на взаимодействие в мобильных приложениях и мессенджерах, и поэтому организации, не имеющие собственных приложений и каналов, будут терять позиции на рынке.

Туристы при планировании путешествия начали внимательно относиться к санитарно-эпидемиологической обстановке. В этом контексте туристы и дальше будут выбирать

отдых и туры, которые соответствуют нормам и предписаниям условий пандемии. Туристским организациям нужно учитывать данные предпочтения и разрабатывать персонализированные туристические предложения.

Также можно выделить еще один необычный тренд: произошла переориентация части туристов с гостиниц на краткосрочную аренду жилья [14]. Видимо, потому, что многие отели и гостиницы были закрыты из-за ограничительных мер, и возрос спрос на аренду.

Растущий интерес к внутреннему туризму вызван в большей степени внешними факторами, в том числе пандемией. Для закрепления этого опыта у россиян представляется необходимым сформировать стабильное и позитивное мнение о путешествиях на территории страны; направить силы на развитие инфраструктуры, совершенствование сервисов и популяризацию новых туристических направлений. Большими перспективами сегодня обладает экотуризм. Природное разнообразие – наше главное богатство. На территории России расположены уникальные природные объекты для создания новых туристических маршрутов: горы и леса, моря и озера, реки, гейзеры, вулканы.

Автор определила семь трендов российского туризма, сформировавшихся в эпоху пандемии Covid-19:

1. Усиление интереса к отечественным туристическим местам.
2. Внедрение цифровизации в туристическую российскую отрасль.
3. Персонализация туристических предложений.
4. Планирование путешествий с учетом требований безопасности и внимания к санитарно-эпидемиологической обстановке.
5. Возрастание популярности экотуризма и экскурсионного туризма.
6. Повышенный интерес к автомобильному туризму.
7. Переориентация части туристов с гостиниц на краткосрочную аренду жилья.

Таким образом, процесс деглобализации рассмотрен во взаимосвязи с российским туризмом во время пандемии и определены новые тренды развития туриндустрии в настоящее время. Стоит отметить, что представленный список включает указанные тренды, но не ограничивается только ими.

Эпоха пандемии Covid-19, несомненно, ускорила процесс деглобализации, и этот опыт будет способствовать еще большему спросу на путешествия недалеко от места проживания и в пределах страны и, возможно, появлению новых трендов, о которых мы узнаем в ближайшем будущем.

Заключение. Деятельности и доходам индустрии путешествий и гостеприимства нанесен масштабный и не имеющий прецедентов ущерб. Индустрия туризма неотъемлемо связана с новым мегатрендом – деглобализацией. Пандемию, говоря футуристическим языком, можно именовать «черным лебедем» [15]. «Черный лебедь» – это очень маловероятное событие, которое несет глубокие и обширные последствия, влияющие на несколько измерений в глобальном масштабе.

Однако именно в этом сложном контексте российская туристическая отрасль приобретает свои новые форматы и тренды. Цифровизация сделает наш поиск информации о способах проведения отпуска еще более простым и быстрым, позволит нам взаимодействовать со всеведущим облаком знаний, используя только голос, и проявит себя в различных вариациях. Ориентация на внутренний туризм призывает все заинтересованные стороны собраться вместе, чтобы внести свой вклад в развитие территорий.

У российского туризма светлое будущее. Туризм привлекает национальными богатствами, сохраняет культурное наследие и укрепляет самобытность и традиции, а также вносит вклад во внутренний валовый продукт страны. Российский туризм будет расти в представлениях общественности как действительно очень важная отрасль.

С футуристической точки зрения пандемия принесла большую пользу панораме событий, разворачивающейся на наших глазах. Это явление глобального масштаба, которое обусловливает появление новых туристических трендов, а также формирует в глазах общественности особое отношение к российскому туризму как действительно важной отрасли. Эпоха пандемии Covid-19 проверяет нас во множестве вариаций поведения и раскрывает «культурную ДНК нации», характер людей, утверждая, что общественное здоровье превыше прибыли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Путин поручил форсировать развитие внутреннего туризма // ТАСС. 2020. URL: https://tass.ru/obschestvo/8418713 (дата обращения: 07.09.2021).

2. Логунцова И. В. Индустрия туризма в условиях пандемии коронавируса: вызовы и перспективы // Государственное управление. Электронный вестн. 2020. № 80. С. 49–65. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10063.

3. Определен перечень наиболее пострадавших от коронавируса отраслей экономики // ФНС. 2020. URL: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/9704633/ (дата обращения: 07.09.2021).

4. Ключевская Н. Туризм-2020 и COVID-19: туристическая отрасль в условиях пандемии и после нее // Гарант.ру. 27.05.2020. URL: https://www.garant.ru/article/1376805/ (дата обращения: 07.09.2021).

5. Влияние пандемии COVID-19 на сферу туризма в РФ: текущая ситуация и перспективы восстановления // KPMG. Результаты опроса участников рынка. Декабрь 2020. URL: https://ru.investinrussia.com/data/files/sectors/ru-ru-tourism-in-russia-current.pdf (дата обращения: 07.09.2021).

6. Вострова Е. И. Социально-коммуникативная технология повышения туристической привлекательности регионов России (на примере туристических передач и рекламы на телевидении) // Государственное управление. Электронный вестн. 2021. № 87. С. 72–82. DOI: 10.24412/2070-1381-2021-87-72-82.

7. Пандемия covid-19: конец привычного мира? / А. В. Абрамов, В. Э. Багдасарян, С. О. Бышок и др. // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. 2020. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru. DOI: 10.18384/2224-0209-2020-2-1001.

8. Восколович Н. А. Формирование современного гостиничного хозяйства как основы индустрии туризма // Государственное управление. Электронный вестн. 2021. № 85. С. 69–83. DOI: 10.24412/2070-1381-2021-85-69-83.

9. Эйдельман Б. М., Бунаков О. А., Фахрутдинова Л. Р. Разработка российских территориальных брендов как фактор устойчивого развития внутреннего туризма // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 3-1 (32). С. 192–195.

10. Внутренний туризм для россиян подорожал // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 2020. URL: https://ac.gov.ru/news/page/vnutrennij-turizm-dla-rossian-podorozal-26810 (дата обращения: 07.09.2021).

11. Doorly V. B. Megatrends Defining the Future of Tourism: A Journey Within the Journey in 12 Universal Truths. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2020. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-48626-6.

12. Роман Бобылев, член Общественного совета Ростуризма, об итогах летнего турсезона // Российская газ. 2020. URL: https://rg.ru/2020/10/18/bobylev-vnutrennij-turizm-na-fone-pandemii-perezhil-nebyvalyj-podem.html (дата обращения: 07.09.2021).

13. В России нарастает волна автотуризма // Российская газ. 2020. URL: https://rg.ru/2020/07/22/v-rossii-narastaet-volna-avtoturizma.html (дата обращения: 07.09.2021).

14. Спрос на туристическую аренду жилья в России летом втрое превысил предложение // Интерфакс.туризм. 2020. URL: https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/73420/ (дата обращения: 07.09.2021).

15. Taleb N. "The Black Swan: Second Edition: The Impact of the Highly Improbable: With a new section: "On Robustness and Fragility". NY: Random House Publishing Group, 2010.

Информация об авторе.

Вострова Евгения Игоревна – аспирант кафедры социологии управления факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, Россия. Автор 1 научной публикации. Сфера научных интересов: социология управления, социология туризма, социальные технологии. ORCID: http://orcid.org/0000-0002-6709-6233. E-mail: ev.vostrova@mail.ru

REFERENCES

1. Putin instructed to expedite the development of domestic tourism (2020), *TASS*, available at: https://tass.ru/obschestvo/8418713 (accessed 07.09.2021).

2. Loguntsova, I.V. (2020), “Touristic Industry in the time of Coronavirus Pandemic: Challenges and Perspectives”, *E-J. Public Administration*, no. 80, pp. 49–65. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10063.

3. The list of sectors of the economy most affected by the coronavirus has been identified (2020), *Federal Tax Service of Russia,* available at: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/9704633/ (accessed 07.09.2021).

4. Klyuchevskaya, N. (2020), “Tourism 2020 and COVID-19: tourism in and after the pandemic”, *Garant.ru*, May 27, 2020, available at: https://www.garant.ru/article/13 76805/ (accessed 07.09.2021).

5. “Impact of the COVID-19 Pandemic on Tourism of Russia: current situation and recovery prospects (2020)”, *KPMG, Rezul'taty oprosa uchastnikov rynka* [KPMG. Market Participants Survey Results], Dec. 2020*,* available at: https://ru.investinrussia.com/data/files/sectors/ru-ru-tourism-in-russia-current.pdf (accessed 07.09.2021).

6. Vostrova, E.I. (2021), “Socio-Communicative Technologies Increasing Tourist Attractiveness of the Russian Regions (on the Example of Tourist Programs and Advertising on Television)”, *E-J. Public Administration*, no. 87, pp. 72–82. DOI: 10.24412/2070-1381-2021-87-72-82.

7. Abramov, A.V., Bagdasaryan, V.E., Byshok, S.O. et al. (2020), “Pandemia COVID-19: The end of the familiar world?”, *Bulletin of Moscow State Region Univ.*, no. 2, available at: www.evestnik-mgou.ru. DOI: 10.18384/2224-0209-2020-2-1001.

8. Voskolovich, N.A. (2021), “Modern Hotel Industry Formation as the Basis of Tourism Industry”, *E-J. Public Administration*, no. 85, pp. 69–83. DOI: 10.24412/2070-1381-2021-85-69-83.

9. Ejdel'man, B.M., Bunakov, O.A. and Fahrutdinova, L.R. (2017), “Development of Russian territorial brands as a factor in the sustainable development of domestic tourism“, *Competitiveness in the Global World: Economics, Science, Technologies*, no. 3-1 (32), pp. 192–195.

10. Domestic tourism for Russians has risen in price (2020), *Analytical Center for the Government of the Russian Federation*, available at: https://ac.gov.ru/news/page/vnutrennij-turizm-dla-rossian-podorozal-26810 (accessed 07.09.2021).

11. Doorly, V.B. (2020), *Megatrends Defining the Future of Tourism: A Journey Within the Journey in 12 Universal Truths*, Springer Nature Switzerland AG, Cham, CHE, DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-48626-6.

12. Roman Bobylev, member of the Public Council of Rostourism talks about the results of the summer tourist season (2020), *Rossijskaya gazeta* [Russian newspaper], available at: https://rg.ru/2020/10/18/bobylev-vnutrennij-turizm-na-fone-pandemii-perezhil-nebyvalyj-podem.htm (accessed 07.09.2021).

13. A wave of auto tourism is growing in Russia (2020), *Rossijskaya gazeta* [Russian newspaper], available at: https://rg.ru/2020/07/22/v-rossii-narastaet-volna-avtoturizma.html (accessed 07.09.2021).

14. Demand for tourist rental housing in Russia in summer three times exceeded supply (2020), *INTERFAKS.turizm*, available at: https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/73420/ (accessed 07.09.2021).

15. Taleb, N. (2010), *The Black Swan: Second Edition: The Impact of the Highly Improbable: With a new section: "On Robustness and Fragility"*, Random House Publishing Group, NY, USA.

Information about the author.

Evgeniia I. Vostrova – Postgraduate at the Department of Sociology of Management, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia. The author of 1 scientific publication. Area of expertise: sociology of management, sociology of tourism, social technologies. ORCID: http://orcid.org/0000-0002-6709-6233. E-mail: ev.vostrova@mail.ru

УДК 304.2 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2021-7-6-83-96
Оригинальная статья / Original paper

Малая родина в пространстве гражданской идентичности

В. Х. Тхакахов✉

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

✉atalik7@yandex.ru

Введение. В статье анализируются место, роль и функции концепта малой родины в конструировании гражданской идентичности. В исследовании исходным является понимание малой родины как совокупности представлений и практик сопринадлежности индивидов и групп к пространству места рождения, происхождения и первичной социализации. Малая родина – это то, что чувственно-эмоционально и практически объединяет граждан в их лояльной привязанности к месту – физическому и символическому. Цель исследования – выявить роль утраты малой родины в функционировании и воспроизводстве гражданской идентичности места.

Методология и источники. С опорой на общую концепцию пространства мест (А. Лефевр, М. Кастельс, Т. Крессвелл, М. Оже), теорию культурной травмы П. Штомпки и идеи структурной схематизации малой родины А. О. Бороноева впервые представлен социологический анализ проблемы утраты малой родины в результате принудительных переселений (кейс затопленных территорий). В качестве релевантных источников автор опирался на документы и мемуарную литературу, посвященную феномену утраты малой родины; воспоминания очевидцев, а также на художественную рефлексию прощания с местом рождения.

Результаты и обсуждение. В результате проведенного исследования показано, что утрата малой родины детерминирует: а) разрыв социальных и культурных связей; б) появление низовой самоорганизации активистов-мологжан, которые заново конструируют гражданскую городскую идентичность (кейс Мологи); в) производство коммеморативных практик регулярного типа (кейсы Мологи и черкесских аулов); г) активное формирование культурного дискурса, в котором малая родина места позиционируется как субъективная ценность и одно из оснований жизненного мира.

Заключение. Малая родина как представление и социальная практика в пространстве гражданской идентичности обеспечивает посредством своих агентов воспроизводство социального взаимодействия (реального или воображаемого) с местом и поддержание социокультурных связей с ним в рамках природного и культурного ландшафта сообществ; способствует узнаванию, подтверждению идентичности места. Утрата малой родины (физическая и символическая) порождает различные социальные практики – памяти, возрождения, забвения.

Ключевые слова: малая родина, гражданская идентичность, утрата, культурная травма, социальное пространство, затопленные поселения, Молога, черкесские аулы.

Для цитирования: Тхакахов В. Х. Малая родина в пространстве гражданской идентичности // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 6. С. 83–96. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-83-96

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 20-011-00742 «Феномен малой родины и его место в конструировании социально-культурных символов и ценностей гражданской идентичности»).

© Тхакахов В. Х., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 27.09.2021; принята после рецензирования 20.10.2021; опубликована онлайн 24.12.2021

Small Homeland in the Context (Space) of Civil Identity

Valeriy Kh. Thakahov✉

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

✉atalik7@yandex.ru

Introduction. The article analyzes the place, role and functions of the concept of a small homeland in the construction of civil identity. The starting point of the study is the understanding of a small homeland as a set of ideas and practices of the belonging of individuals and groups to the space of the place of birth, origin and primary socialization. A small homeland is what emotionally and practically unites citizens in their loyal affection to the place – physical and symbolic.

Methodology and sources. Based on the general concept of the space of places (A. Lefebvre, M. Castells, T. Cresswell, M. Auger); P. Shtompka's theory of cultural trauma and A.O. Boronoev's ideas of structural schematization of a small homeland, it is originally presented a sociological analysis of the problem of the loss of a small homeland as a result of forced relocations (the case of flooded areas). As relevant sources the author use the documents and memoirs on the phenomenon of the loss of a small homeland; also on memories of eyewitnesses, and on artistic reflection of farewell to the place of birth. The purpose of the study is to identify the role of the loss of a small homeland in the functioning and reproduction of the civic identity of the place.

Results and discussion. As a result of the study it has been shown that the loss of a small homeland determines: a) the rupture of social and cultural ties; b) the emergence of grassroots self-organization of Mologzhan activists who are re-constructing civic urban identity; c) production of commemorative practices of a regular type (cases of Mologa and Circassian auls); d) active formation of cultural discourse in which the small homeland of the place is positioned as a subjective value and one of the foundations of the life world.

Conclusion. A small homeland as a representation and social practice in the space of civic identity ensures through its agents the reproduction of social interaction (real or imaginary) with a place and the maintenance of socio-cultural ties with it within the natural and cultural landscape of communities. It also promotes recognition, confirmation of the identity of the place. The loss of a small homeland (physical and symbolic) gives rise to various social practices of memory, rebirth and oblivion.

Key words: small homeland, civic identity, loss, cultural trauma, social space, flooded settlements, Mologa, Circassian auls.

For citation: Thakahov V. Kh. Small Homeland in the Context (Space) of Civil Identity. DISCOURSE. 2021. Vol. 7, no. 6, pp. 83–96. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-83-96 (Russia).

Source of financing: The work was supported by a grant from the Russian Foundation for Fundamental Research (project № 20-011-00742 “The phenomenon of small homeland and its place in the construction of socio-cultural symbols and values of civic identity”).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 27.09.2021; adopted after review 20.10.2021; published online 24.12.2021

Я сердцем чувствую и знаю,
Кто оборвал из детства нить,
Кто охладел к родному краю,
Не может Родину любить!
С. А. Ершов

Введение. Малая родина! Практически нет человека, который не был бы знаком с этим словосочетанием – рефлексивно и чувственно-эмоционально. Место, где он родился. Место, откуда родом его родители, бабушки и дедушки; его фамилия и род. Место его детства и юности, социализации. Место, в котором он прожил всю жизнь или когда-то покинул и в которое периодически возвращается – физически и ментально. Даже если человек в силу обстоятельств никогда не был в таком месте, но ему о нем рассказывали или же он сам о нем узнал, очевидно, у него мог сложиться определенный образ места. Верно и то, что он мог забыть, вытеснить из памяти образ родины и воспоминания о ней. Именно о таких в русской литературе писали, как об «Иванах, не помнящих родства». Иначе говоря, привязанность к месту или ее отсутствие – качество, которое приобретается или же утрачивается.

Лингвистически и этимологически слова и термины «род», «родня», «„родина”» – место рождения» в русском языке одного корня и происхождения [1, с. 208]. Слова «малая родина» прочно вошли во многие языки мира. Например, в английском это «small homeland» и близкие ему по смыслу «homeland», «motherland», «birthplace»; в немецком – «kleine Heimat» (и соответственно «die Heimat», «Heimat land»); во французском – «petite patrie» («patrie»/«родина»); в латинском – «parvum patria» («patriam»/«родина»); в итальянском – «piccola patria» («patria»/«родина»); в шведском – «litet hemland» («hemland»/«родина»); в нидерландском – «kleine vaderland», «kleine thuisland» / «малое отечество», «малая родина» («vaderland»/«родная страна»); в венгерском – «kiz haza» («haza»/«родина»); в хорватском и боснийском – «mala domovina» («domovina»/«родина»); в болгарском – «малка родина» («роден край»/«родина»); в финском – «pieni Kotimaa» («kotimaa»/«родная страна»); в корсиканском – «piccula patria» («patria»/«родная страна»); в казахском – «кішкентай Отан» / «малая родина») [2] и др.

В социальной науке интерес к понятию малой родины возник относительно недавно, хотя в художественной и мемуарной литературе, краеведении он присутствует достаточно давно. Однако процесс концептуализации активно развивается [3]. Представляется актуальным и малоизученным рассмотрение феномена утраты малой родины и то, как данный процесс влияет на местную гражданскую идентичность. С точки зрения научной стратегии исследования релевантным является рассмотрение феномена малой родины не только в статике, но и в динамике. Наиболее показательно динамизм можно проследить на кейсах утраты малой родины. Утрата имеет как материальное (физическое), так и символическое выражения. Динамика утраты связана не только с тем, что когда-то существовало, развивалось определенное место, которое индивиды и группы считали родным, своей малой родиной, а затем оно исчезло или его «оторвали» от населявших его людей. Динамика определяется и последующими социальными практиками – как результат реакции на утраченное.

Методология и источники. В настоящем исследовании исходным является понимание малой родины как совокупности представлений и практик сопринадлежности индивида

и группы к пространству места рождения, происхождения и первичной социализации. Изучение феномена малой родины и определение ее места и роли в структуре гражданской идентичности базируется на общей концепции пространства мест, составными частями которой являются: а) теория производства пространства А. Лефевра [4]; б) теоретический подход М. Кастельса, обосновывающего переход в современную эпоху от пространства мест к пространству потоков [5]; в) гуманитарно-географическое видение пространства мест (T. Cresswell и др.) [6]; г) концепция культурной травмы П. Штомпки [7]; д) структурная схематизация понятия малой родины А. О. Бороноева [3]. Содержательный и развернутый анализ концепции пространства мест в социальных науках представлен автором ранее [8]. В качестве релевантных источников автор опирался на документы и мемуарную литературу, посвященную феномену утраты малой родины; воспоминания очевидцев, а также на художественную рефлексию прощания с местом рождения.

В социальной реальности малая родина существует в двух ипостасях: как аналитическая категория и как категория практики. В первом случае она представляет инструментальный интерес для ученых различных направлений. В социологии это феноменологический, функциональный, формально-социологический, критический, интерпретативный, конструктивистский и иные подходы. Во втором случае – это все разнообразие ее практических воплощений: а) имплементация в систему школьного образования (уроки краеведения, встречи с известными людьми малой родины и т. п.); б) мемориальные мероприятия в родных местах; в) социально-проективная деятельность, в том числе благотворительная, связанная с солидарной помощью родным местам; г) формирование местных социальных движений, землячеств, связанных с возрождением, воспроизводством локальной идентичности, культуры и общности.

Результаты и обсуждение. Малая родина обычно сопрягается с определенной территорией и конкретным местом – реальным или воображаемым. В социальных науках место трактуется как способ познания и как вещь в мире [6, p. 18]. Иначе говоря, оно имеет основания – онтологическое (как реальный объект) и эпистемологическое (как способ видения и познания) [6, p. 23]. Если рассуждать в логике А. Лефевра, то можно утверждать, что феномен малой родины – порождение скорее абсолютного пространства, нежели абстрактного. По сути, это природное, «органическое» пространство. Оно хранитель гражданского единства и различных социальных связей. Социальная и культурная основы абстрактного пространства – это местные сообщества, различные первичные группы, соседства, практики социального взаимодействия, одним словом, это пространство репрезентации [4, с. 52–55]. По-прежнему «подавляющее большинство людей, как в развитых, так и в традиционных обществах, живут в конкретных местах и воспринимают свое пространство как пространство мест» [5, с. 394]. Последнее – это исторически укорененная организация нашего общего опыта, это мир значений и культурных кодов, связанных историей и идентичностью.

Не втягиваясь в обсуждение известных трактовок понятия гражданской идентичности (этатистских, психологических, конструктивистских и др.), констатируем авторскую позицию по проблеме. В настоящем исследовании исходной является ориентация на научную традицию, которая определяет данное понятие как форму неполитической сопринадлежности и активности членов гражданского общества [9–14]. Гражданская идентичность –

это сопринадлежность индивидов и групп к обществу и сообществу, функционирующих на различных уровнях – мировом («гражданин мира»), общенациональном, региональном и территориально-локальном (местном). Нас преимущественно интересует последний уровень. Для символизации и узнавания данного типа принадлежности, для отражения ее связи с местом было изобретено понятие малой родины. Гражданская идентичность места опирается на локальные символы и ценности; на производство социальных практик, демонстрирующих и закрепляющих определенное отношение к малой родине – патриотизм, ностальгию, познание, солидарную помощь местам, коммеморативные практики. Малая родина символизирует обобщенное отношение к определенному месту – рождения, социализации, к корням своей культуры, традиции и сообществам. Малая родина посредством своих носителей (агентов, производящих дискурс и социальные практики) выполняет функцию социального взаимодействия (реального или воображаемого) с местом.

В рамках данной статьи назовем и выделим три ключевых примера, возникших в результате утраты малой родины, но сконцентрируемся только на первом из них. Отметим, что тема утраты родины (малой, большой) – это огромный нарратив в различных жанрах художественной литературы, искусства, истории, философии и в меньшей степени – в социологии, за исключением изучения жизненных историй. Итак, нас интересуют три кейса:

1. Малые родины мест, которых уже нет: социальная гидрография пространства.
2. Малые родины депортированных народов: тоска, возвращение, мемориализация.
3. Малые родины эмигрантов: воображение отечества.

В первом случае утраченные малые родины – это места без людей, сообществ; это места, покинутые добровольно или принудительно. Это места, от которых остались одни воспоминания, руины или просто прах. В данном случае речь идет о физической утрате родины предков в результате переселений. Мировых примеров подобного рода огромное количество. Но не все они стали предметом рефлексии, документирования и компенсации. Проблема утраты места проживания заставила ООН в 2014 г. принять специальный документ «Принудительные выселения» [15]. В истории различных стран, обществ, территорий подобная практика была известна задолго до появления ООН и ее экспертных заключений. «Принудительное выселение, – утверждается в вышеназванном документе, – имеет место в различных частях мира – как в развивающихся, так и в развитых странах, идет ли речь о процессе развития, чрезвычайной ситуации или восстановления» [15, с. 1]. Эксперты ООН собрали, проанализировали и систематизировали эмпирическое разнообразие выселений и переселений, определив их ключевые элементы, виды и последствия, к которым приводит данный социальный процесс. Хотя основная категория документа [15, с. 5] классифицирована в правовом ключе (с точки зрения прав человека), в нем можно найти и более широкий перечень, и ракурс дефиниций. «Передвижения населения, массовое выселение, этнические чистки или аналогичные виды практики, которые меняют этнический, религиозный или расовый состав населения, коллективные наказания или иная практика, связанная с насильственным и недобровольным выселением людей из их домов, с их земель или из их общин, также представляют собой принудительные выселения» [15, с. 15].

В настоящем целевом исследовании у нас нет возможности представить глобальный ракурс проблемы, поэтому сконцентрируемся на отечественных примерах. В первую очередь

это места, утраченные в результате переселений, продиктованных государственной (в том числе ведомственной) необходимостью. Утрата также может быть связана с территориальной миграцией населения (из села в город, между городами, регионами и даже странами). Отсюда депопуляция одних мест и сверхконцентрация в других. Крупнейшими формами принудительных выселений и переселений являются массовая депортация народов и эмиграция в результате войн, революций и иных масштабных социальных изменений. Особое положение среди утраченных мест занимают затопленные поселения, феномен которых изучен в социальных науках, на наш взгляд, еще недостаточно. Фактологическая сторона вопроса – это все, что связано:

а) с «Русской Атлантидой» – поселениями на Верхней Волге, на месте которых образовались Рыбинское водохранилище и иные водные объекты;

б) с населенными пунктами в Сибири, расселенными и затопленными в период советской модернизации при возведении Братской ГЭС, Усть-Илимской ГЭС и устройстве одноименного водохранилища и др.;

в) с группой черкесских аулов и казачьих станиц, затопленных при создании Кубанского водохранилища.

Практика переселений советского периода охватывала различные регионы страны. Наиболее масштабные и известные – по течению великой русской реки Волги, на Каме (Волго-Камский каскад плотин); на Ангаре в Сибири; в Самарской области; на юге России. При этом в зону затопления попадали исторически обжитые территории (особенно в центральной России) со старинными городами, храмами, монастырями; налаженными традициями городского и сельскохозяйственного производства и социальной жизни. «Под воду ушли тысячи деревень и сел, исчезли города – тверская Корчева, ярославская Молога, Самарский Ставрополь-на-Волге. Всего при сооружении Волго-Камского каскада плотин затоплено, подтоплено, разрушено и перенесено 2 500 сел и деревень, в которых было 126 тыс. дворов; 96 городов, промысловых посадов, слобод, поселков с 30-ю тысячами строений. Было переселено около 700 тыс. человек. Утрачены тысячи памятников истории и культуры» [16, с. 3]. Визуальная репрезентация утрат представлена, в частности, в фотоальбоме – путеводителе по затопленным городам Верхней Волги. Ключевых затопленных городов девять: Корчева, Калязин, Углич, Мышкин, Молога, Рыбинск, Пошехонье, Череповец, Весьегонск [17].

Одним из главных феноменов, представляющих социологический интерес, является кейс Мологи. На его примере содержательно прослеживаются социальная и культурная травма, которую испытали и пережили переселенцы; процесс формирования коллективной памяти очевидцев и их потомков и, наконец, возрождение, функционирование и воспроизводство в постсоветское время сопринадлежности к сообществу мологжан. Последняя – это составная часть гражданской идентичности индивидов, разделяющих общие представления, чувства, эмоции и объединенных общими социальными практиками вокруг своей малой родины. Процесс институционализации памяти и конструирования идентичности мологжан начался в конце семидесятых годов XX в. преимущественно в Рыбинске как центре концентрации переселенцев Мологского края. В 1978 г. было официально зарегистрировано Землячество мологжан (полное название – «Общественная организация Ярославской области „Землячество мологжан” [18, с. 416–417]. Изобретены были, но уже в

постсоветское время, и различные коммеморативные практики: а) учрежден День памяти Мологи (14 апреля); б) утверждена ежегодная встреча земляков (вторая суббота августа). «Отдельный и наиболее важный пункт программы, – отмечает А. С. Клопов, – поездка на теплоходе к затопленной Мологе, где проходят панихиды по усопшим мологжанам, могилы которых остались на дне водохранилища. В такие моменты остро переживается чувство малой родины, что очень объединяет» [18, с. 417]; в) восстановлен ликвидированный в 1936 г. музей Мологского края (1995, Рыбинск), который является центром воспроизводства идентичности мологжан как практической категории. Здесь развернуты специальные экспозиции по истории Мологского края; виртуальная выставка «Виды города Мологи»; функционирует интерактивный музей с 3D-визуализацией «Затопленные святыни Мологского края» (поддержан в рамках Президентского гранта); в проекте практически участвуют энтузиасты, местная администрация, дайверы, члены Русского географического общества [19, 20].

За долгие годы формирования гражданской идентичности мологжан (а ядром его агентской структуры несомненно является местная культурная элита, к которой в последние, уже постсоветские, годы присоединилась и административная элита Рыбинска и Ярославской области) изыскания в этой сфере развивались и в краеведческом, и в историческом, и в мемуарно-биографическом и даже в художественном направлениях. Не только в прозе, но и в поэзии, в песенном творчестве [21, 22].

Понятно, что художественное воображение города как малой родины и различные воспоминания о нем адресованы современникам, тем, кто разделяет сходные чувства и эмоции, связанные с утратой родного пространства места, где ностальгия, как писал по поводу этнической идентичности Э. Смит, анализируя концепцию Дж. Армстронга, составляет ключевой элемент ментальных установок членов сообщества [23, с. 335]. При этом речь идет о втором типе ностальгии по утраченному «золотому веку», которая связана с территориальной, а не кочевой социальной организацией. Тема ностальгии проходит красной нитью через большинство воспоминаний, нарративов, посвященных Мологе и одноименному краю.

Здесь еще важно иметь в виду, что мологжане – часть русского этноса, к которым применимы основные характеристики этнической общности. «Символы, а также гербы, гимны, праздники, места проживания, обычаи, языковые коды, святые места и т. п., – пишет Э. Смит, – были мощными дифференциальными элементами и напоминаниями об уникальной культуре и судьбе этнического сообщества. Таковыми были и общие воспоминания об основных событиях и эпохах в истории сообщества: воспоминания об освобождении, переселении, золотом веке (или веках), победах и поражениях, героях, святых и мудрецах» [23, с. 349]. В качестве основополагающих элементов этнической общности, которые формируют ее идентичность, Э. Смит считает необходимым выделять «общее имя, миф о происхождении, исторические воспоминания, общие культурные факторы, связь с родиной и (частично) коллективные чувства» [Там же].

Социологическое восприятие рассматриваемой проблемы и ее анализ в отличие от истории, экономики или технических наук не подразумевает углубление в фактологические подробности переселений, в баланс выгод и издержек, а также в индустриально-технологические преимущества новых гидротехнических сооружений. Социологию интересуют

человеческое измерение произошедшего, характер его восприятия и переживания через призму жизненных историй, мемуарной литературы и иных источников. Практически большинство материалов такого рода, которые нам удалось изучить, во-первых, оценивают в основном отрицательно процесс принудительного переселения из родных мест. Во-вторых, можно утверждать, что переселения привели к разрыву социальных связей и конфликту поколений (между старшими, которые были «против», и молодыми, которые более лояльно отнеслись к переменам). «В годы переселения, – вспоминает Ю. А. Нестеров, – мологжане как-то сразу потеряли друг друга из вида: судьба не только разбросала их по разным уголкам необъятной России, но разобщила даже тех, кто осел на Слипе (район в г. Рыбинске, куда переселилась значительная часть мологжан. – *В. Т.*). На новом месте было порушено годами укоренившееся мологское соседство» [24, с. 348]. В-третьих, и, возможно, это ключевой аспект кейса Мологи – формирование «grassroots», низовой самоорганизации активистов-мологжан, которые стали «по кирпичику» восстанавливать, а по сути, заново строить здание идентичности мологжан: именно снизу, шаг за шагом, вовлекая и количественно и качественно ресурсы, агентов, попутно изобретая представления и практики по утраченной «Русской Атлантиде». Миф о Мологе стал составной частью идентичности.

Коллективное переживание утраты и приобщение к мифу способствует воспроизводству сопринадлежности и его трансляции молодым поколениям. При этом следует заметить, что по характеру и структуре данная разновидность идентичности имеет надтерриториальную базу – в других регионах и странах. Эпоха глобализации и развитие новых ИКТ существенно расширяет доступ к локальному контенту по теме, где бы ни находился пользователь. В современную эпоху глобализации, «когда наконец становятся мыслимыми единство и связность всего земного пространства за счет усиления крупных международных сетей, становится все громче голос всевозможных частностей: от тех, кто желает остаться один на своей земле, не деля ее ни с кем, до тех, кто желает найти себе родину; как если бы консерватизм первых и мессианство последних были принуждены говорить на одном и том же языке – языке земли и корней» [25, с. 41]. Согласимся с французским антропологом, который прозорливо подметил, что ничего еще не предрешено, что нет никакой линейности, предопределенности и окончательности в пользу одного-единственного проекта социальной жизни (как бы он ни назывался – неолиберальный, неокоммунистический и т. п.), и пересмотр итогов модернизации периодически будет актуализироваться.

Примерно по такой же «рыбинской» схеме при создании Краснодарского водохранилища в семидесятых годах XX в. полностью были затоплены и физически исчезли одиннадцать аулов и поселков Адыгеи: Шаханчерихабль; Эдепсукай-1; Эдепсукай-2; Шабанохабль; Лакшукай; Ленинохабль; Старый Казанукай; Новый Казанукай; Нечерезий; Маяк; Кармалино [26, с. 11]. Жившие там были принудительно переселены в другие места, большинство – в Адыгейск и Тлюстенхабль. В материалах (экспертов, очевидцев, политической и культурной элиты региона), с которыми нам удалось ознакомиться, отрицательная оценка последствий переселения доминирует над преимуществами создания нового рукотворного объекта [26, 27]. Для целей нашего исследования важны воспоминания о событиях и суждения очевидцев из разных социальных страт адыгейского общества, имеющие социокультурное и культурно-психологическое измерения.

Печатные официальные и мемуарные материалы достаточно определенно фиксируют культурную травму, которую пережили и до сих пор переживают переселенцы и их потомки. Она, в частности, проявляется: а) в отрыве от опривыченного природного и культурного ландшафтов; б) разрыве социальных и культурных связей; в) проблеме культурно-психологической адаптации к новой социальной среде, местам и урбанизму; в первую очередь это затронуло старшее поколение переселенцев; г) сужении культурных источников сельской идентичности бжедугов Адыгеи. В одночасье селяне формально превратились в горожан. Плановое переселение больших социальных групп из села в город – типичный пример механической урбанизации. Не все индивиды и группы смогли адаптироваться к новой непривычной городской среде и к стесненным жилищным условиям на новом месте. «Вскоре после переселения в Адыгейск, – отмечает К. Мамиек, – умерло много стариков, которые не смогли приспособиться к новым условиям, на непривычном месте, уже даже не болезни, а тоска по родному крову уносила их в мир иной» [26, с. 5]. Об этом же пишет З. Мамий [26, с. 164].

Осознание утраты малой родины потребовало определенного исторического и социального времени. В советский период рефлексия не была четко акцентированной, легальной и практически ориентированной. Лишь постсоветская либерализация сформировала рамки культурного дискурса по поводу утраты. Уже понятно, что те, кто вынужден был покинуть родные места, участвует в этом дискурсе, их малая родина – это не абстрактное, а абсолютное пространство (в логике А. Лефевра), имеющее неинструментальную ценность. Значимость методов проекта модернизации, одной из частей которого было переселение, активно пересматривается. Дискурс ведется как на языке технико-экономических категорий, обосновывающих просчеты и издержки проекта, так и в терминах культурной идентичности.

Не обнаруживается корреляция между социальным статусом индивида и степенью приверженности ценностям своей малой родины. В мемуарной литературе, которую мы изучали, даже индивиды, достигшие успеха и известности в новых местах, твердо выражали ностальгию и сожаление по поводу утраты. Так дело обстояло и в случае с утратой Мологи, и в случае с черкесскими аулами Адыгеи. «Тропки памяти, – пишет К. Мамиек, – ведут меня вновь и вновь в незабытый родной аул. Да и в снах своих часто вижу себя в аульской среде, хотя отчетливо понимаю, что по улице детства уже не пройти, что шорох трав и шелест листьев на яблоневых деревьях в родном дворе может только почудиться. Тишину росяных полей и лугов тоже не услышу. Очень больно, что на лике земли нет моего родного аула. Завидую по-доброму тем, у кого есть такая возможность: жить в родных местах или навещать их, чтобы поклониться той земле, на которой родился и жил…» [26, с. 9].

Утрата пространства мест, а они не что иное, как малые родины индивидов и групп, которых в добровольно-принудительном порядке выселили из родных мест и переселили, переживается и осмысливается на чувственно-эмоциональном и интеллектуальном уровнях. Особый вклад в процесс рефлексии внесла советская литература. Важно социологическое прочтение ключевых художественных текстов, которые в свое время стали резонансными, разбудили общественное сознание и до сих пор изучаются в средней школе.

«И опять наступила весна, своя в своем нескончаемом ряду, но последняя для Матеры, для острова и деревни, носящих одно название» – так начинается культовая повесть рус-

ского советского писателя В. Г. Распутина «Прощание с Матёрой» [28, с. 5]. Матера – сибирская деревня на Ангаре, в которой столетиями (в тексте писателя – 300 лет) жили различные поколения селян и которая, как и многие другие населенные пункты, попала в планы советской модернизации, предполагавшей затопление поселений и переселение жителей. Повесть В. Распутина написана в традициях русского критического реализма, в центре которого художественный анализ жизненных историй переселенцев, вынужденно покидающих родные места, свои малые родины. Писатель размышляет об этом процессе, его последствиях не только в «Прощании…», но и в более раннем очерке «Вниз и вверх по течению», написанном еще в 1972 г. В повести обозначены две истории – природная и социальная: три столетия социальной жизни местного сообщества, вписанного в природное течение времени и пространства, без кардинальных изменений модели взаимоотношений между экологией и людьми. «Прощание…» – это завершение двух историй в их традиционном виде – ликвидация привычного физико-географического окружения и социального пространства малой родины.

В повести В. Распутина процесс прощания включает в себя поэтапное социальное и символическое взаимодействие с объектами расставания (в социологическом смысле это даже не объекты, а равноправные участники, стороны социального обмена). В цепочке антропологии прощания – могилы родных и близких одной из главных героинь повести Дарьи; в месте рождения – родной дом (изба, которую необходимо подготовить к расставанию: пробелить, прибрать, а не просто закрыть, разобрать, сжечь); соседи и односельчане. Заметим, что во многих затапливаемых поселениях власти разрешали жителям разбирать свои деревянные дома и перевозить их в новые места. Однако это не было актом гуманизма. Подобную стратегию заставлял выбирать фактор обычной нехватки нового жилья при модернизации, переселениях.

Один из ключевых сюжетов повествования разворачивается на местном кладбище Матеры, куда Дарья пришла прощаться с родными, ушедшими из жизни. И она с ними разговаривает, спрашивает совета, «винится», одним словом, общается [28, с. 143–147]. На языке социологии это называется социальным взаимодействием. С точки зрения рационалистических (модернистских) теорий подобные действия обычно трактуются как пережитки, иррационализм, суеверия. Однако со времен Ч. Х. Кули (одного из основоположников символического интеракционизма) при анализе социальной реальности было принято проводить различия между физическим существованием/несуществованием объектов и их социальным бытием. Например, «телесно существующий человек социально нереален, если он никем не воображаем» [29, с. 94]. И, наоборот, телесно (физически) уже не существующие люди, герои, поскольку мы их воображаем, имеем представление о них, являются реальными членами общества и могут оказывать на нас определенное воздействие [29, с. 93]. В случае с Дарьей это в первую очередь моральное воздействие, связанное с чувством вины перед родными, которых она оставляет, с которыми она больше не сможет общаться, посещать их могилы, ухаживать за ними. Иными словами, это все то, что было связано в русской и иных культурах с антропологией рода и культом предков, которые модернизм пытался вытеснить из повседневной жизни, разрывая тем самым корни связей внутри сообществ, в том числе практики и чувство привязанности к месту. Жители Матеры готовятся покинуть свою малую родину и по-разному воспринимают данный процесс,

ту неопределенность, которая их ожидает в новых, чуждых местах. Особенно тяжело проходят данную стадию старшие поколения выселенцев, переживая и психологическую, и социокультурную травму.

Нельзя с определенностью утверждать, что различные поколения семей, принудительно утратившие свои малые родины, продолжали бы жить в родных местах, если бы выселения не произошло. Они могли бы переехать в другие города, регионы, страны. Известно, что специфика современной урбанизации и миграции характеризуется тем, что немалая часть людей не живет постоянно в местах своего рождения. Новая работа, получение образования, воссоединение семей, женитьба или замужество и сотни иных обстоятельств определяют миграционные стратегии. Однако речь идет о добровольных переселениях, когда индивиды сами определяют свою судьбу и жизненные траектории. Принуждение к переселению, физическое уничтожение или запустение родных мест создают длительные культурные травмы, которые наследуются поколениями.

Кейсы утраты малой родины, несмотря на их содержательные, временные и пространственные различия, объединяет одно – реакция на социальные изменения и переоценка ценностей.

Заключение. Феномен малой родины в пространстве гражданской идентичности занимает одно из ключевых положений. Малая родина посредством своих носителей – агентов, производящих представления и социальные практики – выполняет функцию социального взаимодействия (реального или воображаемого) с местом; обеспечивает связь с ним и является источником памяти о нем. Гражданская идентичность места опирается на локальные символы и ценности; на производство социальных практик, демонстрирующих и закрепляющих определенное отношение к малой родине – патриотизм, ностальгию, познание, воспитание, солидарную помощь, коммеморативные практики, социальные движения возрождения.

В результате проведенного исследования также показано:

а) утрата малой родины (как в физическом, так и в символическом смыслах) может детерминировать разрыв социальных и культурных связей (кейсы Мологи и черкесских аулов), а во временном интервале – конструирование низовой гражданской самоорганизации индивидов и групп, идентифицирующих себя с местами утраты;

б) переживание утраты формирует культурную травму поколений, независимо от социального статуса, этничности и социально-демографических характеристик переселенцев;

в) культурная травма проявляется в отрыве от опривыченных природного и культурного ландшафтов;

г) утрата и связанное с ней переселение из родных мест порождает проблему культурно-психологической и социальной адаптации к новой социальной среде, местам и урбанизму;

д) утрата сужает культурные источники сельской идентичности бжедугов Адыгеи;

е) возрождение и развитие идентичности на базе символов и ценностей малой родины не является всеобщим, а зависит от наличия гражданских движений идентичности в конкретных местах. В тех местах, где отсутствуют социальная база и практики возрождения, утрата малой родины и сами представления о ней остаются в основном в пространстве социальной и коллективной памяти, не переходя на уровень социальных практик.

Утрата опривыченных природного и культурного ландшафтов повышает социальные риски в условиях расширения пространства потоков. Дискурс малой родины и социальные практики, которые разворачиваются на его базе, могут способствовать защите и укреплению пространства мест как исторической среды обитания конкретных народов, сообществ и членов гражданского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. Т. II. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958.

2. Google-переводчик. URL: http//translate.google.com/ (дата обращения: 25.05.2021).

3. Бороноев А. О. Понятие малой родины: определение и содержание // Общество. Среда. Развитие. 2020. № 3. С. 60–66.

4. Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015.

5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика обществ и культура / пер. с англ. и под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУВШЭ, 2000.

6. Cresswell T. Place: An Introduction: 2nd ed. NY: Wiley-Blackwell, 2014.

7. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. М.: Логос, 2010.

8. Бороноев А. О., Тхакахов В. Х. Концепция пространства мест в социальных науках // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37, вып. 1. С. 91–105. DOI: https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.108.

9. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь (Collins). Т. 1 (A-O) / пер. с англ. М.: Вече, АСТ, 1999. С. 144–145.

10. Кола Д. Политическая социология / пер. с фр. А. И. Кристаловского, Ю. А. Немешаева, А. А. Тарасевича-Скрыльникова. М.: Весь Мир, ИНФРА-М, 2001.

11. Политология: Энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянова. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993.

12. Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М.: Норма, 2008.

13. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред. Г. В. Осипов. М.: Изд. группа Инфра-М-НОРМА, 1998.

14. Urban commons. Городские сообщества за пределами государства и рынка / под ред. М. Делленбо, М. Кипа, М. Бьеньек, А. К. Мюллер, М. Швегмана; пер. с англ. Д. Безуглова. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

15. Принудительные выселения. Изложение фактов // Права человека. 2014. № 25, rev. 1. URL: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/FS25.Rev.1_ru.pdf (дата обращения: 06.07.2021).

16. Ерохин В. И. Города под водой: путешествие по затопленным берегам Верхней Волги. Тверь: Гранд-Холдинг, 2013.

17. Ерохин В. И. Русская Атлантида: путеводитель по затопленным городам Верхней Волги: Корчева, Калязин, Углич, Мышкин, Молога, Рыбинск, Пошехонье, Череповец, Весьегонск: фотоальбом. Рыбинск: Формат-принт, 2005.

18. Клопов А. С. Холодная война военного разведчика из Мологи. Из истории семьи, края, страны. Рыбинск: Изд. центр Рыбинского музея-заповедника, 2015.

19. В Рыбинске откроют виртуальный музей // Рыбинск. Официальный сайт Администрации городского округа. 02.06.2021. URL: http://rybinsk.ru/news-2021/21700-v-rybinske-otkrojut-virtualnyj-muzej (дата обращения: 09.07.2021).

20. Экспозиция по истории Мологского края. URL: https://www.rybmuseum.ru/ru/expositions/exposition-of-mologsky-edge-history (дата обращения: 09.07.2021).

21. Крылова З. Мологжане // Молога: литературно-исторический сборник. 1995. Вып. 1. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1995. С. 22.

22. Богомолов Н., Сусанин В. А мне бы в Мологу (песня) // Молога: литературно-исторический сборник. 1995. Вып. 1. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1995. С. 94.

23. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили и др. М.: Праксис, 2004.

24. Нестеров Ю. А. Сказание о Ярославском граде Китеже. Рыбинск: Рыбинский госуд. историко-архит. и художеств. музей-заповедник, 2017.

25. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / пер. с фр. А. Ю. Коннова. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

26. Говорящие волны / ред. А. С. Ашинов и др. 2-е изд., доп. Адыгейск: РИПО «Адыгея», 1999.

27. Ашинов С. М., Цапко В. Ф. Говорящие волны. Книга вторая. Документальное повествование. Адыгейск: Адыг. респ. кн. изд-во, 2005.

28. Распутин В. Повести. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989.

29. Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок / пер. с англ. и под общ. ред. А. Б. Толстова. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.

Информация об авторе.

Тхакахов Валерий Хазраилович – доктор социологических наук (2003), профессор кафедры теории и истории социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 70 научных публикаций. Область научных интересов: социология города, социология идентичности, социология Северного Кавказа. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4220-4648. E-mail: atalik7@yandex.ru

REFERENCES

1. Preobrazhenskii, A.G.(1958), *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 2-kh t. T. II.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 2 vol. Vol. II], Gos. izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, Moscow, USSR.

2. *Google translator*, available at: http//translate.google.com/ (accessed 25.05.2021).

3. Boronoev, A.O. (2020), “The Concept of the Small Homeland: Definition and Content”, *Society. Environment. Development,* no. 3, pp. 60–66.

4. Lefebvre, H. (2015*), La production de l'espace*, Transl. by Staf, I. Strelka Press, Moscow, RUS.

5. Castells, M. (2000), *The Information Age: Economy, Society and Culture*, Transl. by Shkaratan, O.I., in Shkaratan, O.I. (ed.), Higher School of Economics, Moscow, RUS.

6. Cresswell, T. (2014), *Place: An Introduction*, 2nd ed., Wiley-Blackwell, NY, USA.

7. Sztompka, P. (2010), *Socjologia Analiza Społeczeństwa*, Transl. by Chervonnaya, S.M. Logos, Moscow, RUS.

8. Boronoev, A.O. and Thakahov, V.Kh. (2021), “Concept of space of places in social sciences”, *Vestnik of Saint Petersburg Univ. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 37, iss. 1, pp. 91–105. DOI: https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.108.

9. Jary, D. and Jary, Ju. (1999), *Collins Dictionary of Sociology*, vol. 1 (A–O), Veche, AST, Moscow, RUS, pp. 144–145.

10. Colas, D. (2001), *Sociologie politique*, Transl. by Kristalovskii, A.I., Nemeshaev, Yu.A. and Tarasevich-Skryl'nikov, A.A., Ves' Mir, INFRA-M, Moscow, RUS.

11. Aver'yanov, Yu.I. (ed.), (1993), *Politologiya: Entsiklopedicheskii slovar'* [Political science: Encyclopedic dictionary], Izd-vo Mosk. kommerch. un-ta, Moscow, RUS.

12. *Sotsiologicheskii slovar'* [Dictionary of sociology] (2008), Osipov, G.V. and Moskvichev, L.N. (eds.), Norma, Moscow, RUS.

13. *Sotsiologicheskii entsiklopedicheskii slovar'. Na russkom, angliiskom, nemetskom, frantsuzskom i cheshskom yazykakh* [Encyclopedic dictionary of sociology. In the Russian, English, German, French and Czech languages], (1998), Osipov, G.V. (ed.), Infra-M-Norma publishing group, Moscow, RUS.

14. *Urban commons. Gorodskie soobshchestva za predelami gosudarstva i rynka* [Urban commons: Moving Beyond State and Market] (2020), in Dellenbeau, M., Kipa, M., Bieniek, M., Müller, A.K. and Schwegman, M. (eds.), Transl. by Bezuglov, D., Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, RUS.

15. "Forced displacements. Statement of the facts", (2014), *Prava cheloveka* [Human rights], no. 25, rev. 1, available at: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/FS25.Rev.1_ru.pdf (accessed 06.07.2021).

16. Erohin, V.I. (2013), *Goroda pod vodoi: puteshestvie po zatoplennym beregam Verkhnei Volgi* [Cities under water: travelling along the sunken banks of the Upper Volga river], Grand-Kholding, Tver', RUS.

17. Erohin, V.I. (2005), *Russkaya Atlantida: putevoditel' po zatoplennym gorodam Verkhnei Volgi: Korcheva, Kalyazin, Ug-lich, Myshkin, Mologa, Rybinsk, Poshekhon'e, Cherepovets, Ves'e-gonsk: fotoal'bom* [Russian Atlantida: a guidebook on the sunken cities of the Upper Volga river: Korcheva, Kalyazin, Uglich, Mushkin, Mologa, Rubinsk, Poshehoniye, Cherepovez, Vesyegonsk: photobook], Rybinsk, Format-print, RUS.

18. Klopov, A.S. (2015), *Kholodnaya voina voennogo razvedchika iz Mologi. Iz istorii sem'i, kraya, strany* [Cold war of an intelligence agent from Mologa. From the history of a family, region and country], Izd. centr Rybinskogo muzeya-zapovednika, Rybinsk, RUS.

19. A virtual museum will open in Rybinsk, *Rybinsk. Ofitsial'nyi sait Administratsii gorodskogo okruga* [Rybinsk. Official website of the City District Administration], 02.06.2021, available at: http://rybinsk.ru/news-2021/21700-v-rybinske-otkrojut-virtualnyj-muzej (accessed 09.07.2021).

20. *Ekspozitsiya po istorii Mologskogo kraya* [Exposition on the history of the Mologa region], available at: https://www.rybmuseum.ru/ru/expositions/exposition-of-mologsky-edge-history (accessed 09.07.2021).

21. Krylova, Z. (1995), "Residents of Mologa", *Mologa: literaturno-istoricheskii sbornik* [Mologa: literary-historical collection], iss. 1, p. 22. Rybinskoe podvor'e, Rybinsk, RUS.

22. Bogomolov, N. and Susanin, V. (1995), "I wish I were in Mologa (song)", *Mologa: literaturno-istoricheskii sbornik* [Mologa: literary-historical collection], iss. 1, p. 94. Rybinskoe podvor'e, Rybinsk, RUS.

23. Smith, A.D. (2004), *Nationalism and Modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism*, Transl. by Smirnov, A.V., Filippov, Yu.M., Zagashvili, E.S. and etc., Praxis, Moscow, RUS.

24. Nesterov, Yu.A. (2017), *Skazanie o Yaroslavskom grade Kitezhe* [Legend of the City of Kitezh in Yaroslavl], Rybinskii gosud. istoriko-arkhit. i khudozhestv. muzei-zapovednik, Rybinsk, RUS.

25. Augé, M. (2017), *Non-Lieux. Introduction à une anthropologie de la surmodernité*, Transl. by Konnov, A.Yu., Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, RUS.

26. *Govoryashchie volny* [Talking waves] (1999), 2nd ed., Ashinov, A.S. and etc. (eds.), RIPO "Adygeya", Adygeisk, RUS.

27. Ashinov, S.M. and Tsapko, V.F. (2005), *Govoryashchie volny. Kniga vtoraya. Dokumental'noe povestvovanie* [Talking waves. Book two. Documentary narration], Adyg. rep. book publishing house, Adygeisk, RUS.

28. Rasputin, V. (1989), *Povesti* [Stories], Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, Irkutsk, RUS.

29. Cooley, Ch.H. (2000), *Human Nature and the Social Order*, Transl. by Tolstov, A.B., in Tolstov, A.B. (ed.), Idea-Press, Dom intellektual'noi knigi, Moscow, RUS.

Information about the author.

Valeriy Kh. Thakahov – Dr. Sci. (Sociology) (2003), Professor at the Department of Theory and History of Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 70 scientific publications. Area of expertise: urban sociology, sociology of identity, sociology of North Caucasus. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4220-4648. E-mail: atalik7@yandex.ru

УДК 316.2 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2021-7-6-97-108
Оригинальная статья / Original paper

К. М. Тахтарев – один из первых профессиональных социологов России. К 150-летию со дня рождения

А. О. Бороноев✉

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

✉pavlovasoc@mail.ru

Введение. Статья посвящена судьбе и творчеству известного российского социолога Константина Михайловича Тахтарева (1871–1925), 150 лет со дня рождения которого исполняется в 2021 г. Он один из первых профессиональных социологов, сыгравший большую роль в институционализации отечественной социологии. Труды и другие деяния его до сих пор не осмыслены в полной мере и, следовательно, недостаточно используются в исследованиях и в процессе подготовки социологов. В статье представлены основные результаты его творчества и направления деятельности по организации социологического знания в России.

Методология и источники. В статье реализован историко-биографический подход в сочетании со сравнительным анализом жизненной и научной судьбы К. М. Тахтарева, профессора Санкт-Петербургского университета (1911–1925). Проанализированы основные его труды и результаты его деятельности по институционализации отечественной социологии.

Результаты и обсуждение. Имя К. М. Тахтарева стоит рядом с такими именами, как М. М. Ковалевский, Н. И. Кареев, А. С. Лаппо-Данилевский, Е. В. де Роберти, П. А. Сорокин и др. Вклад в институционализацию отечественной социологии весьма значителен. Он одним из первых подготовил полные учебные пособия, создал свою систему социологии (П. Сорокин), был одним из организаторов Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского – общества, подтвердившего становление российского социологического сообщества. С его именем связано создание первого в стране социологического института. Его и П. А. Сорокина Н. И. Кареев назвал первыми профессиональными социологами России. В статье представлено понимание Тахтаревым предмета социологии, основных понятий, раскрывающих сущность общественной жизни, ее эволюцию, через этапы самодостаточности – основы его теории. Выявлена значимость осуществленной им систематизации социологических идей, которые легли в основу его системы социологии. Подчеркнута роль Тахтарева в развитии генетической социологии как социологического направления, изучающего динамику форм общественности, социальных институтов.

Заключение. Показана значимость идей К. М. Тахтарева для сегодняшней социологии и утверждается необходимость обращения к его трудам. Отмечены особая актуальность логики построения им своей системы социологии, опыты исследования в области генетической социологии, обоснование общественной закономерности и классификация социальных законов.

Ключевые слова: Тахтарев, русская социология, институционализация, генетическая социология, система социологии, учебные пособия, преподавание социологии.

© Бороноев А. О., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Бороноев А. О. К. М. Тахтарев – один из первых профессиональных социологов России. К 150-летию со дня рождения // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 6. С. 97–108. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-97-108

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 29.09.2021; принята после рецензирования 21.10.2021; опубликована онлайн 24.12.2021

K.M. Takhtarev is one of the First Professional Sociologists in Russia. To the 150th Anniversary of His Birth

Asalkhan O. Boronoev✉

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

✉pavlovasoc@mail.ru

Introduction. The article presents the fate and work of the famous Russian sociologist Konstantin Mikhailovich Takhtarev (1871–1925), who would have turned 150 years old in 2021. He was one of the first professional sociologists who played an important role in the institutionalization of Russian sociology. His works and other deeds are still not fully comprehended and, therefore, are insufficiently used in research and in the process of training sociologists. The article presents the main results of his work and the direction of his activities in organizing sociological knowledge in Russia.

Methodology and sources. The article implements a historical and biographical approach combined with a comparative analysis of the life and scientific fate of the famous Russian sociologist K. M. Takhtarev, professor of the St Petersburg University (1911–1925). His main works and the results of his activities on the institutionalization of Russian sociology are analyzed.

Results and discussion. The name of K.M. Takhtarev stands next to such names as M.M. Kovalevsky, N.I. Kareev, A.S. Lappo-Danilevsky, E.V. de Roberti, P.A. Sorokin, etc. His contribution to the institutionalization of Russian sociology is very significant. He was one of the first to prepare complete textbooks, created his own system of sociology (P. Sorokin), was one of the organizers of the M.M. Kovalevsky Russian Sociological Society, which confirmed the formation of the Russian sociological community. The creation of the country's first sociological institute is associated with his name. N.I. Kareev called him and P.A. Sorokin the first professional sociologists of Russia. The article shows his understanding of the subject of sociology, the basic concepts that reveal the essence of social life, its evolution, through the stages of self-sufficiency – the foundations of his theory. The significance of the systematization of sociological ideas carried out by him, which formed the basis of his system of sociology, is revealed. The role of Takhtarev in the development of genetic sociology as a sociological direction studying the dynamics of forms of society and social institutions is emphasized.

Conclusion. The significance of K.M. Takhtarev's ideas for today's sociology is shown and it is argued that it is necessary to refer to his works today. The special relevance of the logic of building his own system of sociology, research experiments in the field of genetic sociology, the substantiation of social laws and the classification of social laws are emphasized.

Key words: Takhtarev, Russian sociology, institutionalization, genetic sociology, system of sociology, text-books, teaching sociology.

For citation: Boronoev A. O. K.M. Takhtarev is one of the First Professional Sociologists in Russia. To the 150th Anniversary of His Birth. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 6, pp. 97–108. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-97-108 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 29.09.2021; adopted after review 21.10.2021; published online 24.12.2021

В Российской социологии заметное место занимает имя Константина Михайловича Тахтарева (1871–1925), известного социолога, ученика М. М. Ковалевского, который волею судеб стоял рядом с Н. И. Кареевым, Е. де Роберти, П. А. Сорокиным и др. у истоков активной институционализации социологии в стране в начале XX в. С его именем связаны приход социологии в учебные заведения, подготовка первых учебных пособий, учебного плана, в которых было представлено его понимание предмета, понятий и проблем нашей науки, его система социологии (П. Сорокин). Кроме того, Тахтарев – один из создателей русского социологического общества им. М. М. Ковалевского. В своей статье, написанной в 1919 г., он говорил, что «пишущий эти строки, связанный с М. М. Ковалевским многолетним общением в социологической работе, у самого гроба покойного предложил его ученикам П. А. Сорокину, Я. М. Магазинеру основать сообща с другими близкими социологам молодыми представителями русской общественной науки социологическое общество…» [1, с. 29–30].

Его деятельность и творчество весьма многогранны, и они еще недостаточно известны современным социологам и политологам. В нашей литературе имеются публикации о его деятельности авторства Н. И. Кареева, П. А. Сорокина, В. А. Колосова, И. А. Голосенко, Н. М. Собченко и др., но нет фундаментальных исследований его жизни и творчества. Важным событием было издание основных работ К. М. Тахтарева под названием «Социологические труды» (составление и предисловие А. О. Бороноева, 2006, 837 с.). Это издание, безусловно, способствовало включению его идей в научный и педагогический оборот. Тем не менее вклад К. М. Тахтарева в отечественную социологию и в процессы ее институционализации и, особенно, в становление университетской академической социологии не оценен полностью.

На наш взгляд, историю российской социологии невозможно представить без его имени, так же как без имени его коллеги П. А. Сорокина. А они были первыми профессиональными социологами России. Н. И. Кареев, выдающийся российский историк и социолог, в своей книге «Основы русской социологии» писал: «Специализировавшись на социологии и ставши ее преподавателями в высшей школе, оба должны были выработать свои общие курсы, а это не могло не поставить перед ними задачу систематизации социологического знания и самостоятельного пересмотра всех основных вопросов науки. И Тахтарев, и Сорокин были авторами книг, имевших характер систематических построений данной науки, причем ни тот, ни другой из них не примкнули ни к какому очень определенному направлению» [2, с. 263]. Для них, продолжал он, социология не была «добавочным предметом занятий», как для многих других. К социологии они шли каждый своим путем, но очень близкими – через участие в революционных движениях. Тахтарев – один из организаторов рабочего движения в Петербурге в конце XIX в., Сорокин – активный член партии эсеров.

На пути к социологии. К. М. Тахтарев родился в Петербурге в семье военного – инженера, профессора Артиллерийской академии, дослужившегося до генерал-лейтенанта, Михаила Константиновича Тахтарева.

Дом генерала М. К. Тахтарева. Институтский проспект, 18 (наше время). Фото Г. Кравченко
The House of General M.K. Takhtarev, 18 Institutsky ave., (today). Photo by G. Kravchenko

Он работал вместе с П. Л. Лавровым, который там же преподавал математику, а затем стал родоначальником российской социологии и общественным деятелем. С Лавровым Константин Тахтарев был знаком с детства, так как его отец был дружен с ним, они часто встречались в домашней обстановке и обсуждали различные вопросы. Тахтарев писал о нем: «Я любил его за стремление к свободной критической мысли, за его высокоразвитые нравственные чувства и понятия, за его чуткое отношение к людям и, в особенности, к учащейся молодежи, которая окружала его, любила его и видела в нем своего учителя» [3, с. 106].

В 1890 г. К. М. Тахтарев поступил в Санкт-Петербургский университет на естественное отделение, где он проучился два года, а затем перевелся в Военно-медицинскую академию. В гимназии, в университете и в академии активно занимался в кружках самообразованием: в гимназии – в кружке по изучению позитивной философии О. Конта, в академии – в кружке по изучению работ К. Маркса, а будучи студентом университета, организовал кружок по изучению наследия Г. Спенсера.

Интерес к социально-политическим процессам поддерживался им изучением социально-философских теорий, что привело его к активному участию в рабочем движении. Он считал, что рабочий класс (а не крестьяне, как думали народники) может решить проблемы неравенства и несправедливости в российском обществе.

С 1893 г. начинается его пропагандистская деятельность среди рабочих, он знакомится с первыми деятелями социал-демократического движения в Санкт-Петербурге: А. Потресовым, И. Бабушкиным, Ю. Мартовым, В. Шелгуновым, В. Ульяновым, Н. Крупской, А. Якубовой[1] и др. В период репрессий против активных членов движения он был фактическим руководителем «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1896 г. К. М. Тахтарев был арестован; после трех месяцев отсидки был взят отцом на поруки, что подробно описал в своей книге «Рабочее движение в Петербурге (1893–1901 гг.). По личным воспоминаниям и заметкам» (Л., 1924)[2].

[1] А. А. Якубова затем стала его женой.

[2] Эта книга впервые была издана под псевдонимом Петербуржец в 1902 г. Затем она переиздавалась в дополненном виде в 1906 г. (под псевдонимом Тар) и в 1918 г. В издание 1924 г. были добавлены «Воспоминания о В. И. Ульянове-Ленине и партийном расколе».

Говоря об идейных ориентациях в начальный период жизни, он писал: «На мое миросозерцание больше всего повлияли Аристотель, Маркс и Чернышевский, но все же я уважал П. Л. Лаврова, с которым был лично знаком» [3, с. 106].

В 1897 г. Тахтарев уехал через Вильно в Европу, спасаясь от второго ареста. Здесь он встретился с Г. Плехановым, П. Лавровым, познакомился с европейскими социал-демократами, в частности, с руководителями бельгийской рабочей партии. Несмотря на некоторые разногласия, вошел в состав группы «Освобождение труда», руководимой Г. Плехановым. По его же совету Тахтарев освоил рабочие профессии для возвращения на родину под видом иностранного рабочего, создал в Брюсселе школу для местных рабочих.

Творчески мыслящему, активно ищущему идеи справедливости Тахтареву сразу не понравилось состояние разброда, грубых дискуссий в социально-демократическом движении, их борьба между собой. Он не принял критику Лаврова Плехановым и другие дискуссии, мешающие рабочему движению. Он писал, будучи в то время сторонником Маркса и Чернышевского, что относился к Лаврову «критически, но все же слишком уж непочтительное отношение Плеханова к нему задело меня» [3, с. 106].

Второй причиной его скепсиса к тогдашнему социал-демократическому рабочему движению было общение с В. Лениным в Лондоне, беседы с которым часто, как он пишет, превращались в споры, «так как их взгляды на русское движение рабочих были далеко не одинаковы и скорее очень различные…» [3, с. 79].

Одной из тем фундаментальных дискуссий Тахтарева, по его словам, с лидерами рабочего движения была проблема «Рабочее движение и интеллигенция». Он выступал против руководства интеллигенцией рабочим движением. Кроме того, Тахтарева раздражала нетерпимость Ульянова к другому мнению, желание быть всегда первым, что, по его утверждению, выразилось, например, в обвинении П. Струве в газете «Искра» в ренегатстве, что было опасно для жизни последнего, и в его поведении на II съезде РСДРП (1903), когда произошло разделение социал-демократического движения на большевиков и меньшевиков. На этом съезде Тахтарев был почетным гостем и имел возможность наблюдать, как проходила его работа.

В 1897 г. он поступает в Брюссельский Новый университет на два факультета – юридический и медицинский[1]. В этом университете слушает курс социологии, к которой шел с гимназических времен через участие в социальном движении, дискуссиях и газетных публикациях. В 1898 г. Тахтарев писал, что социологией занялся в редакции газеты «Рабочая мысль», изучал настроения, издавал брошюры по истории фабрики, подготовил вопросник [3, с. 148].

Лекции по социологии читал известный бельгийский социолог де Греф. В своих воспоминаниях Тахтарев писал: «С особым интересом стал я слушать лекции де Грефа по социологии, которая начала меня увлекать в область науки» [3, с. 112]. В этом же университете он встретился с М. М. Ковалевским, который по приглашению де Грефа читал лекции об экономическом развитии России. М. М. Ковалевский интересовался рабочим движением в России, высоко отозвался об очерке Тахтарева, подаренном ему автором. Тахтарев пишет: «В следующее наше свидание я сообщил Ковалевскому о своем увлечении социологией, и

[1] В архивных документах К. М. Тахтарева указано, что он окончил Медицинскую академию и Лондонскую школу экономических и политических наук // Архив Санкт-Петербургского университета. Дело 124/52.

он посоветовал мне более обстоятельно работать в этом направлении» [3, с. 113]. С этого времени Тахтарев стал активно заниматься социологией, проводил дни в Брюссельской Королевской библиотеке, ездил в Лондон, где изучал социологические труды в библиотеке Британского музея. Он писал, что в Лондоне его «жизнь сосредоточилась на социологической работе в библиотеке Британского музея, где я проводил все свои дни, с утра до вечера» [3, с. 173]. Все это время он был в контакте с М. М. Ковалевским, читал по его просьбе лекции в Русской высшей школе общественных наук (1903–1905 гг.).

После разлада с политиками встреча с М. М. Ковалевским и увлечение социальными проблемами привели Тахтарева в науку социологию. Об этом он писал: «Мои научные стремления уже увлекли меня совсем в другую сторону. С этого момента я окончательно и почти целиком ушел в область любимой науки, которая была далеко от подавляющей меня борьбы за высшее руководство РСДРП» [3, с. 194].

Социологическая деятельность К. М. Тахтарева. Полное служение К. М. Тахтарева социологии началось, по его утверждению, с 1903 г., когда ему было 32 года, и продолжалось 22 года. Как уже было сказано, он начал читать лекции по генетической социологии в РВШОН (Париж)[1], и с этого периода его творческая деятельность была связана с М. М. Ковалевским, ставшим его учителем. В отечественной социологии впервые появляется дилемма «учитель и ученик». Тахтарев был первым учеником Ковалевского, затем уже в Петербурге появились П. Сорокин, Н. Кондратьев, П. Люблинский, Я. Магазинер и мн. др. Под влиянием своего учителя он серьезно занялся изучением генезиса социальных институтов с использованием сравнительно-исторического метода. Он издает ряд книг по генетической социологии, в том числе «Очерки по истории первобытной культуры», «Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм» в двух частях. Исследование этой темы было представлено и в сгоревшей при пожаре в Москве в 1905 г. рукописи «Основные ступени развития общества». Публикации по генетической социологии были осуществлены в стиле работ его учителя. Основу их составляли лекции в РВШОН в 1903–1905 гг., позже – в Психоневрологическом институте и на Высших курсах Лесгафта.

Он, как и его учитель, считал генетическую социологию отделом социологии, которая должна «…установить не только последовательность в смене различных форм общественной организации, но и выяснить то необходимое соотношение, которое существует между различными общественными формами (хозяйства, брака, семьи, власти, понятий) на каждой ступени развития общества, как между частями определенной социальной системы или формации» [4, с. 8]. Исходя из этих посылов, Тахтарев рассматривал историю общественных институтов в различные периоды общества и их связи. В его работах представлены интересные материалы исследований, позиции ученых по генезису общественных институтов и его позиция. Ввиду разнообразия материалов его работы могут быть примером междисциплинарности и сравнительных исследований, что сегодня чрезвычайно актуально. Фактически в генетической социологии объединяются многие исследования, которые проводятся в конкретных науках (праве, экономике, этнологии, науковедении, исто-

[1] Русская высшая школа общественных наук – была создана в Париже М. М. Ковалевским при участии И. И. Мечникова в 1901 г. и работала до 1906 г. В ее работе участвовали все тогдашние социологи России. Французские и отечественные социологи называли школу русским факультетом социологии за рубежом. Дата создания – 14 ноября, по предложению автора статьи является днем российского социолога.

рии и т. д.) вместе с использованием сравнительно-исторического и других социологических методов. Это направление, которое связано с именами известных зарубежных и отечественных исследователей (Конт, Морган, Вестермарк, Фрезер, Маркс, Ковалевский, Спенсер и др.), требует нашего внимания и изучения опыта К. М. Тахтарева.

Исследования Тахтарева в области генетической социологии как вида социологии и преподавательская деятельность определили поиск путей построения собственной системы социологической науки. При этом он испытывал влияние трех мыслителей – О. Конта, Г. Спенсера и К. Маркса, труды которых изучал еще со студенческих лет. Основные идеи его концепции социологии отражены в работах, увидевших свет с 1910 по 1924 г.[1] В 1911 г. была издана статья «Чем должна быть социология?», где он впервые высказал свое понимание основных проблем социологии. Затем была опубликована серия статей, исследующих основные идеи социологов, для определения авторской позиции. Так, он проанализировал идеи Аристотеля, которого считал основоположником социологии, Конта, Спенсера, Маркса, Уорда, Тарда, Зиммеля, Гидденса.

Затем К. М. Тахтарев издал труды «Социология как наука. О закономерности общественной жизни. (Введение в общий курс социологии)» (1916), «Социология, ее краткая история, научное значение, основные задачи, система и методы» (1918). Итогом построения им системы социологии и учебного пособия является «Наука об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии» (1919). Книга отличается подробной систематизацией социологических традиций как основы его теоретических поисков. Н. И. Кареев писал, что в этой книге Тахтарев поставил себе задачу «свести в одно стройное целое все то, чему его научил его долгий научный жизненный опыт, многолетнее изучение им общественной жизни и занятие социологией» [2, с. 266].

По мнению Тахтарева, «социология есть наука об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности или, точнее: социология есть наука, которая изучает общественную жизнь, взятую в целом, выясняет общественные явления в их естественных и необходимых соотношениях и устанавливает выражающиеся в них закономерности» [5, с. 42]. Он акцентирует наше внимание на понятиях «социальное явление», «общественная жизнь», «закономерность» как на важнейших понятиях социологии. Первое понимается как проявление общественной жизни естественно сложившегося и органически развивающегося сожития.

Общественная жизнь людей, по мнению автора, есть общение сожительствующих людей, которую социология изучает в целостности, тогда как другие общественные науки рассматривают отдельные ее стороны, т. е. «социальные явления определенного рода и вида (явления экономические, правовые, политические и пр.)» [5, с. 43]. Понятие «социальное» охватывает проявления отдельных сторон социальной жизни, которые изучают конкретные науки. Проблема законов и закономерности и сегодня является чрезвычайно актуальной. Как известно, методология мышления постмодернизма сняла эту тему из логики социологии, где отсутствуют повторяемость, преемственность, устойчивость, что ведет к потере основных ее функций.

[1] Библиографию работ К. М. Тахтарева см. в кн.: К. М. Тахтарев. Социологические труды / под ред. А. О. Бороноева. СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2006. С. 833–837.

Тахтарев – один из первых русских социологов, фундаментально исследовавший проблему, которая требует нашего внимания. Главу о закономерности в названной книге он начинает словами Г. Тарда: «Наука – есть порядок явлений, рассматриваемых со стороны их повторения». Тахтарев, как никто другой, обобщил все подходы и интерпретации законов и закономерности в социологии и дал собственное представление. Он выделяет три группы социологических законов: законы последовательности и связи явлений, социологические законы соотношения общественных явлений и законы статистические и статистико-социологические [5, с. 425–483]. Выявляя законы общественной жизни, социология становится точной наукой в духе О. Конта. Основу общественной жизни составляет сотрудничество по удовлетворению потребностей. Основными понятиями, кроме названных выше, являются общение, повторяемость, самодостаточность, разделение общественного труда, расслоение, личность, общественные силы, творческое начало, революция и эволюция, прогресс. В основе общественной жизни лежат потребности различных видов, их удовлетворение связано с трудом в различных его формах.

Интересна периодизация общества. Тахтарев выделяет пять ступеней, критерием выделения является образ жизни. Первая ступень – раннее общество, которое он называет тотемическим. Этому периоду свойственен бродячий образ жизни, охотничий, где значимы пол и возраст. Вторая ступень – родовое общество на основе кочевого образа жизни, состоящее из семейных общин, родов и племен; третья ступень – оседлое общество на основе общины и общинно-вечевой организации. Это уже территориальное общество, где присутствует сотрудничество свободных общинников. Четвертая ступень – наличие землевладения и натурального хозяйства, что характерно для феодального общества. Присутствуют уже города, ремесла, торговля, меновое хозяйство и сословия. Наконец, пятая ступень – это развитие городов, обмена, промышленности, капиталовложений, новое расслоение обществ и формирование классового общества [5, с. 137–159]. Представленная схема близка, но не совпадает с формационной логикой, хотя эти ступени он называл социальной системой или формацией. Логика периодизации общества составляет основу интерпретации общественного прогресса, критериями которой являются деятельность человека, изобретения новых средств и условий жизни для удовлетворения растущих и новых потребностей.

Социология, по Тахтареву, состоит из двух уровней. Первый уровень – общая социология. Он пишет: «Эта общая часть должна служить необходимым введением в частную социологию, задача которой изучение закономерности общественной жизни в прошлом и настоящем» [5, с. 525]. Последняя состоит в изучении явлений общественной жизни в основном в прошлом, т. е. в выяснении условий происхождения различных форм жизнедеятельности и общения людей, общего уклада их жизни и условий развития учреждений и всего общества. Этот раздел охватывает генетическая социология. Второй раздел частной социологии исследует соотношение различных явлений современной общественной жизни, выявляет ее закономерности и нарушения обычного уклада жизни.

Интересно представление Тахтарева о методах социологии. Он считал возможным использование как естественно-научных, так и собственно социологических методов, к которым относил: сравнительно-исторический, метод пережитков, метод тенденций, диалектический, метод аналогий и статистико-социологический, классификации и эксперимента (опыта) [5, с. 44–47]. Тахтарев – единственный из социологов того периода, который пред-

ставил свое понимание методов. Другие авторы ограничивались в основном историко-теоретическими проблемами.

Как понятно из сказанного, автор представил свою систему социологии, что вызвало неоднозначную оценку его коллег (Н. Кареев, П. Сорокин). В целом его позицию относят к позитивистским традициям с различными добавлениями и влияниями. Ортодокс[1] в рецензии на его первое учебное пособие «Социология как наука о закономерности общественной жизни» (Пг., 1916) писала: «Судя по всему, К. Тахтарев по своему философскому мировоззрению позитивист», имеющий «явную приверженность к историческому материализму» с проявлениями влияния русской субъективной школы, так как много антропологического материала [6, с. 105–106].

Были и другие оценки его позиции. Например, П. Сорокин, уже будучи в США, утверждал, что во взглядах Тахтарева «сочетаются принципы формальной социологии Зиммеля с экономическим анализом социальных процессов» [7, с. 35]. Это мнение было поставлено под сомнение известным исследователем наследия П. Сорокина И. А. Голосенко с приведением текстуальных данных, «чтобы у читателей не осталось превратного представления о Тахтареве» [7, с. 13].

Одним из направлений исследований Тахтарева была политическая социология вкупе с фундаментальными проблемами сущности общественной жизни (система социологии) и его институтов (генетическая социология). Исследование в сфере политической социологии, как утверждают исследователи его творчества, связано с былой его революционно-пропагандистской деятельностью. В разные годы им были изданы основательные труды: «От представительства к народовластию. К изучению новейших стремлений политического развития современного общества» (1907), «Общественная власть и государство» (1909), «Значение сотрудничества в общественной жизни» (1918), «Свобода и власть» (1917), «Современное государство» (1914) и т. д. В этих и в других публикациях Тахтарев анализирует в логике публицистики проблемы равенства, свободы, власти, перспективы государства и его институтов, справедливости как ценностей жизни и пути их трансформации. Эти работы написаны на хорошей базе источников и весьма доступны для читателя. К сожалению, они до сих пор недостаточно используются в исследовательской работе социологами и политологами, подтверждая мнение Н. А. Бердяева о нашей нелюбви к истории отечественного духовного творчества.

Велики заслуги Тахтарева в институционализации отечественной социологии. После возвращения в Россию в 1907 г. он весьма активно участвует в этом процессе. Он, как и его учитель, был недоволен положением социологии в стране, так как она была еще вне университетов, а некоторые попытки чтения курсов не соответствовали предмету социологии. Он писал: «Под видом социологии иногда преподается некоторая совокупность социологических соображений, сложившихся в голове того или другого „социолога"» [8, с. 1]. Поэтому Тахтарев стал активно готовить учебные пособия, в которых представлял социологию как системную науку, выявляя ее особенности по сравнению с рядоположенными науками. Хотя некоторые учебные работы подверглись критике Н. И. Кареева, они

[1] Ортодокс – псевдоним общественного деятеля, философа и социолога Любови Исааковны Аксельрод (1868–1946).

имели большое значение для развития преподавания нашей науки наряду с работами того же Н. Кареева, а также М. Ковалевского, Е. де Роберти, П. Сорокина и др.

Как уже говорилось, Тахтарев – один из организаторов русского социологического общества им. М. М. Ковалевского (1916), которое стало важным фактором институционализации отечественной социологии. С деятельностью Тахтарева связана трансформация Социобиблиографического института в Социологический институт (1919), которым он руководил. Это был первый институт социологии в России, просуществовавший недолго (до 1921 г.). П. Сорокин отмечал активную социологическую деятельность института – были организованы лекции, систематические курсы социологии, обучение преподавателей школ и вузов, издание учебных программ отечественных и зарубежных авторов. С институтом сотрудничали многие известные ученые – члены Общества им. М. М. Ковалевского. Одним из достижений этого сотрудничества является издание журнала «Вестник института», первого социологического журнала в России, предшественника журнала «Социологические исследования», который стал выходить с 1974 г., т. е. через 55 лет [9].

Участие Тахтарева в институционализации отечественной социологии значительно. Его имя, по мнению И. А. Голосенко, стоит в ряду имен ведущих отечественных социологов, создавших «русскую традицию» историографии социологии, перспективные исследования и учебные пособия: М. Ковалевского, В. Хвостова, Н. Кареева, П. Сорокина [10, с. 11]. Несмотря на его огромный вклад в развитие отечественной социологии, мы еще мало знаем о его трудах. Еще не осмыслена его теория общества как «самодостаточного коллектива», на что обращали внимание Н. Кареев и П. Сорокин. Последний в своей статье «Состояние русской социологии за 1918–1922 гг.» писал, что Тахтарев – социолог, хорошо «знающий литературу социологии, имеющий свою теорию общества как „самодостаточного коллектива"» [7, с. 23]. Содержателен опыт построения Тахтаревым системы социологии, и требуют изучения его труды по политической социологии.

Жизнь Тахтарева была чрезвычайно насыщенной и короткой. В молодые годы он вошел в революционно-пропагандистскую деятельность, пережил разочарование в идеях и действиях лидеров рабочего движения, затем занялся любимой наукой – социологией. Преподавал социологию на курсах Лесгафта, в Психоневрологическом институте и Санкт-Петербургском университете с 1911 г. В конце своей жизни опять испытал разочарование из-за того, что с социологией, с его любимой наукой, началась борьба, и кафедра, созданная Сорокиным, была переименована и стала кафедрой «Истории общественных форм». Но обстановка быстро менялась, началась реорганизация преподавания социально-гуманитарных наук, только на основе марксистской теории. В этих условиях он смог съездить в научную командировку в Лондон с 10.06.1924 г., где общался с английскими коллегами, изучал новую литературу. Однако по возвращении распоряжением уполномоченного Наркомпроса с 15.09.1924 г. Тахтарев был освобожден от преподавания в Петроградском государственном университете, а затем письмом ректора университета Н. Державина был уволен «в связи с ликвидацией читаемых Вами курсов»[1].

В очень скором решении его судьбы были две, на наш взгляд, взаимосвязанные причины. Первая, как утверждал Н. Кареев, – отход его от экономического материализма, принятие за основу общественной жизни наряду с экономикой психики как фактора удо-

[1] Архив Санкт-Петербургского университета. Дело 124/52.

влетворения человеческих потребностей [2, с. 267]. Второй причиной были теоретические разногласия с В. И. Ульяновым и размышления о его трудном характере и нетерпимости к другим мнениям (в воспоминаниях, изданных в 1924 г.). В данном случае, без сомнения, сработала сформировавшаяся идеологическая система, которая не терпела проявления плюрализма, о чем много писал и проводил в жизнь его учитель М. М. Ковалевский. Тахтарев, один из первых социал-демократов, известный социолог, не вписывался в новые идеологические ориентации властей.

В 1925 г. Тахтарев стал жертвой эпидемии брюшного тифа. Его жизнь оборвалась на 54-м году жизни, в самом расцвете творчества.

Тахтарев состоял в браке дважды. Первая жена Аполлинария Александровна Якубова – одна из первых участниц социал-демократического движения в Санкт-Петербурге, подруга Н. Крупской. Умерла, по одним сведениям, в 1917 г. от туберкулеза. В этом браке родились два сына. Во втором браке имел дочь Нину. Семья Тахтарева после войны и до 1960 г. жила в одной комнате дома отца Константина Михайловича на Институтском проспекте, д. 18.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бороноев А. О., Капустина Е. Г., Скворцов Н. Г., Тахтарев К. М. Русское социологическое общество им. М. М. Ковалевского // Социологическое общество им. М. М. Ковалевского: история и деятельность. К 100–летию создания. СПб.: Астерион, 2016. С. 28–33.

2. Кареев Н. И. Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996.

3. Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге (1893–1901 гг.). По личным воспоминаниям и заметкам. Л.: Рабочее издательство «Прибой», 1924.

4. Тахтарев К. М. Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм. Ч. 2. Л.: Госиздат, 1924.

5. Тахтарев К. М. Социологические труды // под ред. А. О. Бороноева. СПб.: Изд-во РХГА, 2006.

6. Ортодокс (Аксельрод Л. И.). К. Тахтарев. Социология как наука о закономерности общественной жизни (Введение в общий курс социологии, читанный слушательницам и слушателям Психоневрологического института и Высших курсов Лесгафта). Петроград: Книгоиздательство «Жизнь и знание», 1916. Рецензия // Дело. 1916. № 9–10. С. 105–107.

7. Сорокин П. А. О русской общественной мысли. СПб.: Алетейя, 2000.

8. Тахтарев К. М. Социология как наука. Петроград, 1916.

9. Бороноев А. О., Миронов Д. В. Становление журнального дела в российской социологии: феномен альманаха «Рубеж» (1991–2001) // Мир России. Социология и этнология. 2021. Т. 30, № 2. С. 167–179. DOI: https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-2-167-179.

10. Голосенко И. А. Социологическая ретроспектива дореволюционной России. Избр. соч. в 2-х кн. / под ред. В. В. Козловского. СПб.: Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, 2002.

Информация об авторе.

Бороноев Асалхан Ользонович – доктор философских наук (1980), профессор (1982), профессор кафедры теории и истории социологии, почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета, член Российской академии естественных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат премии им. М. М. Ковалевского Российской академии наук (2013), почетный председатель социологического общества им. М. М. Ковалевского. Автор свыше 400 научных публикаций. Сфера научных

интересов: история российской социологии, теоретическая социология, социальная антропология, этническая и региональная социология. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8361-5857. E-mail: pavlovasoc@mail.ru

REFERENCES

1. Boronoev, A.O., Kapustina, E.G. and Skvortsov, N.G. (2016), "Takhtarev K.M. The Russian Sociological Society named after M.M. Kovalevsky", *Sotsiologicheskoe obshchestvo im. M. M. Kovalevskogo: istoriya i deyatel'nost'. K 100-letiyu sozdaniya* [Sociological Society Named after Maxim Kovalevsky: History and Activity. To 100th Anniversary of the Establishment], Asterion, SPb., RUS, pp. 28–33.

2. Kareev, N.I. (1996), *Osnovy russkoi sotsiologii* [The foundations of Russian sociology], Izd-vo Ivana Limbakha, SPb., RUS.

3. Takhtarev, K.M. (1924), *Rabochee dvizhenie v Peterburge (1893–1901 gg.). Po lichnym vospominaniyam i zametkam* [Labor movement in St. Petersburg (1893–1901 gg.). On personal memories and notes], Rabochee izdatel'stvo Priboi, Leningrad, USSR.

4. Takhtarev, K.M. (1924), *Sravnitel'naya istoriya razvitiya chelovecheskogo obshchestva i obshchestvennykh form* [Comparative history of the development of human society and social forms], part 2, Gosizdat, Leningrad, USSR.

5. *Takhtarev K. M. Sotsiologicheskie Trudy* [Takhtarev K. M. Sociological works], (2006), in Boronoev, A.O. (ed.), Izd-vo RKhGA, SPb., RUS.

6. Orthodox (Akselrod, L.I.) (1916), "K. Takhtarev. Sociology as a science of the laws of social life (Introduction to the general course of sociology, read to students and students of the Psycho-Neurological In-stitute and Higher courses of Lesgaft). Petrograd: Publishing house "Life and Knowledge", 1916", *Delo*, no. 9–10, Review, pp. 105–107.

7. Sorokin, P.A. (2000), *O russkoi obshchestvennoi mysli* [On Russian social thought], Aleteiya, SPb., RUS.

8. Takhtarev, K.M. (1916), *Sotsiologiya kak nauka* [Sociology as a Science], Petrograd.

9. Boronoev, A., Mironov, D. (2021), "Scientific Journal Publication in the Making of Russian Sociology: the Phenomenon of "Rubezh" Journal, 1991–2001", *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, vol. 30, no. 2, pp. 167–179. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-2-167-179.

10. Golosenko, I.A. (2002), *Sotsiologicheskaya retrospektiva dorevolyutsionnoi Rossii. Izbrannye sochine-niya v 2-kh kn.* [Sociological retrospective of pre-revolutionary Russia. Selected works in 2 books], in Kozlovskii, V.V. (ed.), Sotsiologicheskoe obshchestvo im. M. M. Kovalevskogo, SPb., RUS.

Information about the author.

Asalkhan O. Boronoev – Dr. Sci. (Philosophy) (1980), Professor (1982), Professor at the Department of Theory and History of Sociology, Honorary Professor of Saint Petersburg State University, Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Laureate of the Prize M.M. Kovalevsky of the Russian Academy of Sciences (2013), Honorary Chairman of the Sociological Society named after M.M. Kovalevsky. The author of over 400 scientific publications. Area of expertise: history of Russian sociology, theoretical sociology, social anthropology, ethnic and regional sociology. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8361-5857. E-mail: pavlovasoc@mail.ru

Языкознание
Linguistics

УДК 811.161.1'42(07) http://doi.org/10.32603/2412-8562-2021-7-6-109-119
Оригинальная статья / Original paper

Прецедентные явления: трансформационные процессы

***Т. И. Свистун*[1]✉*, И. Л. Ильичева*[2]**

[1]*Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь*

[2]*Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь*

✉tess17@mail.ru

Введение. Прецедентный феномен в заголовке публицистической статьи – одна из характерных черт современного белорусского массмедийного дискурса. В статье рассмотрены особенности трансформационных процессов прецедентных феноменов в республиканских и региональных информационно-публицистических изданиях.

Методология и источники. Теоретическую базу настоящего исследования составили работы в области теории дискурса (Т. ван Дейк, Т. Г. Добросклонская, В. Е. Чернявская), а также теории интертекстуальности и прецедентности (М. М. Бахтин, Ю. Кристева, Р. Барт, И. В. Арнольд, Д. Б. Гудков). В ходе исследования был проведен структурно-семантический анализ заголовков и контент-анализ статей белорусских изданий в сопоставлении «центр–периферия». Материалом исследования выступили республиканские и региональные издания Белоруссии в период с 2017 по 2020 г. (всего 400 статей с заголовочными комплексами).

Результаты и обсуждение. Об активности прецедентной информации в белорусской публицистике рассматриваемого периода свидетельствуют многочисленные отсылки, аллюзии, интертекстуальные включения, зафиксированные в различных республиканских и региональных СМИ как в неизмененном, так и в трансформированном виде. При этом процессы трансформации могут быть связаны с усечением исходного теста, имени, высказывания, ситуации, замещением либо добавлением. В отдельных случаях для привлечения внимания к медиатексту используется трансформация не только на лексическом, но и на фонетическом, морфемном, синтаксическом уровнях. В целом, в белорусских изданиях превалируют прецедентные явления в трасформированном виде (около 75 %). Наиболее подвержены трансформации прецедентные высказывания и тексты, а наименее – ситуации. Эти тенденции характерны как для республиканских, так и для региональных изданий.

Заключение. Применение прецедентного феномена актуализирует фоновые знания читателя, отсылая к явлениям, уже получившим определенную интерпретацию и оценку. Трансформация прецедентного феномена позволяет связать информацию об описываемом автором событии, факте с уже имеющейся в лингвокогнитивной базе информацией, обновляя и приумножая ее, расширяя и обогащая коммуникативное пространство.

Ключевые слова: прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентная ситуация, прецедентное высказывание, трансформация, замещение, усечение, добавление.

© Свистун Т. И., Ильичева И. Л., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Свистун Т. И., Ильичева И. Л. Прецедентные явления: трансформационные процессы // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 6. С. 109–119. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-109-119

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 22.06.2021; принята после рецензирования 07.07.2021; опубликована онлайн 24.12.2021

Precedent Phenomena: Transformation Processes

***Tatiana I. Svistun*[1]✉*, Inna L. Ilyicheva*[2]**

[1]*Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus*

[2]*Brest State A. Pushkin University, Brest, Belarus*

✉tess17@mail.ru

Introduction. The precedent phenomenon in the title of a journalistic article is one of the characteristic features of the modern Belarusian mass media discourse. The article examines the pecularities of transformation processes of precedent phenomena in republican and regional newspapers.

Methodology and sources. The theoretical basis of this research was formed by the works in the field of discourse theory (T. van Dijk, T. G. Dobrosklonskaya, V. E. Chernyavskaya), as well as the theory of intertextuality and precedence (M. M. Bakhtin, Y. Kristeva, R. Bart, I. V. Arnold, D. B. Gudkov). In the course of the study, a structural and semantic analysis of the headings and a content analysis of the articles of Belarusian newspapers were carried with the focus on difference between center and periphery. The research material was the republican and regional newspapers of Belarus in the period from 2017 to 2020 years (a total of 400 articles with heading complexes).

Results and discussion. The activity of precedent information in the Belarusian journalism of the period under review is evidenced by numerous references, allusions, intertextual inclusions recorded in various republican and regional media, both unchanged and transformed. In the case of transformation, the elements of the original text, name, statement, situation can be shortened, replaced or addition may take place.

In some cases, to draw attention to the media text, the author uses transformations not only at the lexical, but also at the phonetic, morphemic, syntactic levels. In general, transformed precedent phenomena prevail in Belarusian publications (about 75 %). The most subject to transformation are precedent statements and texts, and the least – situations. These tendencies are typical for both republican and regional publications.

Conclusion. The application of the precedent phenomenon actualizes the background knowledge of the reader, referring to the phenomena that have already received a certain interpretation and assessment. The transformation of the precedent phenomenon allows you to link information about the event or the fact described by the author with the information already available in the linguo-cognitive base, updating and multiplying it, expanding and enriching the communicative space.

Key words: precedent text, precedent name, precedent situation, precedent statement, transformation, substitution, truncation, addition.

For citation: Svistun T. I., Ilyicheva I. L. Precedent Phenomena: Transformation Processes. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 6, pp. 109–119. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-109-119 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 22.06.2021; adopted after review 07.07.2021; published online 24.12.2021

Введение. Развитие средств коммуникации и информационных технологий, которые предоставляют возможность распространять и получать информацию и обеспечивают доступ к ней широкой аудитории, создает предпосылки для активного применения прецедентных явлений в дискурсах разного вида. В массмедийном дискурсе прецедентные явления используются особенно активно. СМИ широко применяют прецедентные явления для более эффективного воздействия на массовую аудиторию. В связи с этим изучение функционирования прецедентных феноменов в средствах массовой информации представляется актуальным. На наш взгляд, прецедентные явления в СМИ требуют особого исследовательского внимания в ракурсе процессов трансформации, которые они претерпевают в ходе своего функционирования. Кроме того, представляется целесообразным установление специфики трансформации прецедентных явлений в ходе сопоставительного анализа в соотношении «центр–периферия», т. е. при сравнении республиканских и региональных изданий Республики Беларусь.

Термин «прецедентный феномен» был предложен известным российским лингвистом, членом-корреспондентом РАН Ю. Н. Карауловым, который определил его как значимый, хорошо известный индивиду и его широкому окружению, включая предшественников и современников, обращение к которому возобновляется неоднократно [1, с. 216]. Ю. Е. Прохоров, российский исследователь, доктор филологических и педагогических наук, рассуждая о прецедентности, уточнил понятие данного феномена. Во-первых, прецедентные явления, по его мнению, принадлежат языковой культуре определенного этноса. Их использование связано с реализацией в стереотипизированной форме в стандартных для данной культуры ситуациях речевого общения. Являясь принадлежностью прагматикона некоторой этнокультурной языковой личности, прецедентное явление может быть использовано в общении, так как подразумевает аналогичное его наличие у другой личности. Во-вторых, отсылка к прецедентным явлениям имеет как прагматическую направленность, выявляя свойства языковой личности, ее цели, мотивы и установки, ситуативные интенциональности, так и лингвокогнитивную, реализация которой включает личность в речевое общение именно данной культуры на данном языке [2, с. 153].

За каждым прецедентным явлением, как справедливо указывает Г. Г. Слышкин, российский ученый, доктор филологических наук, стоит своя уникальная система ассоциаций, вызываемых им в сознании носителей языка. Включенность в ассоциативные связи с другими языковыми концептами обусловливает, по мнению Г. Г. Слышкина, регулярную актуализацию прецедентных явлений в различных видах дискурса. Такие ассоциативные связи он называет аспектами прецедентности [3, с. 40]. Российский исследователь, доктор филологических наук Д. Б. Гудков также полагает, что прецедентные явления «хранятся в коллективной памяти сообщества и регулярно актуализируются в речи» [4], поскольку каждое прецедентное явление – это пласт фоновой информации, значимой для большинства представителей лингвокультурного сообщества.

Ю. Н. Караулов к прецедентным феноменам относил цитаты, имена персонажей, авторов, а также тексты невербальной природы [1, с. 216]. Д. Б. Гудков предложил более подробное деление на прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные имена, прецедентные ситуации [4].

К числу *прецедентных высказываний* принадлежат цитаты из текстов различного характера, а также пословицы. Под цитатой Д. Б. Гудков подразумевает: 1) собственно цитату в традиционном понимании (как фрагмент текста); 2) название произведения; 3) полное воспроизведение текста, представленного одним или несколькими высказываниями [4]. Универсальность, обобщенность и экономность выражения мысли в пословице позволяют широко использовать их в качестве аргумента в тексте. Суть пословицы, как указывает российская исследовательница, кандидат филологических наук А. Ю. Белецкая, в том, что она – это своего рода модель стереотипной ситуации, представленной в свернутом виде [5, с. 88].

Статусом *прецедентных имен*, по мнению Д. Б. Гудкова, обладают имена, которые входят в когнитивную базу лингвокультурного сообщества, и инвариантное представление обозначаемого ими «культурного предмета» является общим для всех членов данного сообщества [4]. Е. А. Нахимова полагает, что прецедентное имя есть имя собственное с особым статусом, обозначающее единичные референты, которые широко известны в соответствующем языковом коллективе и могут служить обозначением тех или иных свойств [6, с. 35]. Это также сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату, а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени. Простое упоминание известных имен привносит в текст определенные дополнительные смыслы, рождает систему образных средств.

Под *прецедентной ситуацией*, как пишет российская исследовательница, доктор филологических наук В. В. Красных, подразумевается «некая „эталонная" ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу. Означающим прецедентной ситуации могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя» [7, с. 183]. Как справедливо указывала белорусская лингвист, доктор филологических наук Т. С. Глушак, «автор-создатель делает взаимодействие текстов видимым для читателя с помощью комплекса средств, вследствие чего возникает намеренно маркированная интертекстуальность» [8, с. 4]. Включая в свой текст фрагменты иных текстов, адресант подает адресату сигналы, по которым адресат может «верно определить авторскую интенцию, а значит воспринять данный текст в его диалоге с конкретно узнаваемыми текстами» [8, с. 5].

Все перечисленные прецедентные феномены тесно связаны. При актуализации одного из них может происходить актуализация сразу нескольких других прецедентных феноменов, связанных общностью происхождения. Прецедентные феномены эксплицируются в прагматических целях и апеллируют к уже имеющемуся в имплицитной форме аналогичному устойчивому элементу с целью экономии коммуникативных усилий и/или маркированности ситуации общения. Внедрение в медиатекст знакомой ситуации, связанной с тем или иным референтом, способно облегчить адресату восприятие медиатекста и предопределить верную интерпретацию смысла.

Цель данной статьи – установить особенности использования прецедентных феноменов в массмедийном дискурсе в сопоставительном аспекте «центр–периферия» на примере белорусских республиканских и региональных СМИ. В ходе исследования представляется значимым решение следующего ряда задач:

– рассмотреть теоретические основы изучения прецедентных феноменов;

– создать корпус прецедентных феноменов, употребляемых СМИ;

– установить виды прецедентных явлений, употребляемых в белорусских СМИ;

– установить способы трансформации прецедентных явлений и специфику их прагматической адаптации;

– выявить способы вербальной и невербальной репрезентации, семантические и функциональные особенности прецедентных феноменов.

Методология и источники. Теоретическую базу настоящего исследования составили работы в области теории дискурса (Т. ван Дейк, В. И. Карасик, Т. Г. Добросклонская, В. Е. Чернявская), а также теории интертекстуальности и прецедентности (М. М. Бахтин, Ю. Кристева, Р. Барт, И. В. Арнольд, В. Г. Костомаров, А. Е. Супрун, Ю. Н. Караулов, В. В. Красных, Д. Б. Гудков). В ходе исследования был проведен структурно-семантический анализ заголовков и контент-анализ статей белорусских изданий в сопоставлении «центр–периферия». В качестве материала исследования нами были выбраны четыре общественно-политических издания: республиканские общественно-политические газеты «СБ. Беларусь сегодня» (далее «СБ») (печатный тираж – более 400 000 экз.), «БелГазета» (далее «БГ») (печатный тираж – более 8 000 экз.) и региональные еженедельные издания «Вечерний Брест» (далее «ВБ») (печатный тираж – 6 500 экз.), «Брестский курьер» (далее «БК») (печатный тираж – 6 000 экз.).

Газеты выходят на русском языке и имеют электронные версии: sb.by, belgazeta.by, vb.by, bk-brest.by соответственно. Материал был отобран в период с 2017 по 2020 г. и представляет собой 400 статей с заголовочными комплексами. При этом под заголовочным комплексом понимается собственно заголовок с дополнительными элементами (название рубрики, подзаголовок, лид, фото и др.).

Результаты и обсуждение. В белорусском медиапространстве широко используются прецедентные феномены, хорошо известные представителям социума, имеющие некий общий для всех носителей данного лингвокультурного сообщества национально-детерминированный, минимизированный инвариант его восприятия. Другими словами, за прецедентным феноменом всегда стоит некое представление о нем, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета, или инвариант его восприятия, который и делает все апелляции к прецедентному феномену «прозрачными», понятными, эмоционально окрашенными.

Об активности прецедентной информации в белорусской публицистике периода 2017–2020 гг. свидетельствуют многочисленные отсылки, аллюзии, интертекстуальные включения, зафиксированные в различных республиканских и региональных СМИ как в неизмененном, так и в трансформированном виде. К примеру, часто встречаются заголовки, в которых отражена кинематографическая и мультипликационная информация: 1) «Кто о сегодняшнем учителе замолвит слово?» (ср.: название известного советского кинофильма «О бедном гусаре замолвите слово»; «БК», 24.12.2018); 2) «Есть ли жизнь после пенсии, где можно совершить выгодные покупки или как поругать мэра, чтобы он прочитал?» (ср.: «Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе, это науке неизвестно» – популярная цитата из кинофильма «Карнавальная ночь»; «ВБ», 24.12.2019); 3) «Уроженец был „Крестным отцом” Дональда Туска» (ср.: кинофильм «Крестный отец»; «БК», 25.06.2019).

Традиционно активны обращения к литературному фонду: 1) «Тафгай по ним плачет. „ШАХТЕР" (Солигорск) – „ДИНАМО" (Брест)» (ср.: Я. Шишков, «Емельян Пугачев. Тюрьма по тебе плачет»; «ВБ», 01.04.2018); 2) «Сказка – ложь, а в ней… статья» (ср.: А. С. Пушкин: «Сказка – ложь, да в ней намек!»; «ВБ», 06.10.2019) – и другим источникам: 1) «Могучая кучка» (ср.: «Могучая кучка» – творческое содружество русских композиторов; «БК», 06.07.2019); 2) «На трибунах становится тише» (ср.: название песни «На трибунах становится тише»; «ВБ», 11.03.2019); 3) «Манна небесная» («ВБ», 11.08.2019).

В задачи нашего исследования также входило выявление особенностей трансформационных процессов, затрагивающих прецедентные явления в заголовках. Результаты анализа свидетельствуют, что чаще всего прецедентные феномены в заголовках выступают не в каноническом, а в трансформированном виде. Существует многообразие классификаций изменений исходного текста, но мы в качестве отправной точки воспользуемся типологией Д. Б. Гудкова, предлагающего выделять следующие типы трансформации прецедентных феноменов [9, с. 209], которые подтверждаются и нашими примерами: 1) лексическое замещение; 2) усечение; 3) добавление (расширение лексического состава).

При ***замещении*** трансформация обычно состоит в замене одной или двух лексических единиц на опорное слово, актуализирующее имплицитные смыслы. В качестве наглядной иллюстрации приведем ряд примеров: «Там, где лес шумит… Барановичскому лесхозу – 80 лет» (ср.: песня «Там, где клен шумит…»); «Окнаград – высокое качество окон ПВХ в Беларуси» (ср.: «Петроград»; «ВБ», 21.12.2019); «Вот и сказочке конец: спустя 42 года сага о семье Скайуокеров завершается с выходом девятого эпизода» (ср.: «Вот и сказочке конец, а кто слушал – молодец»; «ЗР», 25.12.2019); «Мышиное королевство и новогоднее настроение: ярмарки на Гоголя и Ленина принимают покупателей» (ср.: «Щелкунчик и мышиный король» – повесть-сказка Э. Т. Гофмана; «ВБ», 29.12.2019), «Сказка о мертвой царевне» (ср.: «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» – сказка А. С. Пушкина; «ВБ», 11.06.2019).

Прецедентные феномены формируют смысл высказывания, при этом своеобразным триггером выступает трансформированный элемент, который заменяется в оригинальном, каноническом варианте. Например, в заголовке «Пластик преткновения» («БГ», 16.03.2020) известное словосочетание *камень преткновения* трансформируется: первый элемент *камень* меняется на *пластик*, поскольку речь в статье идет о том, чтобы разрешить белорусам использовать свою тару при покупке товаров. Подобное нововведение позволит сократить использование пластиковой упаковки и даст покупателям возможность сэкономить. Таким образом, трансформация прецедентных феноменов повышает экспрессивность и образность газетных заголовков.

В отдельных случаях трансформации не ограничиваются изменением лексической составляющей прецедентного текста. Для привлечения внимания к медиатексту автор использует трансформации на фонетическом, морфемном, синтаксическом уровнях. Так, в заголовочных комплексах типа: «Отпус**COV** не в**ID**ать. Надо ли возвращать деньги за курортный тур?» («ВБ», 12.04.2020); «Брестский рок за **ВечеRock**!» («БК», 21.06.2019); «Остров „не**BB**езения". Что изменится на границе с 1 января?» («ВБ», 17.11.2019); «Футбол от Сарычева. ЖУРАВЛИНЫЙ „**КРИГ**". Итоги сезона глазами обозревателя „Вечерки"» («ВБ», 04.12.2017) – наблюдается трансформация на фонетическом уровне: добавление

или замена звука приводит к изменению смысла целого высказывания. В последнем примере происходит замена звука [к] на звук [г], в результате которой меняется значение целого высказывания: слово *крик* в данном контексте заменяется фамилией известного американского футболиста *Дейвида Крига*. При фонетической трансформации вербальная часть заголовочных комплексов часто дополняется фотографиями и иллюстрациями, создающими вместе единый семиотический ряд и задающими правильный вектор восприятия заголовочного комплекса.

В ряде случаев в процессе трансформации канонической остается только ритмическая структура прецедентного феномена: «Двор, цветочница, шлагбаум…» (ср.: стихотворение А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...»; «БК», 31.08.2017). Восстанавливая в своем сознании ритмический строй исходного заглавия, адресат может легко распознать, о каком именно прецедентном феномене идет речь. Ритмическая структура исходного текста рождает ассоциации с макроконтекстом претекста: событиями произведения, поступками, характером и проблемами героев, идейной нагрузкой и тональностью произведения. А в заголовке «Ярмарка лицемерия» («БГ», 03.03.2020) осуществляется трансформация на лексическом уровне: происходит замена исходного элемента *тщеславие* (название романа У. Теккерея «Ярмарка тщеславия») на *лицемерие*, поскольку в статье автор характеризует американское правосудие как зависящее от состава. По мнению автора, в деле голливудского кинопродюсера Х. Вайнштейна, обвиненного в сексуальном насилии, суд присяжных повлиял на исход дела не меньше, чем все старания защитников.

Процессы трансформации могут быть связаны с сокращением исходного теста, имени и т. п. Приведем пример ***усечения*** одного из элементов прецедентного явления: «Национальная рыбалка» (ср.: художественный фильм «Особенности национальной рыбалки»; «БГ», 10.12.2019). Иногда усечение используется в заголовке совместно с заменой. Так, фраза Семена Семеновича из фильма Л. Гайдая «Бриллиантовая рука» «Поскользнулся, упал, очнулся – гипс» претерпела изменения и превратилась в «Катался, упал – гипс» («СБ», 12.03.2020) в статье о том, насколько безопасны скейтпарки и уличные экстремальные виды спорта. В этом заголовке исчезает элемент *очнулся*, а *поскользнулся* заменяется на *катался,* но синтаксическая структура остается прежней.

Трансформация, связанная с ***добавлением*** элементов в канонический вариант, также была зафиксирована в материале исследования. В заголовке «Старый зеленый друг лучше новых двух» («БК», 21.06.2019) в пословицу «Старый друг лучше новых двух» добавлен элемент *зеленый*, поскольку речь в статье идет об обновлении зеленой зоны на набережной Мухавца к тысячелетию города Бреста. Заголовок «Аптечный спрут» («ВБ», 12.01.2020) актуализирует название телевизионного фильма о борьбе итальянских правоохранительных и судебных органов с сицилийской мафией и коррупцией, а добавление элемента *аптечный* указывает на сферы влияния «спрута». А в заголовке «Три кита медицины найдут „зону комфорта” в детской областной больнице» («ВБ», 29.12.2019) прецедентный феномен *три кита* становится подлежащим целого предложения, т. е. происходит добавление множества элементов.

Как упоминалось выше, канонический текст может видоизменяться несколькими способами. Здесь речь идет о смешанной трансформации. Например, в заголовке «Пятеро в лодке» («БГ», 10.03.2020) прослеживается связь с произведением Дж. К. Джерома «Трое в

лодке, не считая собаки», в котором произошла и замена числительного *трое* на *пятеро* и усечение *не считая собаки*. Подобная трансформация, безусловно, была оправдана содержанием статьи, в которой говорилось о том, что по результатам регистрации претендентов для участия в праймериз за звание единого кандидата в президенты от демократических сил будут бороться пять человек из шести, подавших документы. А в заголовке «Слово о праве с Павлом Сапелко» («СБ», 20.03.2020) осуществляется отсылка к прецедентному тексту «Слово о полку Игоревом», и в результате *о полку* заменяется на *о праве*, а также добавляется имя автора рубрики *Павел Сапелко*.

В нетрансформированном виде названия фильмов, художественных произведений, цитаты употребляются значительно реже: «В гостях у сказки» (ср.: название детской ТВ-передачи «В гостях у сказки»; «БГ», 25.12.2019); «Чей туфля?.. Мое» (ср.: фраза Труса из советского кинофильма «Кавказская пленница»; «БГ», 17.12.2020).

Отразим соотношение трансформированных и канонических прецедентных явлений в таблице.

Соотношение трансформированных и канонических прецедентных явлений
в республиканских и региональных изданиях
The ration of transformed and original precedent phenomena in republican and regional publications

Виды прецедентных явлений	Республиканские издания		Региональные издания	
	Канонические варианты	Трансформированные варианты	Канонические варианты	Трансформированные варианты
Ситуация	18	4	9	4
Имя	7	11	9	2
Текст	10	21	14	30
Высказывание	18	99	9	114
Смешанные	0	12	0	9
Всего	**53**	**147**	**41**	**159**

Данные, представленные в таблице, позволяют сделать вывод о том, что в целом прецедентные явления в белорусских изданиях употребляются в трансформированном виде. Из почти 400 проанализированных единиц более 300 трансформируются. Различия в сопоставительном плане «центр–периферия» не были выявлены. Трансформация прецедентного явления – это своего рода адаптация, «подстраивание» под интересы и нужды аудитории, что, несомненно, повышает его воздействующий потенциал.

Наиболее подвержены трансформации прецедентные высказывания и тексты, а наименее – ситуации. Эти тенденции характерны как для республиканских, так и для региональных изданий. Незначительные расхождения наблюдаются с прецедентными именами. В региональных изданиях они чаще употребляются в каноническом виде: «Дон Кихот» («ВБ», 23.12.2019); «Конница Буденного» («ВБ», 18.03.2019); «Добрый доктор Айболит» («ВБ», 24.12.2020); «Штраус зажигает!» («БК», 23.12.2019), а в республиканских – в трансформированном: «Дисней вам у хату» («БГ», 27.08.2019), «На глазах у Пушкина» («БГ», 06.08.2019), «Призрак Прокоповича» («БГ», 25.07.2019).

Кроме того, нами было установлено, что прецедентные явления в электронном медиадискурсе имеют нелинейный характер в том смысле, что электронный канал позволяет использовать знаки разных семиотических систем: вербальные и невербальные. Являясь но-

сителями новой информации, невербальные средства привлекают внимание адресата, а полное понимание заложенной информации в медиатексте становится невозможным без декодирования невербальных средств. Так, заголовочный комплекс «Повезет – не повезет. Тест про пятницу 13-е» («СБ», 13.03.2020) снабжен фотографией черного кота, который по народной примете является символом несчастий, равно как и дата пятница 13-е. Таким образом, актуализируется тематика теста – приметы и суеверия.

Заголовочная конструкция «Какие права есть у пассажира такси?» («БВ», 13.01.2020) сопровождается визуальным образом лжетаксиста Михал Иваныча из кинофильма «Бриллиантовая рука» Л. Гайдая. Визуальное использование прецедентной ситуации воспроизводит в сознании адресата образ героя фильма, который везет непонятно куда, попутчиков не берет, вид у него бандитский, на руке наколка. В данном случае происходит апелляция к правилам пассажироперевозок.

Представленная в медиатекстах невербальная составляющая в ряде случаев служит не только визуальным ориентиром и связующим звеном между заголовком и различными слоями вербальной составляющей, но и доминантным средством, раскрывающим имплицитную информацию. Так, заголовок «We are the champions» («ВБ», 24.11.2019) отсылает читателя к песне Ф. Меркьюри «Мы – чемпионы» и вне визуального контекста может иметь несколько интерпретаций. Наличие невербальной составляющей в заголовочном комплексе (изображение ликующих болельщиков на трибунах Брестского стадиона) задает правильный вектор общего понимания медиатекста. Еще одним ярким примером может служить заголовок «В бой идут одни старики» («ВБ», 04.03.2020): фотографии спортивного матча с участием знаменитых спортсменов-футболистов помогают правильно декодировать заголовок медиатекста.

Заключение. Анализ специфики функционирования прецедентных феноменов в республиканских и региональных общественно-политических изданиях позволяет сделать следующие выводы:

1. Сопоставительный анализ прецедентных явлений в соотношении «центр–периферия» не выявил существенных различий. В республиканском и региональном массмедийном дискурсе наблюдается постоянная апелляция к прецедентным феноменам в равной степени, что говорит о единой тенденции в рамках одной лингвокультуры, белорусской. Основу прецедентных феноменов составляют прецедентные высказывания, но также находят свое отражение и прецедентные тексты, имена, ситуации.

2. Прецедентные феномены используются в заголовочных комплексах и текстах статей республиканских и региональных СМИ в основном в трансформированном виде. В каноническом виде они встречаются менее чем в трети случаев. Процессы трансформации прецедентных феноменов в заголовочных комплексах затрагивают все языковые уровни, начиная с фонетического и заканчивая более высокими и сложными уровнями языка. При этом меняются лексическое значение слова, его принадлежность к определенной части речи и синтаксическая роль, орфография и т. д. Способами трансформации на лексическом уровне выступают замещение, добавление и усечение либо их комбинация.

3. Трансформация прецедентного явления создает прочную ассоциативную связь между самим явлением и актуальной для читателя действительностью, делает прецедентное явление понятнее, «ближе». Такого рода адаптация помогает учесть интересы и нужды аудитории, что, несомненно, усиливает воздействие на читателя.

Таким образом, прецедентные феномены выступают как определенная доминанта массмедийного дискурса. Их применение актуализирует не только сам текст публицистической статьи, но и фоновые знания читателя, отсылая к феноменам, уже получившим определенную интерпретацию и оценку. Трансформация прецедентного феномена помогает связать информацию об описываемом автором событии, факте с уже имеющейся в лингвокогнитивной базе информацией, обновляя и приумножая ее, расширяя и обогащая коммуникативное пространство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.

2. Прохоров Ю. Е. Концепт, текст, дискурс в структуре и содержании коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / УрГУ, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина. Екатеринбург, 2006.

3. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000.

4. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 1997. № 4. С. 106–118.

5. Белецкая А. Ю. Пословица как прецедентная единица в аргументативном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук / Самар. гос. пед. ун-т. Самара, 2002.

6. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, Ин-т социального образования, 2007.

7. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.

8. Глушак Т. С. Интертекстуальность прецедентных текстов // Вопросы германской филологии и методические инновации в обучении и воспитании: Материалы X респ. науч. конф., Брест, 24 марта 2006 г. / Брест. гос. ун-т. Брест, 2006. С. 3–6.

9. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003.

Информация об авторах.

Свистун Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук (2010), заведующая кафедрой теории и практики английского языка Минского государственного лингвистического университета, ул. Захарова, д. 21, Минск, 220034, Беларусь. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: медиалингвистика, межкультурная коммуникация, лингвокультурология. ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9512-0686. E-mail: tess17@mail.ru

Ильичева Инна Леонидовна – кандидат филологических наук (2008), доцент кафедры английской филологии Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина, б-р Космонавтов, д. 21, Брест, 224016, Беларусь. Автор более 25 научных публикаций. Сфера научных интересов: медиалингвистика, когнитивная лингвистика, семиотика, лингвокультурология. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3610-8147. E-mail: ilitcheva@list.ru

REFERENCES

1. Karaulov, Yu.N. (2010), *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality], Izd-vo LKI, Moscow, RUS.

2. Prokhorov, Yu.E. (2006), “Concept, text, discourse in the structure and content of communication”, Abstract of Dr. Sci. (Philology) dissertation, UrFU, Pushkin Institute, Ekaterinburg, RUS.

3. Slyshkin, G.G. (2000), *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse* [From text to symbol: linguocultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse], Academia, Moscow, RUS.

4. Gudkov, D.B., Krasnykh, V.V., Zakharenko, I.V. and Bagaeva, D.V. (1997), “Some features of the functioning of precedent statements”, *Moscow Univ. Philology Bulletin*, no. 4, pp. 106–118.

5. Beletskaya, A.Yu. (2002), “Proverb as a precedent unit in argumentative discourse”, Can. Sci. (Philol.) dissertation, Samar. gos. ped. un-t, Samara, RUS.

6. Nakhimova, E.A. (2007), *Pretsedentnye imena v massovoi kommunikatsii* [Precedent names in mass communication], monografiya, Ural. gos. ped. un-t, In-t sotsial'nogo obrazovaniya. Ekaterinburg, RUS.

7. Krasnykh, V.V. (2003), *«Svoi» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'?* ["Own" among "strangers": myth or reality?], Gnozis, Moscow, RUS.

8. Glushak, T.S. (2006), “Intertextuality of precedent texts”, *Questions of Germanic philology and methodological innovations in teaching and upbringing: materials of the X rep. scientific. conf.*, Brest, Brest. State Univ., BLR, Mar. 24, 2006, pp. 3–6.

9. Gudkov, D.B. (2003), *Teoriya i praktika mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Theory and practice of intercultural communication], Gnosis, Moscow, RUS.

Information about the authors.

Tatiana I. Svistun – Can. Sci. (Philology) (2010), Head of the Department of Theory and Practice of English, Minsk State Linguistic University, 21 Zakharova str., Minsk 220034, Belarus. The author of more than 30 scientific publications. Area of expertise: medialinguistics, intercultural communication, linguoculturology. ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9512-0686. E-mail: tess17@mail.ru

Inna L. Ilyicheva – Can. Sci. (Philology) (2008), Associate Professor at the Department of English Philology, Brest State A. Pushkin University, 21 Kosmonavtov blvd., Brest 224016, Belarus. The author of more than 25 scientific publications. Area of expertise: medialinguistics, cognitive linguistics, semiotics, linguoculturology. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3610-8147 E-mail: ilitcheva@list.ru

УДК 81-13; 81'23 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2021-7-6-120-131
Оригинальная статья / Original paper

Лексико-семантическая и синтаксическая валентность языковых репрезентаций эмоционального мира человека в стихотворении Т. Мура «Then, fare thee well»

А. В. Диль✉

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

✉annadiehl2018@yahoo.com

Введение. Статья посвящена изучению специфики лексико-семантической и синтаксической валентности лексических единиц, номинирующих эмоции в стихотворении Т. Мура «Then, fare thee well». Актуальность настоящего исследования состоит в том, что оно выполнено в русле лингвокогнитивной парадигмы и ставит своей целью выявление специфики сочетаемости с другими лексическими единицами номинантов эмоций, вербализующих оязыковленный фрагмент концептосферы «эмоциональный мир человека». Новизна исследования связана с его антропоцентрической направленностью и междисциплинарным характером интерпретации материала, подразумевающим исследование художественной концептосферы «эмоциональный мир человека» на материале стихотворения Т. Мура с позиций когнитивной лингвистики, психологии и литературоведения.

Методология и источники. Теоретическая основа настоящего исследования представлена работами ученых В. Ю. Апресян, Е. В. Галеевой, Н. А. Красавского, И. Н. Кучер, С. Г. Любовой, К. О. Погосовой, Е. А. Рожновой, рассматривавших сущность эмоциональных концептов как культурно обусловленных ментальных конструктов, т. е. непосредственно связанных с мировидением представителей конкретного этноса. При анализе материала используются такие методы исследования, как метод дефиниционного анализа, функционально-семантический метод, метод компонентного анализа, описательный метод, а также методы сплошной выборки и количественной обработки данных.

Результаты и обсуждение. В настоящем исследовании осуществлена классификация лексических единиц, вербализующих проявления эмоциональных состояний человека в стихотворении Т. Мура «Then, fare thee well». В семантической структуре рассматриваемых лексем были выделены и категоризированы семы, отмеченные маркером соотнесенности с эмоциональной сферой жизни человека. Проведенный в работе лингвокогнитивный анализ лексико-семантической и синтаксической валентности первичных и вторичных наименований эмоциональной сферы человека выявил специфику концептуализации эмоциональных переживаний человека в индивидуальной авторской картине мира.

Заключение. Установлено, что художественная концептосфера «эмоциональный мир человека» в стихотворении Т. Мура «Then, fare thee well» складывается из двух тесно взаимосвязанных концептов – «отрицательные эмоции» и «положительные эмоции», – вербализованных лексемами, номинирующими широкую гамму эмоциональных переживаний лирического героя. Сделан вывод о том, что ассоциативно-

© Диль А. В., 2021
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

образные характеристики, приписываемые конкретной эмоции в художественном мире автора, несут в себе ценную культурно-релевантную информацию об индивидуальных особенностях интерпретации эмоциональных концептов как самим поэтом, так и «наивным» мышлением англоязычного человека как представителя своего языка и культуры.

Ключевые слова: эмоции, эмоциональный мир человека, концепт, номинации эмоций, валентность.

Для цитирования: Диль А. В. Лексико-семантическая и синтаксическая валентность языковых репрезентаций эмоционального мира человека в стихотворении Т. Мура «Then, fare thee well» // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 6. С. 120–131. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-120-131

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 19.07.2021; принята после рецензирования 14.09.2021; опубликована онлайн 24.12.2021

Lexical-Semantic and Syntactic Valency of Language Representations of the Emotional World in the Poem “Then, fare thee well” by T. Moore

Anna V. Diehl✉

Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, St Petersburg, Russia

✉annadiehl2018@yahoo.com

Introduction. The article is devoted to the study of the specificity of the lexical-semantic and syntactic valency of lexical units nominating emotions in the poem “Then, fare thee well” by T. Moore. The relevance of this study lies in the fact that it has been carried out in line with the linguo-cognitive paradigm and aims to identify the specifics of the compatibility of emotions nominations with other lexical units verbalizing the fragment of the concept “the emotional world”. The novelty of the research is associated with its anthropocentric orientation and interdisciplinary nature of the interpretation of the material, which implies the study of the artistic concept sphere “the emotional world” on the material of the poem “Then, fare thee well” by T. Moore from the standpoint of cognitive linguistics, psychology and literary criticism.

Methodology and sources. The theoretical basis of this research is presented by the works of scientists V.Yu. Apresjan, E.V. Galeeva, N.A. Krasavskii, I.N. Kucher, S.G. Lyubova, K.O. Pogosova, E.A. Rozhnova, who considered the essence of emotional concepts as culturally conditioned mental constructs, i.e. directly related to the worldview of representatives of a particular ethnic group.

In the article we use the following research methods: the method of definitional analysis, the functional-semantic method, the method of component analysis, the descriptive method, as well as methods of continuous sampling and quantitative data processing.

Results and discussion. In the present study, the classification of lexical units verbalizing the manifestations of emotional states in the poem “Then, fare thee well” by T. Moore has been made. In the semantic structure of the lexemes under consideration, we highlight and categorize the semes marked by the correlation with the emotional sphere of people. The linguo-cognitive analysis of the lexic and syntactic valency of the primary and secondary nominations of emotions, carried out in the work, revealed the specifics of the conceptualization of emotional states and experiences in the individual author's picture of the world.

Conclusion. It has been established that the artistic conceptual sphere "emotional world" in the poem "Then, fare thee well" by T. Moore consists of two closely interrelated concepts – "negative emotions" and "positive emotions", verbalized by lexemes nominating a wide range of emotional experiences of the lyrical character. It is concluded that the associative-figurative characteristics attributed to a specific emotion in the artistic world of the author carry valuable culturally relevant information about the individual characteristics of the interpretation of emotional concepts both by the poet himself and by the "naïve" thinking of an English-speaking person as a representative of his language and culture.

Key words: emotions, emotional world, concept, nomination of emotions, valency.

For citation: Diehl A. V. Lexical-Semantic and Syntactic Valency of Language Representations of the Emotional World in the Poem "Then, fare thee well" by T. Moore. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 6, pp. 120–131. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-120-131 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 19.07.2021; adopted after review 14.09.2021; published online 24.12.2021

Введение. Многоаспектный, интегрированный подход к изучению явлений языка, сопровождающийся расширением сфер научного анализа, представляет собой одно из приоритетных направлений развития современной лингвистической науки. По мнению Н. А. Красавского [1, с. 9], именно в рамках комплексного междисциплинарного исследования возможно решение ряда важнейших вопросов, выходящих за пределы чисто лингвистического анализа и требующих применения данных смежных наук (когнитивистики, лингвокультурологии, психолингвистики, социологии, лингвоэтнологии и др.). К подобным вопросам можно отнести, например, соотношение процессов мыслительной и речевой деятельности человека, взаимодействие и взаимовлияние сознания и языка, особенности вербализации конкретных концептов в одних языках и наличие концептуальных лакун в других. В основе подобного всеобъемлющего подхода к проведению научных исследований лежит антропоцентристское начало, объединяющее различные, на первый взгляд несовместимые, области исследования.

Антропоцентристская направленность лингвистических исследований напрямую связана с изучением понятия «языковая личность», предложенного Ю. Н. Карауловым [2]. Исследование языковой личности подразумевает изучение когнитивных способностей человека, специфики его мировидения и мировосприятия. Одной из разновидностей понятия «языковая личность» является термин В. И. Шаховского «эмотивная языковая личность», охватывающий такой аспект жизни человека, как его эмоциональный мир [3]. В этом отношении необходимо отметить сложность категоризации эмоциональных переживаний человека, а также саму проблему выявления степени их вербализации в языке ввиду неоднозначности трактовки сущности эмоций. По этой причине сопоставительные исследования в области изучения оязыковленных проявлений эмоционального мира человека в различных культурах позволяют применить полученные результаты в сфере не только лингвистики, но и других научных дисциплин, имеющих непосредственную связь с внутренним миром человека.

Межкультурное исследование сущности концептов при помощи методов психолингвистики в синхронии, по утверждению Н. А. Красавского, способствует выявлению ассоциаций, или «скрытых признаков концепта» [1, с. 37]. Таким образом, теоретическая основа

настоящего исследования представлена работами ученых (В. Ю. Апресян [4], Е. В. Галеевой [5], Н. А. Красавского [1], И. Н. Кучер [6], С. Г. Любовой [7], К. О. Погосовой [8], Е. А. Рожновой [9] и др.), рассматривавших сущность эмоциональных концептов как культурно обусловленных ментальных конструктов в междисциплинарном аспекте, т. е. непосредственно связанных с мировидением представителей конкретного этноса, их внутренним миром и самосознанием и находящих выражение в языке. Эмоциональные концепты, объединяясь в эмоциональную картину мира, по большей части подвергаются вербализации; решающее значение в этом отношении играет значимость концепта, приписываемая ему конкретным этносом. Изучение оязыковленной части эмоциональной картины мира народа позволяет постичь национально-специфические особенности его эмоционального взаимодействия с окружающим миром, так как именно в ней фиксируются культурно значимые перцептивные образы и эмоциональные переживания представителей конкретного языка и культуры.

С точки зрения существующих классификаций эмоций, в лингвистике традиционно выделяют первичную, вторичную, а также косвенную номинацию эмоций; при этом наиболее релевантную с точки зрения культурологического исследования информацию несут в себе именно два последних вида номинации эмоций, связанных с метафорическим переосмыслением эмоциональных переживаний и впечатлений человека. Наибольший интерес для исследователя в этом отношении представляют собой сверхсловные номинации эмоций (фразеологизмы, пословицы, поговорки), обладающие более развернутой структурой, нежели однословные. Образы, лежащие в их основе, иллюстрируют культурно-специфическое поле эмоций у представителей различных этносов [1, с. 89].

Национально-культурная специфика изучения оязыковленных репрезентаций эмоциональных концептов на базе литературных, в частности, поэтических, произведений напрямую связана с междисциплинарной сущностью подобных исследований. Выявление структуры и содержания эмоционального концепта в рамках конкретного литературного произведения позволяет сделать вывод о существовании не только общих, культурно обусловленных особенностей проявления эмоций у представителей определенного языка и культуры, но и об индивидуальной специфике восприятия мира автором соответствующего литературного произведения. При этом необходимо отметить, что семантика лексических единиц, репрезентирующих эмоциональные концепты в рамках художественного текста, не может полностью соответствовать словарным значениям этих лексем, т. е. в этом отношении уместнее было бы говорить об «актуальном смысле слова», реализуемом в художественном контексте. Эмотивное окружение изначально нейтральных с точки зрения своей семантики лексических единиц способно привносить в их значение дополнительные семы, связанные с эмоциональной сферой. Под воздействием эмотивного контекста лексические единицы начинают реализовывать новые семантические и синтаксические связи, в результате приобретая дополнительные коннотации под влиянием определенных текстовых маркеров, или же их эмотивное значение может подвергаться усилению. Суть подобного явления, согласно И. Н. Кучер, представляет собой «метафорическую эмоционально-образную трансформацию», под воздействием которой происходит формирование «текстуальной семантической нормы» [6, с. 119].

Применительно к сочетательным особенностям лексических единиц в лингвистике используется термин «валентность», связанный со «способностью номинативных единиц языка прогнозировать свое семантическое и синтаксическое окружение» [1, с. 214]. Под лексико-семантической (внутренней) валентностью лексической единицы подразумевается ее способность сочетаться с другими словами, в то время как синтаксическая (или внешняя) валентность лексемы указывает на ее «грамматически правильное употребление», находящееся в прямой зависимости от синтаксического окружения [1, с. 215].

Актуальность настоящего исследования состоит в том, что оно выполнено в русле лингвокогнитивной парадигмы и ставит своей целью выявление специфики лексико-семантической и синтаксической валентности номинантов эмоций в стихотворении-песне Т. Мура «Then, fare thee well». Антропоцентрическая направленность настоящего исследования, а также междисциплинарный характер интерпретации материала, подразумевающий исследование художественного концепта «эмоциональный мир человека» на материале стихотворения Т. Мура в лингвокогнитивном аспекте, определяют его новизну. Изучение ассоциативного потенциала номинаций эмоций, репрезентирующих особенности авторского осмысления концепта «эмоциональный мир человека», на наш взгляд, расширяет перспективы исследований, посвященных интерпретации сущности эмоциональных концептов в художественных текстах.

Цель исследования заключается в изучении специфики лексико-семантической и синтаксической валентности номинантов эмоций, вербализующих оязыковленный фрагмент художественного концепта «эмоциональный мир человека» в стихотворении Т. Мура «Then, fare thee well» посредством лингвокогнитивного анализа и выявления когнитивно-ассоциативного потенциала соответствующих лексем. Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи:

1) рассмотреть сущность эмоциональных концептов в лингвистике;

2) категоризировать языковые репрезентации эмоционального мира человека в стихотворении Т. Мура «Then, fare thee well» на основе выделения в значениях номинантов эмоций дифференциальных признаков, связанных с проявлением положительных и отрицательных эмоций;

3) провести анализ особенностей лексико-семантической и синтаксической валентности лексем, номинирующих эмоции в контексте стихотворения Т. Мура «Then, fare thee well».

Методология и источники. При анализе материала применялись такие методы исследования: метод дефиниционного анализа, функционально-семантический метод, метод компонентного анализа, описательный метод, а также методы сплошной выборки и количественной обработки данных.

Материалом исследования послужили дефиниции лексических единиц (далее – ЛЕ), представленные в словарях Cambridge Dictionary of English [10], Collins Cobuild English Language Dictionary [11] и Oxford Dictionary of English [12], маркированные семой соотнесенности с эмоциональной сферой бытия человека.

Теоретическая значимость настоящего исследования состоит в его непосредственной связи с теорией концептуализации базовых эмоций в лингвокультурологическом и литературоведческом аспектах. Исследование языковых репрезентаций эмоциональной сферы

жизни человека вносит вклад в разработку теоретических основ когнитивной лингвистики, трактующую сущность эмоциональных концептов как ментальных конструктов, несущих в себе отпечаток культурно обусловленных особенностей мировидения и мировосприятия конкретного этноса [1].

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в ходе проведения лекций и практических занятий по когнитивной лингвистике, лексикологии и стилистике.

Результаты и обсуждение. Тема разочарования, грусти и тоски по потерянной любви является основной темой стихотворения-песни Т. Мура «Then, fare thee well». Данное стихотворение входит в собрание стихов «Мелодии разных народов», которое издавалось в период с 1818 по 1827 г. [13, с. 10]. В шести изданных выпусках стихотворений содержатся размышления поэта на тему судьбы Ирландии, а также лирические отступления, посвященные эмоциональной сфере жизни человека, в частности, теме любви и разлуки. Изучение номинаций отрицательных эмоций на материале различных языков стало объектом самых разнообразных лингвокультурологических исследований на современном этапе развития когнитивной лингвистики. Так, например, в своем исследовании языковых репрезентаций эмоциональных концептов в англоязычной и русскоязычной культурах К. О. Погосова приходит к выводу о том, что концепты «печаль/горе» в исследуемых культурах обладают «общей когнитивной базой» [8, с. 15]. В. Ю. Апресян, проводившая анализ в области языковых репрезентаций концепта «грусть» в англоязычной и русскоязычной картинах мира в рамках соответствующих эмоциональных кластеров, отмечает, что в обоих языках подвергаются вербализации «схожие разновидности» данной эмоции – так называемой «нейтральной грусти», которая возникает как по конкретной причине, так и без нее [4, с. 63–65].

В настоящем же исследовании нами проводится лингвокогнитивный анализ языковых репрезентаций эмоций на материале стихотворения-песни Т. Мура «Then, fare thee well» с целью классификации номинантов эмоциональных состояний лирического героя, определения особенностей их лексико-семантической и синтаксической валентности, а также выявления специфики индивидуальной авторской интерпретации концепта «эмоциональный мир человека». Исследование языковых наименований эмоций, в частности, осмысление ассоциативных связей, лежащих в основе метафорических номинаций эмоциональных переживаний человека, позволяет, на наш взгляд, установить смыслообразующие константы авторского видения концептосферы «эмоциональный мир человека». Мы исходим из убеждения, что эмоциональный мир лирического героя складывается из его эмоциональных состояний, которые включают в себя:

– собственно эмоции, представляющие собой психологическую реакцию на определенный стимул и характеризующиеся амбивалентностью (радость, удивление, гнев и др.);

– чувства – более длительные психические состояния человека, нежели эмоции (любовь, страсть, ненависть, патриотизм, чувство долга и др.).

В стихотворении Т. Мура «Then, fare thee well» причина грусти лирического героя очевидна – прощание с возлюбленной и грядущая разлука нарушают эмоциональный баланс героя, вызывая чувство разочарования и недовольства не только настоящим моментом, но и прошлым: *«But no, alas, we’ve never seen // One glimpse of pleasure’s ray»* (рус.

«Был нам вовеки незнаком, // Увы, услады луч») [13, с. 94–95]. В настоящем исследовании художественная концептосфера «эмоциональный мир человека» в контексте эмоционально заряженного стихотворения Т. Мура складывается в структурном отношении из концептов «отрицательные эмоции» и «положительные эмоции», каждый из которых вербализуется при помощи лексических единиц, номинирующих соответствующую разновидность эмоций. Мы группируем лексемы-номинанты эмоциональных состояний человека в рамках лексико-грамматических групп (далее – ЛСГ) в зависимости от их частиречной принадлежности. В семантической структуре ЛЕ в рамках дефиниционного анализа выявляются семы с маркером соотнесенности с эмоциональной сферой жизни человека, которые, в свою очередь, свидетельствуют о принадлежности выделенных лексем к языковым номинациям художественной концептосферы «эмоциональный мир человека».

С точки зрения степени вербализации эмоций лирического героя наиболее ярко и полно в стихотворении представлен концепт «отрицательные эмоции», связанный с описанием таких эмоциональных состояний человека, как грусть, боль, страх, сожаление и горе. Анализ языковых репрезентаций негативных по своему характеру эмоций позволил выявить наиболее обширную по своему объему ЛСГ существительных (5 ЛЕ), в рамках которой мы выделяем две семантические группы.

Так, в результате изучения словарных дефиниций существительных, тематически связанных с проявлением негативных эмоций, нами были выделены следующие семы в их семантической структуре:

1) «негативный эмоциональный отклик на что-либо»: существительные *grief* (*«very great sadness»* [10], два случая употребления: *no greater grief; hours of grief*); *pain* (*«emotional or mental suffering»* [10], два случая употребления: *no pain above; deep pain of this*); *fear* (*«an unpleasant emotion or thought that you have when you are frightened»* [10], один случай употребления: *our hope was born in fears*); *regret* (*«a feeling of sadness about smth sad or wrong»* [11], один случай употребления: *vain regrets*);

2) «физиологическая реакция организма как проявление эмоции»: *tears* (*«a drop of salty liquid that flows from the eye, as a result of strong emotion»* [10], два случая употребления: *it rose in tears; in tears it sets*).

Отдельно мы выделяем прилагательное *sad* (*unhappy or sorry* [12]), а также эмоциональное междометие *alas* (*«used to express sadness or feeling sorry about something»* [10]), выражающее особенности эмоционального состояния лирического героя – его разочарование в любви и осознание несбывшихся надежд: *But no, alas, we've never seen // one glimpse of pleasure's ray* [13, с. 94].

В результате анализа языковых репрезентаций положительных по своему характеру эмоций мы выделяем ЛСГ существительных, в семантической структуре которых содержится сема «положительный эмоциональный отклик на что-либо»: *bliss – «perfect happiness»* [10], *pleasure – «enjoyment, happiness, satisfaction»* [10], *mirth – «happiness and fun»* [10].

Отдельно мы рассматриваем лексему *love* (1. *the feeling of liking another adult very much and being romantically and sexually attracted to them*; 2. *a person that you love and feel attracted to* [10]), расположенную на пересечении двух рассматриваемых эмоциональных концептов. С одной стороны, автор стихотворения использует данную лексему в качестве

обращения лирического героя к своей возлюбленной в сочетании с прилагательным *dear* (*Dear love!*). С другой стороны, лирический герой прощается с любовью в абстрактном плане как с чувством, которым ему с возлюбленной не суждено было насладиться: *«Then, fare thee well, my own dear love...»* [13, с. 94]. Любовь лирического героя – чувство, крайне неоднозначное по своей психологической природе. Оно представляется в стихотворении Т. Мура скорее как источник страданий лирического героя, нежели блаженства или счастья.

Особое значение в раскрытии ассоциативно-образного потенциала лексики с семантикой проявления эмоций в контексте стихотворения Т. Мура «Then, fare thee well» играет анализ их лексико-семантической и синтаксической валентности, т. е. сочетаемости с другими лексемами. Номинации эмоций и чувств, представленные существительными с абстрактными значениями, ассоциативно отражают следующие аспекты эмоциональных переживаний лирического героя: любовь и ее место в жизни (*my own dear love*), недолговечность счастья рядом с любимой (*our glimpse of pleasure's ray*), осознание призрачности своих надежд (*our hope was born in fears*), горе и боль лирического героя от потери любви (*no greater grief, deep pain of this*).

Одновременное использование синонимичных с точки зрения своего значения лексем (*no greater grief, no pain above*) и контекстуальных антонимов (*short hours of* ***bliss*** *– deep* ***pain*** *of this, our glimpse of* ***pleasure's ray*** *– ...there came some* ***cloud*** *between, hours of* ***grief*** *– years of* ***mirth****; it* ***rose*** *in tears – in tears it* ***sets***) отражает противоречивость эмоциональных состояний героя, их неоднозначность. Для усиления смысловой нагрузки стихотворения и передачи драматизма ситуации, связанной с расставанием возлюбленных, автор стихотворения насыщает контекстное окружение эмотивной лексики словами, не относящимися к эмоциональной сфере человека и семантически связанными с описанием противоположных сущностей: *together-apart, it rose in tears-in tears it sets, hours-years, one glimpse – hours, ray-cloud.*

Анализ лексико-семантической валентности номинантов эмоций показал, что существительные, содержащие сему «негативный эмоциональный отклик на что-либо» сочетаются с усиливающими их значение прилагательными в положительной (*deep pain, vain regrets, dear love*) или сравнительной степени (*no greater grief*); в данном случае уместно говорить об использовании автором такого тропа, как эпитет. Лексема *love*, семантически связанная с проявлением эмоций лирического героя, используется в сочетании с прилагательным *dear*, выступающим в качестве эпитета. Сочетание *dear love!* в функции обращения пять раз используется в стихотворении, когда лирический герой взывает к объекту любви, и выполняет роль семантико-синтаксического маркера в структурно-содержательной концепции стихотворения Т. Мура, отделяя одну часть стихотворения-песни от другой.

Рассуждая о синтаксической валентности лексем с эмотивным значением, необходимо отметить, что номинанты как положительных, так и негативных эмоций в стихотворении употребляются в субстантивных предложных словосочетаниях с предлогом *of*: *some few short hours of bliss, the deep pain of this, one glimpse of pleasure's ray, hours of grief, years of mirth.* С точки зрения анализа лексико-семантической и синтаксической валентности эмотивных лексем можно установить факт использования автором стихотворения параллельных синтаксических конструкций с предлогом *of*, в рамках которых эмотивные лексемы сочетаются с противоположными друг другу по смыслу лексическими единицами: ***some***

few short hours *of bliss,* ***one glimpse*** *of pleasure's ray –* ***hours*** *of grief.* При помощи данного приема реализуется прагматическая установка стихотворения – лирический герой готов познать все горести рядом с любимой, отказавшись от лет, «преисполненных блаженства» вдали от нее. Ритмико-синтаксический параллелизм, являясь отличительной чертой песенного стиля, создает эффект ритмичности и музыкальности и в стихотворении Т. Мура «Then, fare thee well», написанном в соответствии с жанром песни. Каждая из строф завершается строкой, как правило, содержащей в себе номинант эмоции и в лаконичной форме подводящей итог идейному содержанию предшествующей строфы: *The pain of parting thus; The deep, deep pain of this; Than years of mirth apart; Like them in tears it sets.*

Не считая словосочетания *the deep pain of this*, лексико-синтаксическим ядром которого является эмотивная лексема *pain*, все выделенные выше синтаксические конструкции с номинантами эмоций соответствуют единой синтаксической модели N+Prep+N(E), в которой N – существительное с темпоральным значением, а N(E) – номинация эмоции. При этом сочетание предлога *of* с номинантом эмоционального состояния человека обладает определительной функцией по отношению к существительному с темпоральным значением.

За исключением тех случаев, когда номинанты эмоций в стихотворении Т. Мура используются в параллельных синтаксических конструкциях с предлогом *of*, они выступают в функции объекта действия (прямого дополнения): *«This world has now for us // No greater* ***grief****, no* ***pain*** *above…»; «We might, in numbering them, forget // The deep, deep* ***pain*** *of this»* [13, с. 94]. В этом случае номинанты эмоций управляются двухвалентными глаголами и образуют с ними синтаксическую модель V+N(E)2, где V – глагол, а N(E)2 – номинант эмоции в косвенном падеже.

В целях обеспечения ритмической организации стиха, характерной для песенного жанра, а также для того, чтобы подчеркнуть безысходность сложившейся ситуации и отчаяние лирического героя в идейно-художественном отношении, автор использует прием повтора: *The pain of parting thus – The pain of parting thus; The deep, deep pain of this – The deep, deep pain of this; Than years of mirth apart – Than years of mirth apart; Like them in tears it sets – Like them in tears it sets.* Повторы содержат в себе эмотивную лексику.

Особую роль в реализации как художественной, так и прагматической задумки автора, связанной с выражением индивидуального авторского видения концептосферы «эмоциональный мир человека» и концепта «любовь», в частности, играет ассоциативно-образный потенциал метафорических наименований эмоций. Именно посредством анализа вторичных (метафорических) значений номинантов эмоций мы можем реконструировать индивидуальное авторское представление об эмоциональных концептах как философско-эстетических феноменах, обладающих особой художественной значимостью в контексте рассматриваемого стихотворного произведения.

В ходе изучения сверхсловных номинаций эмоциональных переживаний лирического героя мы выделили метафорические наименования эмоций, используемые автором стихотворения для интенсификации экспрессивных характеристик описываемой ситуации. Эмоциональный мир лирического героя сложен и динамичен одновременно: использование эмотивной лексики, образующей антонимичные пары, перемежается с ассоциативными образами, обладающими особой когнитивной функцией в контексте анализируемого стихотворе-

ния. Как мы уже отмечали выше, словосочетание *hours of grief* противопоставляется метафоре *one glimpse of pleasure's ray* и словосочетанию *short hours of bliss*. Необходимо отметить, что метафорическая номинация *one glimpse of pleasure's ray*, связанная с проявлением положительной эмоции, обладает особой концептуальной функцией: непредметная, абстрактная сущность (удовольствие, наслаждение) рассматривается как явление природного мира. Таким образом, в основе рассматриваемого метафорического наименования лежит ассоциативная связь между приятным ощущением (эмоцией) и лучом света, что свидетельствует о смежности таких сфер бытия человека, как эмоциональная (реакция человека на внешние стимулы) и перцептивная (восприятие окружающего мира при помощи органов чувств). Для лирического героя общение с любимой – луч (проблеск) света в сумраке горестных будней, единственная отрада в жизни. Мотивирующие образы в когнитивной структуре метафорических номинаций эмоций, отраженные на вербальном уровне, раскрывают особенности индивидуального авторского видения концептосферы «эмоциональное состояние человека». В третьей строфе автор стихотворения использует натурморфное сравнение размолвки героев с тучей (*...But still there came some cloud between* [13, с. 94]), символично подтверждающее краткость, мимолетность момента счастья для лирического героя. Так, любовь в стихотворении Т. Мура «Then, fare thee well» изображается как источник страданий и неудовлетворенности; по этой же причине художественный концепт «эмоциональный мир человека» вербализуется преимущественно лексемами с отрицательными коннотациями.

Заключение. В настоящем исследовании была предпринята попытка лингвокогнитивного осмысления специфики индивидуальной авторской интерпретации когнитивного содержания художественной концептосферы «эмоциональный мир человека» в стихотворении Т. Мура «Then, fare thee well». Анализ структуры и содержания художественной концептосферы «эмоциональный мир человека» в стихотворении Т. Мура «Then, fare thee well» позволил выявить присущие ей неоднородность и динамизм в структурно-содержательном отношении. Так, концептосфера «эмоциональный мир человека» складывается из двух тесно взаимосвязанных концептов – «отрицательные эмоции» и «положительные эмоции», вербализованных лексемами, номинирующими широкую гамму эмоциональных переживаний лирического героя. С точки зрения своей прагматической нагрузки максимальную когнитивную нагрузку в рамках анализируемого стихотворения несут отрицательно заряженные лексические единицы, содержащие когнитивную доминанту в своей понятийной структуре – категория любви в художественном мире Т. Мура осмысляется в мрачных, темных тонах, соответствующих настроению лирического героя.

Анализ лексико-семантической и синтаксической валентности номинантов эмоций способствует выявлению культурно релевантных эмоционально-оценочных оттенков смысла ЛЕ, в том числе метафорически переосмысленных ассоциаций в их семантической структуре. Подобные ассоциативно-образные характеристики, приписываемые конкретной эмоции в художественном мире автора, несут в себе ценную информацию об индивидуальных особенностях интерпретации эмоциональных концептов как автором поэтического произведения, так и «наивным» мышлением англоязычного человека как представителя своего языка и культуры в целом. Индивидуальное авторское видение эмоциональных

концептов выражается на лексическом уровне в подборе эмоционально заряженных лексем и использовании синонимичных словосочетаний с номинантами эмоций для усиления драматизма описываемой в стихотворении ситуации, связанной с разочарованием в любви и расставанием. Неоднократное использование автором контекстуальных антонимов в целях передачи неоднозначности и противоречивости эмоционального состояния лирического героя соответствует авторскому представлению о двойственной сущности любви – как блаженства (bliss) и боли (pain) одновременно.

Перспектива дальнейшего исследования структуры и содержания эмоциональных концептов в англоязычной литературе состоит в исследовании ассоциативного потенциала номинаций эмоций, вербализующих концептосферу «эмоциональный мир человека», на материале нескольких произведений англоязычных авторов в сопоставительном аспекте с целью выявления в сознании носителей английского языка ассоциативных признаков, связанных с эмоциональной сферой бытия человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской культурах. М.: Гнозис, 2008.

2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

3. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе (на материале английского языка): дис. … д-ра филол. наук / Ин-т языкознания АН СССР. М., 1988.

4. Апресян В. Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты (II) // Вопросы языкознания. 2011. № 2. С. 63–88.

5. Галеева Е. В. Психолингвистические основы вербального обозначения эмоций // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7, № 4. С. 126–129. DOI: 10.17748/2075-9908.2015.7.4.126-129.

6. Кучер И. Н. Структурно-семантические и когнитивные особенности метафоризации концепта sorrow в поэзии А. Теннисона // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11. Ч. 1. С. 118–121.

7. Любова С. Г. Лексика эмоциональной привязанности в современном русском языке (семантика, функционирование, лексикографическое описание): дис. ... канд. филол. наук / Ворон. гос. ун-т. Воронеж, 2016.

8. Погосова К. О. Концепты эмоций в английской и русской языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Сев.-Осет. гос. ун-т. Владикавказ, 2007.

9. Рожнова Е. А. Эмоционально-экспрессивная лексика английского языка и ее нагруженность // Альманах современной науки и образования. 2014. № 11 (89). С. 119–121.

10. Cambridge Dictionary. URL: http://dictionary.cambridge.org (дата обращения: 06.07.2021).

11. Sinclair J. Collins Cobuild English Language Dictionary. 1st ed. London: Collins, 1987.

12. Oxford Dictionary of English. 2nd ed., in C. Soanes, A. Stevenson (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2010.

13. English romanticism verse XIX century. Поэзия английского романтизма XIX в. / пер. с англ. И. З. Фрадкина. СПб.: Анима, 2004.

Информация об авторе.

Диль Анна Викторовна – кандидат филологических наук (2015), доцент кафедры лингвистики и переводоведения Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, Лермонтовский пр., д. 44, Санкт-Петербург, 190103, Россия. Автор 21 научной публикации. Сфера научных интересов: контрастивная лингвистика, когнитивная

лингвистика, германская и романская филология, национальная румынская литература XIX–XX вв. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9835-117X. E-mail: annadiehl2018@yahoo.com

REFERENCES

1. Krasavskii, N.A. (2008), *Emotsional'nye kontsepty v nemetskoi i russkoi kul'turakh* [Emotional Concepts in German and Russian Cultures], Gnosis, Moscow, RUS.

2. Karaulov, Yu.N. (1987), *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality], Nauka, Moscow, USSR.

3. Shakhovskii, V.I. (1988), "Categorization of emotions in the lexical-semantic system (based on the material of the English language)", Dr. Sci. (Philology) dissertation, Institut yazykoznaniya AN SSSR, Moscow, USSR.

4. Apresjan, V.Yu. (2011), "Cluster analysis of emotive concepts in Russian and Engish (II)", *Voprosy Jazykoznanija*, no. 2, pp. 63–88.

5. Galeeva E.V. (2015), "PSYCHOLINGUISTIC BASICS OF VERBAL SIGNS OF EMOTIONS", *Historical and social educational ideas*, vol. 7 no. 4, pp. 126–129. DOI: 10.17748 / 2075-9908.2015.7.4.126-129.

6. Kucher, I.N. (2017), "STRUCTURAL-SEMANTIC AND COGNITIVE PECULIARITIES OF METAPHORIZATION OF THE CONCEPT "SORROW" IN A. TENNYSON'S POETRY", *Philology. Theory & Practice*, no. 11, part 1, pp. 118–121.

7. Lyubova, S.G. (2016), "Vocabulary of emotional attachment in the modern Russian language (semantics, functioning, lexicographic description)", Can. Sci. (Philology) dissertation, Voron. gos. un-t. Voronezh, RUS.

8. Pogosova, K.O. (2007), "Emotion concepts in the English and Russian language pictures of the world", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, NOSU, Vladikavkaz, RUS.

9. Rozhnova, E.A. (2014), "EMOTIONAL AND EXPRESSIVE VOCABULARY OF THE ENGLISH LANGUAGE AND ITS LOADING", *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education], no. 11 (89), pp. 119–121.

10. Cambridge Dictionary, availiabe at: http: //dictionary.cambridge.org (accessed 06.07.2021).

11. Sinclair, J. (1987), *Collins Cobuild English Language Dictionary*, 1st ed., Collins, London, UK.

12. Oxford Dictionary of English (2010), 2nd ed., Soanes, C. and Stevenson, A. (eds.), Oxford Univ. Press, Oxford, UK.

13. *English romanticism verse XIX century* (2004), Transl. by Fradkin, I.Z., Izd-vo "Anima", SPb., RUS.

Information about the author.

Anna V. Diehl – Can. Sci. (Philology) (2015), Assistant Professor at the Department of Linguistics and Translation Studies, Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, 44 Lermontovskiy ave., St Petersburg 190103, Russia. The author of 21 scientific publications. Areas of expertise: contrastive linguistics, cognitive linguistics, Germanic and Romance philology, national Romanian literature of the XIX–XX centuries. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9835-117X. E-mail: annadiehl2018@yahoo.com

УДК 81-2 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2021-7-6-132-145
Оригинальная статья / Original paper

Способы выражения позиции автора в англоязычной сетевой кинорецензии

И. В. Кононова*✉*, Т. А. Клепикова, Е. А. Кленова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

✉inkon_71@mail.ru

Введение. Представлены результаты исследования способов выражения позиции автора в жанре англоязычной сетевой профессиональной кинорецензии, адресованной широкой аудитории. Авторы исходят из положения о том, что способы актуализации позиции субъекта определяются функциональными характеристиками дискурса. Актуальность исследования обусловлена интересом современной лингвистики к исследованию фактора субъекта в «личных» (персональных) дискурсах. Рассматривается фактор субъекта в дискурсе, определяются понятия авторизации и эго-номинации, анализируется роль выявления категорий субъективной модальности и описания доминантных типов оценки в исследовании позиции автора в оценочных жанрах.

Методология и источники. Методология исследования основана на подходах к типологизации модусных смыслов и оценочных значений Н. Д. Арутюновой. Предлагается методика описания позиции автора в оценочных жанрах, которая сводится к следующим шагам: выявлению ведущих языковых средств эго-номинации; выделению основных видов субъективной модальности (модусов), свойственных жанру; описанию специфики семантики оценки и языковых средств реализации ведущих оценочных значений. Материалом исследования послужил корпус отобранных на англоязычном портале metacritic.com. текстов, включающий 50 профессиональных кинорецензий, адресованных широкой аудитории (объемом 39 765 слов).

Результаты и обсуждение. С использованием методов количественного подсчета и контекстуального анализа описано распределение модусных смыслов, выраженных конструкциями «субъект–предикат» с личными местоимениями в роли субъекта; выявлено распределение личных и притяжательных местоимений как основного способа эго-номинации в дискурсе сетевой англоязычной профессиональной кинорецензии; на основании анализа семантики оценочных прилагательных корпуса определены ведущие в исследуемом жанре типы оценочных значений. Показано, что основным способом номинации субъекта дискурса является местоимение 1-го лица множественного числа в инклюзивном значении, что указывает на намерение автора текста солидаризироваться с адресатом и повышает воздействующий потенциал текста. Установлено, что основными оценочными значениями, реализованными прилагательными в текстах кинорецензий, являются эмоциональная, интеллектуальная, эстетическая и нормативная типы оценки.

Заключение. Проведенное исследование позволило заключить, что специфика выражения позиции автора в профессиональной сетевой кинорецензии сводится к следующим характеристикам: доминантному характеру перцептивного модуса и ментального модуса знания в поле субъективной модальности текстов; преобладанию местоимений 1-го лица мн. ч. в инклюзивном значении в качестве средств эго-номинации субъекта дискурса и доминированию частнооценочных смыслов над

© Кононова И. В., Клепикова Т. А., Кленова Е. А., 2021
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

общеоценочными. Преобладание эмоционально-психологических и интеллектуально-психологических типов оценки свидетельствует об авторской интенции выразить индивидуализированное субъективно-эмоциональное мнение об оцениваемом объекте.

Ключевые слова: сетевой дискурс, кинорецензия, оценочные жанры, интернет-коммуникация.

Для цитирования: Кононова И. В., Клепикова Т. А., Кленова Е. А. Способы выражения позиции автора в англоязычной сетевой кинорецензии // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 6. С. 132–145. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-132-145

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 03.09.2021; принята после рецензирования 29.09.2021; опубликована онлайн 24.12.2021

Expressing the Author's Position in the English-Language Network Film Review

Inna V. Kononova*✉*, Tatiana A. Klepikova, Ekaterina A. Klenova

Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

✉inkon_71@mail.ru

Introduction. The article presents the results of the analysis of the author's position verbalization methods in the English online professional film review addressed to the mainstream audience. The authors proceed from the position that the methods of subject verbalization are determined by functional characteristics of discourse. The relevance of the study is due to the interest of modern linguistics in the study of the subject factor in "personal" types of discourse. The paper considers the factor of the subject in the discourse, defines the concepts of authorization and its nomination, analyzes the role of identifying categories of subjective modality and describing prevalent evaluation types in the study of the author's position in evaluative genres.

Methodology and sources. Research methodology is based on the approaches to classification of modus and evaluation types developed by N.D. Arutyunova. The methodology of describing the author's position in evaluative genres is proposed, which boils down to the following steps: identifying the leading linguistic means of self-nomination; displaying main genre-typical patterns of subject modality (modus types); describing evaluation semantics specificity and linguistic means of dominant evaluative meanings verbalization. The study was conducted on the material of the corpus of texts selected on the English-language portal metacritic.com which includes 50 professional film reviews addressed to a wide audience (39,765 words in length).

Results and discussion. Based on the methods of quantitative and contextual analysis the distribution of modus types verbalized by "subject-predicate" models with personal subject-representing pronouns was carried out; the distribution of personal and possessive pronouns as the main method of self-nomination in the discourse of the network English-language professional film review was revealed; on the basis of the analysis of the semantics of evaluative adjectives of the corpus, the types of evaluative meanings in the genre under study were identified. The leading methods of discourse subject nomination were shown to involve the 1-st person pl. inclusive pronoun, which indicates the author's intention to establish a connection with the reader and to increase the manipulative potential of the text. The main types of evaluative meanings verbalized by the corpora adjectives were identified, which are emotional, intellectual, aesthetic and regulatory types.

Conclusion. The conducted research allowed us to conclude that the specificity of the expression of the author's position in professional network film review is reduced to the

following characteristics: the dominant nature of the perceptual mode and the mental mode of knowledge in the field of subjective modality of texts; the predominance of first-person plural pronouns in an inclusive meaning as a means of self-nomination of the subject discourse and the dominance of partial-evaluative meanings over general-evaluative ones. The predominance of emotional-psychological and intellectual-psychological types of evaluation indicates the author's intention to express an individualized subjective-emotional opinion about the evaluated object.

Key words: web discourse, film review, evaluative genres, internet communication.

For citation: Kononova I. V., Klepikova T. A., Klenova E. A. Expressing the Author's Position in the English-Language Network Film Review. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 6, pp. 132–145. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-132-142 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 03.09.2021; adopted after review 29.09.2021; published online 24.12.2021

Введение. Возникнув в условиях новой информационно-интерактивной среды, компьютерно-опосредованная коммуникация за относительно короткое время реформировала традиционные виды речевого взаимодействия. Одним из ярких примеров процесса трансформации традиционного жанра в условиях интернет-коммуникации является сетевая рецензия. Сетевая кинорецензия, являющаяся частным видом интернет-рецензии, набирает популярность вместе с техническим совершенствованием медиапространства. Число кинорецензий и их авторов – профессионалов и любителей – многократно возросло с появлением сети Интернет, постоянно растет и количество сайтов периодических изданий, профессиональных и любительских блогов, аккаунтов в социальных сетях, размещающих кинорецензии. В условиях сетевой коммуникации получило новый импульс развитие любительской кинорецензии, а профессиональные кинорецензии разделились на искусствоведческие (адресованные специалистам) и неискусствоведческие (рассчитанные на широкую зрительскую аудиторию). Профессиональные рецензии, рассчитанные на широкую аудиторию, характеризуются «высоким уровнем оценочности, направленностью на усредненного зрителя, относительно сниженным стилем, употреблением молодежного сленга, социополитической направленностью» [1, с. 28], что сближает их с любительскими рецензиями.

Настоящее исследование посвящено рассмотрению способов выражения позиции автора в дискурсе англоязычной профессиональной сетевой кинорецензии, адресованной широкой аудитории. Цель данной статьи – выявить специфику средств выражения позиции субъекта дискурса в жанре англоязычной сетевой профессиональной кинорецензии.

Жанр интернет-рецензии неоднократно становился объектом исследований [2–4]. Интерес лингвистов к данному жанру нашел отражение в работах, посвященных анализу специфики интернет-кинорецензии, интерпретируемой авторами в качестве автономной тематической разновидности сетевой рецензии [5–7]. В рамках данного исследования кинорецензия трактуется как оценочный жанр сетевой коммуникации.

Речевые жанры, направленные в первую очередь на реализацию оценочной функции языка, неоднократно оказывались в фокусе внимания языковедов [8–10], однако дискуссия об автономности оценочных жанров до сих пор остается открытой: ряд исследователей выражают сомнения относительно достаточности оснований для выделения оценочных

жанров в отдельную категорию [11, 12]. Возможность выделения оценочных жанров детерминирована самим подходом к определению речевого жанра. Изучая жанры интернет-коммуникации, целесообразно, на наш взгляд, опираться на определение конвенциональных жанров, предложенное М. М. Бахтиным, который трактует жанр как «устойчивый тип текста, объединенный единой коммуникативной функцией, а также сходными композиционными и стилистическими признаками» [13]. Представление о жанре как об *устойчивом типе текста, воспроизводимом в определенной коммуникативной ситуации и объединенном единой коммуникативной функцией* позволяет говорить о возможности выделения оценочных речевых жанров, так как существуют «типовые формы речевой деятельности» [14], направленные на реализацию оценочной функции языка и выражение субъективного мнения автора текста об объекте оценки.

Субъективность является важнейшей характеристикой оценки, в словаре лингвистических терминов оценка определяется как «суждение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т. п.» [15, с. 305]. Для реализации категории оценки в дискурсе необходимо наличие оценивающего субъекта (человека) и объекта, интерпретируемого с перспективы возможности «удовлетворять его (субъекта) желания, потребности, цели или интересы» [16, с. 63]. Основываясь на структурном элементе «номинация субъекта дискурса», М. П. Котюрова и Е. А. Баженова подразделяют дискурсы на два типа: безличные и личные [17]. В безличных дискурсах субъект завуалирован и говорит от группы лиц либо некоего всеобщего лица, а не от своего собственного [Там же]. В личных (в иных классификациях «персональных») дискурсах субъект индивидуализирован, происходит интегрирование личного опыта в содержание текста, аргументация мнения субъекта, персонализация нарратива. В качестве субъекта оценочного дискурса кинорецензии выступает профессиональный кинокритик, основной целью которого является выражение экспертного мнения о кинопродукции.

Рассмотрение фактора субъекта в дискурсе напрямую связано с выявлением специфики и средств реализации субъективной модальности. Разграничение понятий объективной и субъективной модальности многие лингвисты считают достаточно условным, так как «элемент субъективности наличествует во всех компонентах семантики модальности» [18, с. 41]. В наиболее законченном виде концепция субъективной модальности нашла отражение в работах Ш. Балли, который определяет модальность как активную мыслительную операцию, производимую говорящим субъектом над представлением, содержащимся в диктуме [19]. Идеи Ш. Балли позволили углубить представления о смысловой структуре высказывания как единицы речи и положили начало целому направлению, связанному с разработкой классификации модусов [20, 21]. В рамках настоящей работы модус, вслед за Т. В. Шмелевой, рассматривается в качестве комплекса семантических категорий, с помощью которых говорящий выражает свое отношение к описываемой ситуации (или событию), информации о них, к адресату, высказыванию как речевому произведению, а также к собственному речевому поведению [21]. Модусные смыслы неоднократно становились предметом специального рассмотрения, однако до настоящего времени в лингвистике не существует единого мнения о номенклатуре модусных категорий. Так, выделяют модус важности, воспоминания, мнения, знания, суждения, умозаключения, осторожности,

странности [22–24] и т. д. Настоящее исследование опирается на положение о том, что описание специфики выражения позиции автора в дискурсе во многом сводится к выделению ведущих модусных смыслов, а также описанию основных языковых средств их актуализации. В данной статье на основе анализа корпуса текстов профессиональных рецензий, отобранных на англоязычном портале metacritic.com, будут описаны средства актуализации позиции автора в жанре кинорецензии.

Методология и источники. В данном исследовании предлагается методика описания позиции автора в оценочных жанрах, которая сводится к следующим шагам: 1) выявлению ведущих языковых средств эго-номинации; 2) выделению основных видов субъективной модальности (модусов), свойственных исследуемому жанру; 3) описанию специфики семантики оценки и языковых средств реализации оценочных значений.

М. П. Котюрова и Е. А. Баженова предлагают описывать субъект дискурса, выделяя в нем три типа выражения авторской позиции: использование эго-номинаций, номинаций ментальных состояний и номинаций речевой рефлексии, каждый из которых может быть выражен в тексте различными речевыми способами [17]. Данный подход к описанию позиции автора в тексте развивают в исследовании способов выражения позиции автора в научном и научно-популярном дискурсах Л. М. Болсуновская и Д. С. Найдина [25].

Опираясь на основные положения данного исследовательского подхода, отметим, что внимание лингвистов к проблеме субъектной организации текстов в значительной степени обусловлено потребностью сравнения разных типов дискурса и жанровых образований. Важной характеристикой субъекта дискурса становится доминантный способ эго-номинации и в первую очередь специфика функциональной семантики и прагматики личных местоимений. Так, например, в политической коммуникации специфика использования личных местоимений «помогает идентифицировать жанры и включается в определение риторического «“почерка” политика» [26], причем для характеристики этапов политической деятельности важен факт конкуренции личных местоимений *я* и *мы*.

Основным средством номинации субъекта в персональных жанрах являются личные местоимения *I* и *we* в именительном и объектном падежах и притяжательные местоимения первого лица. Местоимение *we (мы),* используемое как эго-номинация, имеет ряд социально и когнитивно значимых употреблений, маркирующих позицию и статус участников дискурса. Значение местоимения *we* может быть семантически разложимо следующим образом: инклюзивное *we* означает *I* + *you* (sing.) или *I* + *you* (plural), в то время как эксклюзивное *we* может иметь значение *I* + *he*/*she*; *I* + *they*. В дискурсивную семантику местоимения *мы* входит его способность формировать личную и коллективную идентичность – профессиональную, возрастную, гендерную, этническую, региональную, а также по характеру, образу жизни, интересам [27, с. 130–133].

Важным этапом описания позиции автора является выделение ведущих типов субъективной модальности в тексте. Данное исследование опирается на типологию модусных категорий, разработанную Н. Д. Арутюновой, которая выделяет четыре типа модусов: перцептивный (сенсорный), ментальный (полагание, сомнение, истинностная оценка, незнание, общая аксиологическая оценка), эмотивный и волитивный (выражение желания и необходимости) [28, с. 109–132].

Дальнейшим шагом в изучении позиции субъекта в оценочном жанре является описание ведущих оценочных смыслов и основных средств их актуализации в тексте, так как «субъект» является ключевым элементом в структуре оценки. Данное исследование основано на типологии оценочных значений, разработанной Н. Д. Арутюновой. Автор выделяет четыре типа оценочных смыслов: 1) сенсорные оценки, основанные на чувственном опыте субъекта; 2) психологические оценки, включающие интеллектуальный и эмоциональный типы; 3) сублимированные оценки, подразделяющиеся на эстетические и этические; 4) рационалистические оценки, обусловленные опытом практической деятельности человека и подразделяющиеся на утилитарные, нормативные и телеологические [28, с. 75]. Ведущий тип оценки в дискурсе и жанре является его важнейшей коммуникативно-прагматической чертой.

С целью выявления специфики семантики оценки в жанре кинорецензии нами проводился компонентный анализ семантики оценочных прилагательных корпуса. Языковые средства выражения оценки в тексте очень разноплановы и не исчерпываются оценочной лексикой, тем более лексикой, принадлежащей одной части речи. Однако выводы о ведущих типах оценки, сделанные на основе анализа семантики прилагательных, можно считать достаточно верифицированными, так как прилагательные являются основным средством актуализации оценки в тексте [29]. Отбор прилагательных осуществлялся в два этапа: вначале был проведен грамматический анализ текстов в соответствии с принципами POS-тегирования при помощи программы TagAnt, далее выявленные единицы были рассмотрены с учетом параметра оценки и распределены по двум группам – общеоценочные и частнооценочные прилагательные.

Исследование основано на методах количественного, компонентного и контекстуального анализов. Материалом исследования послужил корпус кинорецензий, включающий 50 текстов (объемом 39 765 слов), которые были отобраны методом сплошной выборки с англоязычного портала metacritic.com, созданного с целью размещения профессиональных интернет-рецензий. В сетевом каталоге портала представлены такие крупные издания, как Chicago Sun Times, Chicago Tribune, Waschington Post и др. Каждая рецензия в среднем включает от 900 до 1000 слов.

Результаты и обсуждение. Методом количественного анализа были получены следующие результаты, демонстрирующие распределение номинаций субъекта дискурса личными и притяжательными местоимениями (табл. 1).

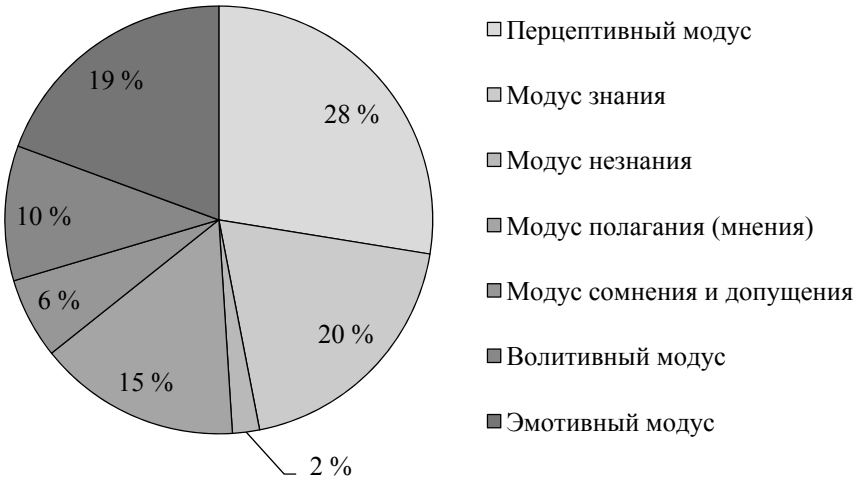
Таблица 1. Распределение личных местоимений, номинирующих субъект дискурса
Table 1. Distribution of personal pronouns nominating subjects of discourse

We		Us		Our		Ourselves	Ours	I	My	Me	Myself	Mine
Инкл	Экск	Инкл	Экск	Инкл	Экск	4	1	43	8	6	2	–
85	–	42	–	18	–							

Полученные результаты демонстрируют, что основным средством выражения позиции автора в текстах профессиональных кинорецензий является личное местоимение 1-го лица мн. ч. в именительном и объектном падежах (*we* и *us*). Инклюзивное использование местоимений *we* и *us* значительно превосходит количественно использование эго-номинации *I*.

Тенденция к высокой инклюзивности указывает на интенцию автора текста солидаризироваться с читателем. Ср.: *We've drawn battle lines and allegiances, we've hardened our artistic philosophies and we've tied ourselves into all manner of unnecessary cultural knots.* Инклюзивное использование местоимений также свидетельствует о намерении автора вовлечь адресата в процесс вынесения оценки, что усиливает диалогичность текста и его суггестивный потенциал. Ср.: *We go to the movies for so many reasons. We go to the movies to laugh. To escape.*

Важным средством авторизации в дискурсе являются, помимо эго-номинаций, все средства актуализации субъективной модальности. Выявление ведущих типов субъективной модальности проводилось посредством выделения и последующей классификации модальных значений сочетаний «субъект–предикат», где субъект представлен личными местоимениями 1-го лица, а предикат выражен разными типами сказуемого (простым глагольным, составным глагольным и составным именным). Процедура выявления ведущих модусов текста не сводима к выделению семантических классов глаголов и описанию оценочной семантики прилагательных, образующих предикативные отношения с эго-номинациями. Однако на основе анализа предикативных конструкций «субъект–предикат» можно сделать выводы о ведущих модальных значениях предикатов, которые в значительной степени определяют общие тенденции представления поля субъективной модальности в дискурсе. Нами было выявлено 102 контекста с конструкцией «субъект–предикат», из которых перцептивный модус был реализован в 38 контекстах, ментальный модус (представленный модусом полагания, модусами сомнения и допущения, а также модусами знания и незнания) – в 36 контекстах, эмотивный – в 18 контекстах, волитивный – в 10 (см. рисунок).



Распределение типов модусов, представленных конструкциями «субъект–предикат»
Distribution of modus types represented by «subject–predicate» models

В табл. 2 даны примеры выделенных нами предикативных конструкций в соответствии с их ведущими модальными значениями.

Проведенный анализ показал, что ментальный и перцептивный модусы являются доминантными типами субъективной модальности, актуализируемыми предикативными конструкциями в текстах корпуса. Ведущим типом ментального модуса (модусным смыслом) в жанре профессиональной кинорецензии является модус знания (20 %). Прибегая к

данной модусной рамке, субъект дискурса подчеркивает свою высокую компетентность в обсуждаемой сфере. Ментальные предикаты знания употребляются в текстах кинорецензий, главным образом в сочетании с инклюзивным *we*, что говорит об интенции автора текста маркировать принадлежность читателя к кругу компетентных людей, владеющих необходимой информацией, чтобы разделить его идеи. В данном случае можно говорить о манипулятивном использовании инклюзивного местоимения. Модус мнения является вторым по значимости ментальным модусом. Глагольные предикаты мнения употребляются в исследуемом типе дискурса только в сочетании с местоимениями 1-го лица ед. ч., использование инклюзивного *we* с предикатами мнения обнаружено не было. В ряде случаев в функции ментальных предикатов в текстах кинорецензий используются перцептивные глаголы, семантика которых трансформируется в условиях контекста. Ср.: *I don't see it appealing to a broad audience*. Характерной чертой модуса мнения в исследуемом жанре является его использование с целью смягчения категоричности модуса истинностной оценки. Ср.: *This much is true: «Roma» casts a spell and re-creates a specific time, place and collection of personal memories in ways that will connect, I suspect, with millions.*

Таблица 2. Конструкции «субъект–предикат», выражающие модусные смыслы
Table 2. «Subject–predicate» models representing modus values

Перцептивный модус	Ментальный модус				Волитивный модус	Эмотивный модус
	Модус мнения (полагания)	Модус сомнения и допущения	Модус знания	Модус незнания		
1. We see… 2. We are watching... 3. We are not watching... 4. We've been watching… 5. We listen to… 6. We hear... 7. We've heard… 8. We have rarely glimpsed…	1. I suspect… 2. I believe… 3. I think … 4. I don't think… 5. I thought… 6. I didn't think…	1. We may not quite get under… 2. We can imagine…	1. We come to know... 2. I'm sure that… 3. We understand that 4. We know… 5. We've learned … 6. We learn that… 7. I can remember… 8. We rarely stop to consider…	1. We never learn… 2. I can't understand…	1. We desire… 2. …many of us crave so profoundly… 3. I wanted… 4. This is exactly what we need in the current moment… 5. We need to know… 6. We shouldn't… 7. We must…	1. I feel like… 2. I appreciated… 3. I enjoyed (it)... 4. I could literally feel that… 5. I do feel it... 6. I was worried for… 7. We become attached to…

Перцептивный модус (28 %) во всех выявленных контекстах употребляется с инклюзивным *we* в роли эго-номинации, что свидетельствует о стремлении автора разделить с адресатом сенсорное и эмоциональное впечатление от кинофильма, тем самым усиливая эффект иммерсивности. Ср.: *We're with Cleo every step of the way, yet at the director's visual insistence, we always see the streets, the countryside, the world around her, suggesting countless other stories yet to be told.* Конструкции «субъект–предикат», актуализирующие эмотивный модусный смысл, с равной частотностью содержат местоимение *I* и инклюзивное *we* в роли эго-номинации. Ср.: *While I enjoyed Divine Love, although I do feel it dragged on a little too long; It's amazing how quickly we get to know the main players, and how deeply we become attached to their stories.* Описание языковых и речевых средств выражения модусов, свой-

ственных жанру, не сводится к описанию предикативных моделей с эго-номинациями, однако их выделение и классификация на основании ведущего модального смысла позволяет выявить основные тенденции в поле субъективной модальности текстов.

Исследование специфики семантики оценки в жанре англоязычной профессиональной кинорецензии было проведено нами на основании анализа и классификации оценочных прилагательных. Методом количественного подсчета в текстах рецензий было выявлено 564 оценочных прилагательных, из них доля частнооценочных прилагательных составляет 68 %, общеоценочных – 32 %. Лексемы, выражающие общую оценку, служат средством номинации эмоционально-ментального восприятия объекта в соответствии с критерием «хороший/плохой» и не предоставляют дополнительной информации о его свойствах и характеристиках. Ср.: *Julie Hagerty as Nicole's mother and Merritt Wever as her sister add delightful bits of comfort and comedy.* Характерным признаком общеоценочной лексики является отсутствие дескрипции, в то время как частнооценочные значения сочетают в себе описательно-оценочные аспекты. В соответствии с предлагаемой Н. Д. Арутюновой классификацией, 379 частнооценочных прилагательных были распределены в соответствии с ведущим оценочным значением на четыре класса: прилагательные психологической оценки (187 лексем), сенсорной оценки (29), сублимированной оценки (72) и рационалистической оценки (91).

Наиболее репрезентативной группой оказалась психологическая категория и входящий в нее класс прилагательных эмотивной оценки (*vivid, ferocious, infernal, heartbreaking, optimistic, gentle, desperate, happy* и пр.), выражающих субъективно-эмоциональное отношение профессионального критика к фильму, о котором идет речь в рецензии. Ср.: *It's a deeply sweet, happy, gentle film.*

В категорию психологических оценок также входят прилагательные интеллектуальной (82) оценки, репрезентирующие когнитивно-смысловую интерпретацию характеристик предметов и явлений. Ср.: *She emerges as a fascinatingly contradictory figure in her own right.* К единицам данной категории относятся лексемы, номинирующие оценку интеллектуальных качеств героев (*silly, foolish, profound, tough-minded*), а также ситуации с позиций когнитивного восприятия (interesting*, creative, banal, bewildering, insightful, deep*). Ср.: *A scene featuring De Niro as a twentysomething Sheeran in the Second World War is distressingly silly.*

Категория сенсорных, или гедонистических оценок (29) охватывает оценочные прилагательные, используемые авторами для описания психофизиологического воздействия, связанного с непосредственным чувственным восприятием по критерию «нравится/не нравится» (*pleasurable, appealing, hypnotic, mesmerizing, irrestistible, bittersweet, charismatic, appealing, comfortable, uncomfortable* и пр.). Ср.: *Well, now we have Spike Lee's mesmerizing film version of David Byrne's terrific Broadway concert «American Utopia».* Так, приведенный контекст демонстрирует описание автором «гипнотического» эффекта, оказанного на него кинематографической версией концерта. При выражении частнооценочных гедонистических значений значимую роль играет критерий «притягательности/привлекательности». Реализации данного критерия служит, например, лексема *irresistible*, характеризующая фильм как крайне притягательный: *An odd but irresistible hybrid from a director whose filmography is a remarkable mix.*

Важную роль в поле субъективной модальности текстов играет категория рациональной оценки (91). Прилагательные рациональной оценки характеризуют объект оценки с

точки зрения практической ценности и необходимости в повседневной деятельности. К наиболее репрезентативной группе рассматриваемой категории принадлежат нормативные оценочные прилагательные (63), описывающие объект с позиции соответствия общему стандарту. Так, лексемы *unworldly, flawed, inadequate, appropriate, usual, mainstream, mundane, old-fashioned* могут описывать ненормативные явления или объекты, отступающие от общих правил системы, или указывать на степень соответствия норме. Утилитарный тип рациональной оценки (24) реализует оценивание объекта преимущественно по критерию полезности и комфорта, удобства использования и доступности (*useless, useful, rewarding* и пр.), что позволяет акцентировать внимание на аспекте пользы для ментального и физического состояния зрителя при просмотре кинофильма.

Сублимированная оценка (72) также представляет собой один из ключевых типов, в ней реализуются основные принципы морально-этических и аксиологических норм. Рассматриваемая категория может интерпретироваться как комплексный рационально-эмоциональный сплав, в структуре которого соединяются ментальный и эмоциональный оценочные смыслы. Прилагательные эстетической оценки (38) следует рассматривать в виде синтеза сенсорных и психологических оценок, комплексного единства ментально-эмоциональных впечатлений, полученных в результате субъективного восприятия чего-либо. Входящие в состав данной группы прилагательные (*ugly, beautiful, extravagant, exquisite, artistic* и пр.) могут быть использованы автором для демонстрации эстетической положительной оценки, резюмирования общего впечатления. Ср.: *Nomadland is a gorgeous, lyrical film.*

Прилагательные этической оценки (34) служат реализации социально-регулируемых представлений о моральных нормах и пропагандируемых социумом этических идеалах. Употребление данного типа лексем имплицирует авторское отношение морального порицания или одобрения, выраженное в тексте при помощи единиц, описывающих порицаемые обществом проявления человеческой натуры (*ruthless, corrupt, moral, immoral* и пр.).

Заключение. Проведенное исследование позволило заключить, что специфика выражения позиции автора в профессиональной сетевой кинорецензии, адресованной широкой аудитории, сводится к следующим характеристикам: доминантному характеру перцептивного модуса и ментального модуса знания в поле субъективной модальности текстов; преобладанию местоимений 1-го лица множественного числа в инклюзивном значении в качестве средств эго-номинации субъекта дискурса и доминированию частнооценочных смыслов над общеоценочными. Показано, что основным способом номинации субъекта дискурса является местоимение 1-го лица мн. ч. в инклюзивном значении, что указывает на намерение автора текста солидаризироваться с адресатом и повышает воздействующий потенциал текста. Проведенный анализ показал, что ментальный и перцептивный модусы являются доминантными типами субъективной модальности, актуализируемыми предикативными конструкциями в текстах корпуса. Ведущим типом ментального модуса (модусным смыслом) в жанре профессиональной кинорецензии является модус знания. Прибегая к данной модусной рамке, субъект дискурса подчеркивает свою высокую компетентность в обсуждаемой сфере. К основным типам оценочных значений, выраженных прилагательными частной оценки в исследуемом жанре, относятся эмоциональная, интеллектуальная, эстетическая и нормативная категории. Преобладание эмоционально-психологических и

интеллектуально-психологических типов оценки свидетельствует об авторской интенции выразить индивидуализированное субъективно-эмоциональное мнение об объекте. Высокая роль эстетической и нормативной (рациональной) оценки в исследуемом жанре обусловлена природой объекта оценки и ведущей функцией речевого жанра критической рецензии – оценить соответствие продукта кинотворчества определенным критериям качества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаранина Э. Ю. Оценочность в жанре кинорецензии // Вестник КемГУ. 2013. № 2 (54). С. 28–31.

2. Стопа А. В. Жанровые особенности рецензии и интернет-отзыва: сравнительно-сопоставительный анализ // Ratio et Natura. Серия: Языкознание. 2020. № 2. URL: https://ratio-natura.ru/vypusk-no2-2-2020-g#lang (дата обращения: 17.07.2021).

3. Еремина М. А. Речевой жанр отзыва в коммуникативном пространстве Интернета // Научный диалог. 2016. № 5 (53). С. 34–45.

4. Терских М. В. Жанр интернет-отзыва в туристическом дискурсе (маркетинговый потенциал) // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 274–283.

5. Рябко Е. И., Осипова П. С. Особенности текста англоязычной кинорецензии // E-Scio. 2020. № 12 (51). URL: http://e-scio.ru/wp-content/uploads/2021/01/E-SCIO-12_2020.pdf (дата обращения: 17.07.2021).

6. Хотног А. В. Стратегия информирования в тексте профессиональных интернет-кинорецензий // Вестн. МГЛУ. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 10 (839). С. 217–227.

7. Фомина В. А. Кинорецензия в системе дискурсных взаимодействий // Известия СПбГЭУ. 2011. № 2. С. 144–146.

8. Побирченко А. М. Специфика оценочных жанров в контексте типологии современной публицистики // Вестн. ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2008. № 1 (101). С. 76–78.

9. Акимова Т. П. Особенности реализации оценочных речевых жанров в эпистолярном тексте (на материале писем А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого) // Вестн. ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2009. № 2 (10). С. 64–69.

10. Волынкина С. В. Ролевой репертуар оценочного жанра похвалы // Вестн. ННГУ им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 200–204.

11. Федосюк М. Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи. Вып. 1. Саратов: Колледж, 1997. С. 66–88.

12. Никитина Л. Б., Малышкин К. Ю. Речевой жанр научной рецензии через призму категоричности оценки // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 72–79.

13. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров / под общ. ред. С. О. Савчука. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. С. 159–206.

14. Щипицина Л. Ю. Дигитальные жанры: проблема дифференциации и критерии описания // Коммуникация и конструирование социальных реальностей: сб. науч. ст. / отв. ред. О. Г. Филатова. СПб.: Роза мира, 2006. С. 377–389.

15. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1969.

16. Ильина Н. В. Структура и семантика оценочных конструкций. М.: Русский язык, 1982.

17. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград: Изд-во ВГСПУ, 2000. С. 5–20.

18. Дешериева Т. И. О соотношении модальности и предикативности // Вопросы языкознания. 1987. № 1. С. 33–45.

19. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / пер. с фр. Е. В. Вентцель, Т. В. Вентцель. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955.

20. Логический анализ языка: знание и мнение / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Наука, 1988.

21. Шмелева Т. В. Модус и его средства выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 168–202.

22. Трипольская Т. А. Модусное значение «важности» высказывания и способы его выражения // Модальность в ее связях с другими категориями: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. И. П. Матхановой. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1992. С. 27–33.

23. Перфильева Н. П. Модус воспоминания: между истиной и ложью (на материале мемуарной литературы) // Дискурс лжи и ложь как дискурс: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Т. А. Трипольской. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, Ин-т филологии, массовой информации и психологии, 2013. С. 24–33.

24. Кораблина Т. И. Языковые средства выражения модуса «воспоминание» в традиционной и современной лексикографии // Слово. Словарь. Словесность: Динамические процессы в языке, речи и словаре (к 50-летию издания академического «Словаря современного русского литературного языка»): материалы Всерос. науч. конф, СПб., 11-12 ноября 2015 г. / РГПУ. СПб., 2015. С. 97–101.

25. Болсуновская Л. М., Найдина Д. С. Способы выражения позиции автора в научном и научно-популярном дискурсах // Фундаментальные исследования. 2015. № 2 (15). С. 3413–3416.

26. Карамова А. А. Манипулятивный потенциал грамматических средств в современном политическом дискурсе // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2016. Т. 1, № 3. С. 84–90.

27. Норман Б. Ю., Плотникова А. М. Конструкции с местоимением *мы*: формирование актуальной или окказиональной коллективной идентичности // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. 2016. № 6 (34). С. 126–138. DOI: http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1606.10.

28. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений*:* Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

29. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002.

Информация об авторах.

Кононова Инна Владимировна – доктор филологических наук (2010), доцент (2002), профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 80 научных публикаций. Сфера научных интересов: диахроническая концептология, корпусные исследования текста и дискурса, лексическая семантика. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4903-5856. E-mail: inkon_71@mail.ru

Клепикова Татьяна Альбертовна – доктор филологических наук (2009), доцент (1999), профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 140 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивная грамматика, корпусная лингвистика, лексическая семантика. ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9745-5201. E-mail: tklepikova@gmail.com

Кленова Екатерина Андреевна – аспирант кафедры теории и практики английского языка и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 8 научных публикаций. Сфера научных интересов: виртуальное жанроведение, коммуникативная лингвистика. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1373-8149. E-mail: messerwerferin@mail.ru

REFERENCES

1. Garanina, E.Yu. (2013), “EVALUATION IN THE GENRE OF FILM REVIEW”, *Bulletin of Kemerovo State Univ*., no. 2 (54), RUS, pp. 28–31.

2. Stopa, A.V. (2020), "Genre specifics of critical and online review: comparative analysis", *Ratio et Natura. Linguistics*, no. 2, available at: https://ratio-natura.ru/vypusk-no2-2-2020-g#lang (accessed 17.07.2021).

3. Eremina, M.A. (2016), "Speech genre of review in the online communicative space", *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], no. 5 (53), pp. 34–45.

4. Terskikh, M.V. (2014), "INTERNET COMMENTS IN TOURIST DISCOURSE (MARKETING POTENTIAL)", *Political Linguistics*, no. 4 (50), pp. 274–283.

5. Ryabko, E.I. and Osipova, P.S. (2020), "Specifics of the English-speaking film review texts", *E-Scio*, no. 12 (51), available at: http://e-scio.ru/wp-content/uploads/2021/01/E-SCIO-12_2020.pdf (accessed 17.07.2021).

6. Khotnog, A.V. (2020), "INFORMATION STRATEGY REALIZATION IN THE TEXT OF PROFESSIONAL ONLINE FILM REVIEWS", Vestnik of Moscow State Linguistic Univ. Humanities, no.10 (839), pp. 217–227.

7. Fomina, V.A. (2011), "Film review in the system of discourse collaboration", *Izvestiâ Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo èkonomičeskogo universiteta*, no. 2, pp.144–146.

8. Pobirchenko, A.M. (2008), "Evaluative genres specifics within the context of modern journalistic typology", *Bulletin of the South Ural State Univ. Ser. Linguistics*, no. 1 (101), pp. 76–78.

9. Akimova, T.P. (2009), "SPECIFIC REALIZATION OF EVALUATIVE SPEECH GENRES IN EPISTOLARYTEXT (ON LETTERS BY A.S. PUSHKIN AND L.N. TOLSTOY)", *Science J. of VolSU. Linguistics*, no. 2 (10), pp. 64–69.

10. Volynkina, S.V. (2016), "ROLE REPERTOIRE OF THE PRAISE EVALUATION GENRE", *Vestnik of Lobachevsky Univ. of Nizhni Novgorod*, no. 2, pp. 200–204.

11. Fedosyuk, M.Yu. (1997), "Research on methods of speech manipulation and theory of speech genres", *Zhanry rechi* [Speech Genres], Kolledzh, Saratov, RUS, iss. 1, pp. 66–88.

12. Nikitina, L.B. and Malyshkin, K.Yu. (2015), "THE SPEECH GENRE OF A SCIENTIFIC REVIEW: A VIEW AT THE ASSESSMENT ASSERTIVENESS", *Speech Genres*, no. 2 (12), pp. 72–79.

13. Bakhtin, M.M. (1996), *Problema rechevykh zhanrov* [The problem of speech genres], in Savchuk, S.O. (ed.), Izd-vo «Russkie slovari», Moscow, RUS, vol. 5, pp. 159–206.

14. Shchipitsina, L.Yu. (2006), "Digital genres: the problem of differentiation and criteria for description", *Kommunikatsiya i konstruirovaniye sotsial'nykh real'nostey* [Communication and construction of social realities], in Filatova, O.G. (ed.), Roza mira, SPb., RUS, pp. 377–389.

15. Akhmanova, O.S. (1969), *Slovar lingvisticheskih terminov* [Dictionary of linguistic terms], Sov. Enciclopedia, Moscow, USSR.

16. Il'ina, N.V. (1982), *Struktura i semantika otsenochnykh konstruktsii* [Structure and semantics of evaluative models], Russkii yazik, Moscow, USSR.

17. Karasik, V.I. (2000), "On types of discourse", *Jazykovaja lichnost': institutseonal'nyj I personal'nyj diskurs* [Linguistic personality: institutional and personal discourse], in Karasik, V.I. and Slyshkin, G.G. (eds.), Izd-vo VGSPU, Volgograd, RUS, pp. 5–20.

18. Desherieva, T.I. (1987), "On the correlation between modality and predicativity", *Voprosy Jazykoznanija*, no. 1, pp. 34–45.

19. Bally, Ch. (1955), *Linguistique generale et linguistique française*, Transl. by Venttsel', E.V. and Venttsel', T.V., Izd-vo inostrannoj literatury, Moscow, USSR.

20. *Logicheskii analiz yazyka: Znanie i mnenie* [Language logic analysis: knowledge and opinion] (1988), in Arutyunova, N.D. (ed.), Nauka, Moscow, USSR.

21. Shmeleva, T.V. (1988), "Modus and Its Means of Expression", *Ideograficheskie aspekty russkoi grammatiki* [Ideographic Aspects of Russian Grammar], Moscow, Izd-vo MSU, p. 168–202.

22. Tripol'skaya, T.A. (1992), "Modus meaning of the "importance" of an utterance and the ways of its expression", *Modal'nost' v ee svyazyakh s drugimi kategoriyami* [Modality in its connections with other categories], in Mathanova, I.P. (ed.), Novosibirsk, Izd-vo NGPI, RUS, pp. 27–33.

23. Perfilieva, N.P. (2013), "The mode of remembrance: between truth and falsehood (based on the material of memoir literature)", *Diskurs lzhi i lozh' kak diskurs* [Discourse of lies and lies as

discourse], in Tripolskaya, T.A. (ed.), Novosib. gos. ped. un-t, In-t filologii, massovoi informatsii i psikhologii, Novosibirsk, RUS, pp. 24–33.

24. Korablina, T.I. (2015), "Language methods of manifestation of "recollection" modus in traditional and modern lexicography", *Slovo. Slovar'. Slovesnost': Dinamicheskie protsessy v yazyke, rechi i slovare (k 50-letiyu izdaniya akademicheskogo «Slovarya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka»)* [Word. Dictionary. Literature: Dynamic processes in language, speech and vocabulary (to the 50th anniversary of the publication of the academic "Dictionary of the modern Russian literary language")], *Vserossiisk. nauch. konf* [All-Russian. scientific conf.], SPb., RUS, Nov. 11–12, 2015, pp. 97–101.

25. Bolsunovskaya, L.M. and Naydina, D.S. (2015), "THE MODES OF AUTHORS POSITION EXPRESSION IN SCIENTIFIC AND POPULAR SCIENCE DISCOURSES", *Fundamental research*, no. 2 (15), pp. 3413–3416.

26. Karamova, A.A. (2016), "MANIPULATIVE POTENTIAL OF GRAMMAR RESOURSES IN THE CONTEMPORARY POLITICAL DISCOURSE", *Vestnik of Volzhsky Univ. after V.N. Tatishchev*, vol. 1, no. 3, pp. 84–90.

27. Norman, B.Yu. and Plotnikova, A.M. (2016), "STRUCTURES WITH THE PRONOUN МЫ: FORMATION OF ACTUAL AND OCCASIONAL COLLECTIVE IDENTITY", *Novosibirsk State Pedagogical Univ. Bulletin*, no. 6 (34), pp. 126–138. DOI: http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1606.10.

28. Arutyunova, N.D. (1988), *Tipy yazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Language meanings' types: Evaluation. Event. Fact], Nauka, Moscow, USSR.

29. Volf, E.M. (2002), *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation], Editorial URSS, Moscow, RUS.

Information about the authors.

Inna V. Kononova – Dr. Sci. (Philology) (2010), Docent (2002), Professor at the Department of Language Theory and Translation Studies, Saint Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Channel emb., St Petersburg 191023, Russia. The author of 80 scientific publications. Area of expertise: diachronical conceptology, corpus-based studies of text and discourse, lexical semantics. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4903-5856. E-mail: inkon_71@mail.ru

Tatiana A. Klepikova – Dr. Sci. (Philology) (2009), Docent (1999), Professor at the Department of Language Theory and Translation Studies, Saint Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Channel emb., St Petersburg 191023, Russia. The author of 140 scientific publications. Area of expertise: cognitive grammar, corpus linguistics, lexical semantics. ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9745-5201. E-mail: tklepikova@gmail.com

Ekaterina A. Klenova – Postgraduate at the Department of Language Theory and Translation Studies, Saint Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Channel emb., St Petersburg 191023, Russia. The author of 8 scientific publications. Area of expertise: virtual genristics, communicative linguistics. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1373-8149. E-mail: messerwerferin@mail.ru

УДК 81'255.2 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2021-7-6-146-159
Оригинальная статья / Original paper

Особенности переводов «Фламандских легенд» Шарля де Костера на нидерландский язык

О. М. Журавлева, Л. А. Ульяницкая✉, А. А. Шумков

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

✉ulianitckaia_liubov@mail.ru

Введение. «Фламандские легенды» Шарля Де Костера изданы в 1858 г. на французском языке. С ростом национального самосознания фламандцев эта книга, являющаяся высокохудожественным литературным произведением, так или иначе должна была воплотиться в переводах на родной язык, которые соответствовали бы ее уровню. Известны несколько переводческих работ, весьма различных по результату. Для понимания специфики и успешности того или иного перевода следует провести анализ культурно-языковых и общественно-политических обстоятельств его создания, изучить личности переводчиков, их творческие биографии, а также оценить воздействие культурообразующих факторов.

Методология и источники. Методология исследования основана на описательном методе. При этом учитывается множество лингвистических, исторических, социальных и культурных переменных. Отбор материала замыкается на двух изданиях «Фламандских легенд» Ш. Де Костера на нидерландском языке (1917 и 1998 гг.), а также на источниках, описывающих историю Бельгии после 1830 г. Для сравнения переводов, относящихся к различным периодам, используется сопоставительный метод, учитывающий лексико-грамматические и стилистические особенности анализируемых текстов.

Результаты и обсуждение. Ш. Де Костер, будучи билингвом, отдал предпочтение французскому языку. Это может объясняться стремлением сделать фольклор достоянием высших слоев общества, в основном билингвов и франкофонов, при условии, что в среде фламандцев эти легенды и так были известны. Кроме того, для должного резонанса книгу выгоднее было издать на французском. Можно также предположить, что легенды были собраны по всей Фландрии, следовательно, имели значительные диалектные различия, и это создало трудности для выбора унифицированного варианта фламандского языка. Для передачи средневекового колорита Ш. Де Костер использовал нарочито архаизированный язык. В начале XX в. С. Стрефелс предложил читателям весьма специфический перевод, напоминающий в большей степени кальку с французского с сохранением особенностей исходного текста. В конце XX в. В. Спиллебеен перевел французский текст на современный ему язык, но не на бельгийский нидерландский, а на общенидерландскую норму.

Заключение. Обсуждаемые переводы весьма различны. С. Стрефелс сохранил стиль и структуру оригинального текста, в результате чего его труд было сложно воспринимать даже современникам, а сегодня перевод стал фактически нечитаемым. В. Спиллебеен стремился перевести оригинал на современный язык, приводя структурные компоненты в соответствие с современной нормой и сохраняя только самые необходимые архаизмы. Тем не менее текста фламандских легенд на бельгийском

© Журавлева О. М., Ульяницкая Л. А., Шумков А. А., 2021
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

нидерландском не существует: они записаны либо на диалектах, либо на «офранцуженном» нидерландском, либо на общенидерландской норме.

Ключевые слова: Шарль де Костер, фламандские легенды, перевод, французский язык, фламандский язык, нидерландский язык.

Для цитирования: Журавлева О. М., Ульяницкая Л. А., Шумков А. А. Особенности переводов «Фламандских легенд» Шарля де Костера на нидерландский язык // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 6. С. 146–159. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-146-159

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 28.09.2021; принята после рецензирования 21.10.2021; опубликована онлайн 24.12.2021

“Flemish Legends” by Charles de Coster. The Peculiarities of the Traslations into Dutch

Olga M. Zhuravleva, Liubov A. Ulianitckaia✉, Andrey A. Shumkov

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉ulianitckaia_liubov@mail.ru

Introduction. Charles de Coster's “Flemish Legends” were published in 1858 in French. With the growth of the national consciousness of the Flemings, this book, having particular artistic and cultural meaning, had to be translated, anyhow, into the Flemish variant of Dutch. There have been several translations, which differ significantly. To understand the specifics and success of a particular translation, it is necessary to analyze the cultural-linguistic and socio-political circumstances of its creation, to study the personalities of the translators, their artistic biographies, and also to assess the impact of the culture-forming factors.

Methodology and sources. The research methodology is based on the descriptive method. At that we take into account a lot of linguistic, historical, social and cultural variables. As a study material two translations of “Flemish Legends” into Dutch (1917 and 1998) are chosen, as well as several sources describing the history of Belgium after 1830. For collating the translations the comparative method is used, taking into account the lexical, grammatical and stylistic features of the analyzed texts.

Results and discussion. Charles De Coster, being a bilingual, preferred the French language. This can be explained by his desire to make folklore an asset of the upper social class, mainly bilinguals and francophones, upon these legends being already known among the Flemings. In addition, for the proper resonance, it was more profitable to publish the book in French. It can also be assumed that the legends were collected throughout Flanders; therefore, there were significant dialectal differences and problems for choosing a unified version of the Flemish language. To convey the medieval flavor, Charles de Coster used a deliberately archaized language. At the beginning of the 20th century S. Streuvels created a specific translation, more reminiscent of calque from French and preserving the features of the original text. At the end of the 20th century, W. Spillebeen translated the French text into a modern language, which was not the Belgian Dutch, but the standard Dutch.

Conclusion. The translations discussed are quite different. S. Streuvels retained the style and structure of the original text, so his work was difficult for perception even by his contemporaries, and today the translation has become practically unreadable. W. Spillebeen tried to translate the legends into a modern language, bringing the structural components in line with the modern norm and preserving only the most

necessary archaisms. Nevertheless, the text of the “Flemish legends” in the Belgian Dutch does not exist: they are written either in dialects, or in the “Frenchified” Dutch, or in the standard Dutch.

Key words: Charles de Coster, Flemish legends, translation, French, Flemish, Dutch.

For citation: Zhuravleva O. M., Ulianitckaia L. A., Shumkov A. A. “Flemish Legends” by Charles de Coster. The Peculiarities of the Traslations into Dutch. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 6, pp. 146–159. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-146-159 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 28.09.2021; adopted after review 21.10.2021; published online 24.12.2021

Введение. Переводы художественной литературы на различные языки призваны познакомить многонациональное читательское сообщество с произведением определенной культуры, с мировоззрением народа, реалиями его быта. При этом переводчик стремится сохранить особенности стиля оригинального произведения и передать значение национально-маркированных элементов лексики текста, таких как, например, фразеологизмы, паремии или фольклоризмы. По наблюдению В. Н. Комиссарова, перевод осуществляет важную социальную функцию, предоставляя возможность межъязыкового общения людей [1, с. 6].

Анализируя особенности создания перевода, исследователи отмечают неоднозначность и сложность этого процесса и зачастую относят его к особому явлению. Например, А. В. Федоров видит в переводе форму психического акта, в ходе которого происходит «пересоздание» текста или устного высказывания исходного языка на переводящий язык, а также результат этого процесса, т. е. новое речевое произведение на переводящем языке [2, с. 13]. Схожим образом определяет перевод и И. С. Алексеева, отмечая, что это процесс перекодирования текста на исходном языке в текст на языке перевода [3, с. 7]. При этом она подчеркивает важность творческого подхода к работе, определяет существенную роль индивидуальности переводчика в создании перевода.

Признавая за переводчиком возможность и, вероятно, необходимость творческого подхода к оригинальному произведению, следует подчеркнуть и отсутствие полной свободны творчества. Как отмечал В. С. Виноградов, текст подлинника существенно ограничивает возможности переводчика, позволяя ему не «изобретать новое, а только передавать смысл оригинала посредством другого языка» [4, с. 8].

Оценивая роль переводчика, Л. С. Бархударов подчеркивает необходимость создания эквивалентного текста и использует понятие «межъязыковой трансформации» при характеристике процесса перевода [5, с. 6].

Признавая за переводчиком право использования творческого подхода, лингвисты отмечают такую важную черту качественного перевода, как эквивалентность. Разнообразные переводческие стратегии и трансформации служат лишь одной цели – созданию схожего по стилю и форме перевода. Рожденный переводчиком текст не только должен передавать содержание оригинального произведения, но и создавать у читателей те же образы, которые возникают у носителей языка при чтении оригинала, передавать культурно-маркированные элементы текста без искажения их значения.

Важной составляющей успешной реализации перевода является личность переводчика. Не только его кругозор и глубокое знание языка переводимого текста, но также пони-

мание культурного контекста, в котором создавалось произведение, имеют большое значение. На переводчика может влиять культурная и политическая среда, в которой он живет и работает, ценности социального слоя, к которому он принадлежит, его происхождение и множество других факторов. В данной связи при анализе перевода важную роль играет не только характеристика условий, в которых создавался перевод, но и изучение биографии его автора.

Среди произведений, которые традиционно переводятся на разные языки, одним из самых распространенных жанров является фольклор. Сказки и легенды народов мира представляют интерес не только своими сюжетами, но и в первую очередь тем, что знакомят читателей с культурой, в недрах которой они зародились. Сложившиеся в определенной среде народные предания, мифы, сказания содержат представления социокультурного сообщества о своих основных ценностях, менталитете, мировоззрении, убеждениях, традициях.

Стремясь расширить знания своего народа о другой культуре, переводчики переносят на свой родной язык различные произведения, в том числе и фольклорные. Перед ними стоит непростая задача: нужно создать эквивалентный текст, понять и передать все явные и скрытые смыслы, культурно-маркированную лексику. Нередко переводчиками становятся и представители той культуры, которой принадлежит текст оригинала, их цель – распространение своей культуры. Они также сталкиваются с трудностями, но уже другого рода: им хорошо понятно содержание текста, но предстоит создать на языке перевода произведение, которое правильно будет воспринято читателями, использовать те эквиваленты, которые создадут по возможности однозначные образы и представления.

Но бывают и более сложные случаи, когда оригинал настолько специфичен, что переводческая задача представляется практически невыполнимой, или когда культурный контекст насколько неоднозначен, что и переводы вызывают неоднозначный отклик. Одним из примеров такого сложного для перевода произведения являются «Фламандские легенды» Шарля Де Костера, собранные в середине XIX в. и изданные в 1858 г.

Особенность этого произведения заключается в том, что легенды фламандского народа зафиксированы на французском языке человеком, для которого и фламандский, и французский языки были родными. Писателю не приходилось переводить легенды, он воспринимал их из первоисточника на языке оригинала, но облек в письменную форму на другом языке. Однако он не только стремился передать реалии, но и сохранить во французском тексте особый фламандский дух, который был ему знаком как билингву, а также особенности, присущие фламандскому языку. В результате Ш. Де Костер отходит от стандартных норм французского, создавая свой архаизированный французский язык, который бы максимально близко соответствовал сюжету повествования. Следует отметить, что самая первая запись фламандских легенд и сказок была осуществлена в 1845 г. на немецком языке Йоганом Вильгельмом Вольфом, немецким ученым, собиравшим их во Фландрии в течение 7 лет; при этом и названы они были немецкими.

Лингвистическую уникальность сборника, изданного Ш. Де Костером, тонко подмечает переводчик текста легенд на английский язык Г. Тейлор, опубликовавший англоязычную версию в 1920 г. Он считает, что текст, изданный в XIX в., представляет собой великолепный образец идиоматической речи XVI в. – того периода, к которому относятся сами

легенды, и является блестящим образцом стилизации. Однако, полагая, что эта языковая особенность издания Ш. Де Костера не представляет интереса для англоязычных читателей, Г. Тейлор не предпринимал никаких попыток воспроизвести ее в языке перевода. Переводчик тем не менее в предисловии отметил, что стилизация была проведена осознанно, отняла у автора много времени и сил, но в итоге полностью соответствовала его представлениям о том, как именно должны читаться и восприниматься фламандские легенды, содержание которых современный ему французский язык не мог достойно выразить, и потому ему казалось более гармоничным и естественным записать их на языке Рабле [6]. Англоязычная публика оказалась лишена языковой стилизации, предложенной Ш. Де Костером, и, несмотря на большое количество использованных в тексте устаревших слов, в целом английский язык легенд не выглядит архаичным.

На фоне расцвета интереса к фламандской культуре и возрождения фламандского языка, работа Ш. Де Костера оказалась очень своевременной. Благодаря ему произведения устного народного творчества не просто были зафиксированы на письме, что уже само по себе достойно большого уважения, но и стали доступны читающей публике, поскольку франкоязычная аудитория была довольно обширна. Несмотря на большое значение проделанной работы и важный факт публикации фольклора, некоторая несправедливость заключалась в том, что произведения, принадлежащие к фламандской культуре, не были доступны для самих фламандцев на их родном языке. Только через 10 лет, в 1868 г., вышел сборник детских сказок, составленный Адольфом Лотенсом, в который входило 9 текстов на гентском диалекте с сохранением всех лексико-грамматических особенностей, без какой бы то ни было адаптации или литературной обработки.

Что же касается франкоязычной версии «Фламандских легенд», то, по наблюдениям литературоведов, большого интереса работа не вызвала и была воспринята лишь в кругу близких друзей автора. Успех пришел уже после смерти Ш. Де Костера, в 1880-е гг., на волне интеллектуального подъема. Стало очевидно, что образовалась редкая культурная лакуна (сборник А. Лотенса был более интересен диалектологам, чем обычным читателям), в результате чего возникла необходимость перевода фламандских легенд на язык, понятный всем фламандцам. Однако первый перевод появился довольно поздно, более чем через 50 лет, практически одновременно с переводом легенд с французского языка на немецкий (1916), английский (1920) и русский (1923). До той поры фламандские легенды и сказки были предметом научных исследований и собирались в основном лингвистами-диалектологами. Литературной обработки, как у Ш. Де Костера, фольклорные произведения на диалектах Фландрии не получали. Франкоязычные «Фламандские легенды», являющиеся высокохудожественным литературным произведением, должны были воплотиться в переводах, которые соответствовали бы его уровню.

В данной связи необходимо рассмотреть несколько важных вопросов. Во-первых, проанализировать культурно-языковой контекст, в котором создавались как переводы, так и само оригинальное произведение. Во-вторых, изучить личности переводчиков, их творческие биографии. Наконец, оценить воздействие культурообразующих факторов на переводчиков и переводы.

Методология и источники. Методология исследования в соответствии с вопросами, поднятыми в настоящей работе, базируется преимущественно на описательном методе.

При этом в описании учитывается множество лингвистических, исторических, социальных и культурных переменных, изучены общественно-политические условия, в которых создавались переводы. Отбор материала замыкается на двух изданиях «Фламандских легенд» Ш. Де Костера на нидерландском языке (1917 и 1998 гг.), а также на источниках, описывающих историю Бельгии после 1830 г. Для сравнения переводов, относящихся к различным периодам, используется сопоставительный метод, учитывающий лексико-грамматические и стилистические особенности анализируемых текстов.

Результаты и обсуждение. К середине XIX в. в Бельгии возрождается фламандская культура и язык, бельгийская революция существенно способствовала этому процессу. В первое время после Бельгийской революции фламандский язык воспринимался в качестве народного, а языком просвещенной части общества оставался французский [7, с. 41]. Но начавшийся процесс постепенно углублялся и ускорялся, литераторы поддерживали развитие национального самосознания фламандцев, и уже с 1847 г. началась борьба за равноправие французского и фламандского языков. На протяжении двух десятилетий национальное возрождение носило в основном литературный характер, но затем переросло и в политическую сферу. На этом фоне представляется ожидаемым интерес к фламандским народным преданиям и легендам. Язык публикации – французский – может объясняться, например, стремлением сделать фольклор достоянием высших слоев общества, при условии, что в среде фламандцев эти легенды и так были известны, т. е. расширить кругозор билингвов и франкофонов. Кроме того, Шарль Де Костер не мог не находиться под влиянием лингвокультурных условий эпохи, и чтобы публикация получила соответствующий резонанс, ее требовалось издать на французском.

В качестве еще одной гипотезы можно предположить, что легенды были собраны по всему фламандскому региону, следовательно, имели более или менее значительные диалектные различия, что не могло не создать трудности для выбора унифицированного варианта фламандского языка.

Так или иначе, но, владея обоими языками, Ш. Де Костер принял осознанное решение публиковать легенды на французском языке. Тем самым он существенно расширил круг читателей.

Рассмотрим более поздние лингвокультурные условия, в которых были выполнены переводы, и персоналии переводчиков «Фламандских легенд». Наиболее известны два перевода легенд на фламандский язык, и оба увидели свет в XX в. На переводы оказали влияние не только личности переводчиков, но и произошедшие за период, их разделяющий, изменения в языке [8, с. 22–23], а также изменение обстановки в стране, культурная парадигма.

В 1917 г. был издан первый перевод книги на фламандский язык (*Vlaamsche vertelsels*) Стэйна Стрефелса (*Stijn Streuvels*) [9]. Книгу опубликовало в Амстердаме издательство L. J. Veen, основанное Ламбертом Якобусом Вейном в 1887 г. Оно приобрело популярность благодаря публикациям работ Луи Куперуса и Стэйна Стрефелса. Издательство L. J. Veen существует по сей день и является одним из самых известных в Нидерландах. За годы своей работы оно подготовило впечатляющую библиотеку классических литературных произведений, включая нидерландскую художественную литературу.

Переводчик легенд Стэйн Стрефелс (творческий псевдоним писателя) родился 3 октября 1871 г. в Хейли, был вторым из четырех детей в семье портного Камиля Латура и Мари-Луизы Гезелле. Его настоящее имя – Франциск Петрус Мария Латур (Франк Латур). Младший брат Франка – Карел Латур – впоследствии стал известным скульптором.

Через несколько лет после создания семьи, в год рождения Стэйна, из-за разразившейся Франко-прусской войны семья вынужденно покинула родину и обосновалась в Бельгии, в Авелгеме. В 1883 г. Стэйна поместили в “Pensionnat du Bienheureux Jean Berchmans” («Патронажный пансионат Жана Берхмана»). Однако в школе он провел только три года, после чего бросил учебу [10].

Возможно, талант передался Стэйну по наследству, поскольку его дядей (по материнской линии) был известный фламандский поэт Гвидо Гезелле. В семье матери отмечалась склонность к поэзии и художественному творчеству. Сама Мари-Луиза всю жизнь сочиняла различные истории и песни, что не могло не сказаться и на ее детях. Именно в семье юному Стэйну привили любовь к литературе и сочинительству. Уже в школьные годы стало понятно, что юноша обладает даром слова. Стэйн активно участвовал в культурной жизни поселка: играл в театральных пьесах и музыкальных спектаклях. Внимательные учителя вовремя обратили на талантливого подростка внимание и, несмотря на его юные годы, приняли в университетский литературный кружок “Cercle littéraire”. Гвидо Гезелле своими филологическими, поэтическими, прозаическими, фольклористическими изысканиями, несомненно, также оказал сильное влияние на формирование творческого пути Стрефелса.

В 1887 г. Камиль Латур получил по наследству в управление родовую пекарню, и Стэйн вместе с братьями освоил профессию пекаря и занялся семейным бизнесом. Только в 1905 г. он принял решение бросить семейное дело и незадолго до женитьбы на Алиде Стэленс переехал в деревню. Там он и прожил с 1905 по 1969 г., дожив до 97 лет. Он построил дом, который после его смерти выкупила Западная Фландрия, и с 1980 г. дом является его мемориальным музеем “Het Lijsternest” («Гнездо дрозда») в Ингоуджиме [11]. Пребывание в деревне позволило писателю полностью посвятить себя творчеству, литературному и издательскому делу.

С. Стрефелс самостоятельно изучил несколько языков: немецкий, английский, датский и русский, блестяще владел французским и фламандским, что позволило ему познакомиться с богатым литературным наследием. Неудивительно, что владение многими языками подтолкнуло его не только к изучению иных культур, но и к мысли о возможности популяризировать родную культуру. С этой целью он сосредоточил внимание на собственных произведениях по национальным мотивам, этой же цели способствовал и перевод «Фламандских легенд».

Первые рассказы писатель опубликовал уже в 1895 г. в журналах “De Jonge Vlaming” («Юный фламандец») и “Vlaamsch en Vrij” («Фландрия и свобода»), возникших на волне культурного и социального обновления Бельгии. Его первые публикации не остались незамеченными, и вскоре он получил приглашение от журнала “Van nu en straks” («Отныне и до сих пор»), где напечатал рассказы “Een ongeluk” («Несчастный случай») и “Het einde” («Конец») в духе и стиле журнала: короткие реалистично-натуралистические зарисовки. Позднее в этом же журнале вышли в свет «Van ongroei” («Невзращенное»), “Wit leven” («Белая жизнь») и “Op den dool” («В блужданиях»).

До начала Первой мировой войны Стрефелс создал целый ряд романов и рассказов, где в реалистичной манере описал жизнь сельского населения Западной Фландрии – людей, которых кормит земля, и автор находит в этом отображение метафизических тем судьбы, вселенских природных циклов, зависимости человека от мироздания. Мастер прозы, он превращает сельскую Фландрию в особый микрокосм, как, например, в новелле “De Vlaschaard” («Льняное поле») (1907), где человек рассматривается сквозь призму природы, и особое внимание уделяется его положению в ней.

В 1899 г. С. Стрефелс получил литературное признание и славу благодаря своему первому сборнику рассказов “Lenteleven” («Весенняя жизнь»). Уединенная аграрная Западная Фландрия и образ жизни ее жителей были воспеты писателем с особым вниманием к ее диалектам и фольклору. Его выдающиеся способности к наблюдению были усилены богатым воображением, чувствованием атмосферы и тончайшим владением языком. Автор создал мир, в котором природа является первобытной силой, и он описывает эту силу с художественно-визуальной энергией, присущей работам Ван Гога. В начале своего творческого пути Стрефелс пытался писать на утонченном западно-фламандском диалекте, но постепенно перешел на формирующуюся в ту пору бельгийскую языковую норму. Его отличал страстный, эмоциональный стиль, который он использовал и при переводе «Фламандских легенд».

В 1900 г. С. Стрефелс написал одно из лучших своих произведений “De Oogst” («Урожай») – рассуждение о власти над человеком земли и солнца. Автору удалось найти собственный уникальный язык для характеристики всесильной земли. В более поздних произведениях талант писателя проявился в описании внешности и характера человека. В центре повествования оказывались простые земледельцы, которые вели упорную борьбу с землей и судьбой. В его сочинениях затрагивались вечные вопросы поиска цели существования, воспитания характера и силы воли (“Langs de wegen” («Вдоль дорог»), 1902), а также важнейшая проблема «отцов и детей», конфликта поколений (“De Vlaschaard” («Льняное поле»), 1907). Писателю удавалось создавать и лирические образы природы в таких произведениях как, например, “De boomen” («Деревья») (1909) и “Het glorierijke licht” («Благословенный свет») (1911). Однако на протяжении всего его творчества природа и природные стихии являлись лишь фоном для изображения человека, его мировоззрения, характера и духовного роста.

Не обошел стороной писатель и социально-экономические проблемы общества, культуру во всем ее многообразии. Он решительно погружался в психологию взаимоотношений, проблемы семьи и детства, затрагивал философские вопросы жизни и смерти, рассуждал о прогрессе и развитии общества. Описывая реальных людей и их жизненный путь, обращая внимание на тех, кто его окружал, и вплетая истории из жизни в свои произведения, автор опубликовал и историю своей семьи “Kroniek van de familie Gezelle” («Хроника семьи Гезелле») (1960).

Произведения С. Стрефелса ознаменовали собой значимую веху в развитии фламандской литературы. Своеобразный стиль, сочетание эпических мотивов и лирики, актуальность сюжетов – все это заслуженно позволило автору стать одним из видных литераторов своей эпохи. Автор наделяет своих персонажей лучшими чертами, верит в добро и светлое будущее, не просто обращается к простому народу как основному герою в своих произве-

дениях, но и фактически взаимодействует с фламандцами, стремясь узнать их и понять их мировоззрение, создавая в итоге собирательный образ народа.

Труды Стэйна Стрефелса были по достоинству оценены современниками. С 1903 г. он являлся редактором журнала «Фландрия», был избран членом Королевской фламандской академии, дважды стал лауреатом Государственной премии. В 1962 г. его удостоили Нидерландской литературной премии. Полное собрание сочинений Стэйна Стрефелса в 4-х томах под редакцией А. Демедца [12] опубликовано в 1971–1973 гг. и содержит более 50 произведений. Литературное наследие писателя является поистине богатым вкладом не только во фламандскую, но и в мировую литературу.

Яркий и востребованный писатель не остался в стороне и от переводческой деятельности. Воспевая родные земли на родном языке, С. Стрефелс не мог обойти вниманием несоответствие сюжета «Фламандских легенд» Ш. Де Костера и языка, на котором они были изданы, и взялся за перевод [10]. Традиционный фламандский фольклор, вероятно, всегда входил в сферу его интересов. Можно предположить, что знал он легенды своего народа не из опубликованного Ш. Де Костером издания, а в устной форме, от тех людей, в среде которых проводил много времени.

Работая с текстом оригинала «Фламандских легенд», С. Стрефелс предпочел сохранить авторский стиль, однако это решение привело к созданию текста, который с трудом читается на целевом языке [13]. Понимая желание переводчика создать аналогичное оригинальному произведение, предоставить возможность читателю почувствовать, что легенды – это непростой и «стилистически обусловленный текст» [9], приходится признать, что проведенная им работа не решила проблемы отсутствия народных сказаний на родном языке. Поставленная цель усложнила грамматическую структуру перевода, в котором доминируют несвойственные языку калькированные с французского элементы.

Хотя формально перевод «Фламандских легенд» был выполнен, причем, на очень высоком профессиональном уровне, ощущалась необходимость нового перевода. Однако до его появления прошел 81 год. Только в 1998 г. книга «Фламандские легенды» была переведена снова и опубликована в Левене издательством “Davidsfonds” (“*Vlaamse legenden*”) [14].

Второй переводчик «Фламандских легенд» фламандский поэт и писатель Вилли Спиллебеен (*Willy Spillebeen*) родился 30 декабря 1932 г. в Вестрозебеке в семье фермера. Его мать была очень религиозна, а отец антиклерикален и либерален. Отец настаивал на том, чтобы сын учился, и поэтому в 1945–1951 гг. он изучал гуманитарные науки и древние языки в колледже “Sint-Jozefs” в Изегеме. Особенно сильное влияние на юношу оказала поэзия, в частности, французские романтики, символисты и поэты Нидерландов (Ян Хендрик Леопольд, Мартинус Нэйхофф, Роланд Хорст).

Неудивительно, что, находясь под впечатлением таких ярких и талантливых фламандских поэтов, как К. ван де Вустэйне, Я. ван Нэйлен, Р. Минне, а также французов А. де Виньи, А. де Ламартина, А. де Мюссе и символистов Ш. Бодлера, А. Рембо и П. Верлена, у Вилли Спиллебеена появилась мечта заняться литературным творчеством. Это желание укрепилось с новой силой после знакомства с наследием знаменитого западно-фламандского поэта Гвидо Гезелле [15].

Мечта В. Спиллебеена осуществилась, и с 1950-х гг. он, получив должность преподавателя нидерландского и французского языков в Свободном техническом институте Святого

Луки в Менене и создав семью, решает посвятить свою жизнь литературе: пишет стихи, эссе, романы, составляет антологии.

Первый поэтический сборник В. Спиллебеена “De Spiraal” («Спираль») увидел свет в 1959 г. Сложные социально-экономические и политические процессы в стране и мире наложили свой отпечаток на литератора, и под воздействием необходимости осмыслить и оценить вопросы идеологии, религии и мировоззрения он издал книгу “Steen des Aanstoots” («Камень преткновения»). Его работы были опубликованы в журналах “Kreatief” («Креатив») и “Ons Erfdeel” («Наше наследие»), а сам он стал редактором “Dietsche Warande & Belfort” («Фламандский уголок»), а с 1975 г. является одним из составителей антологии поэзии, которая ежегодно публикуется в журналах издательства “Davidsfonds”.

С 1970 г. Спиллебеен погрузился в глубокие философские вопросы самопознания и мироздания. С тех пор и до настоящего времени писатель работает во многих жанрах и областях литературы, является активным членом различных литературных организаций как в Бельгии, так и в Нидерландах (среди них такие влиятельные, как Общество голландской литературы в Лейдене, Ассоциация фламандской литературы и Консультативный комитет по лингвистике и литературе Западной Фландрии, Королевская академия нидерландского языка и литературы), сотрудничает с различными периодическими изданиями. Его творчество востребовано среди читателей и коллег, он удостоен нескольких литературных премий, среди которых две премии Королевской академии нидерландского языка и литературы за романы “De vossejacht” («Охота на лис») в 1978 г. и “Cortés of de val” («Кортес или западня») в 1991 г. Также в 2016 г. он получил награду провинции Западная Фландрия за литературный вклад в развитие фламандской литературы [15].

В. Спиллебеен является видным деятелем культуры своей страны, его вклад в популяризацию и развитие фламандской литературы и собственное творчество на фламандском языке позволили ему стать одним из самых уважаемых литераторов современной Бельгии. К настоящему моменту он издал 34 романа и 11 эссе и продолжает увлеченно заниматься литературным творчеством. Сюжеты его произведений развиваются на фоне исторических событий, современности и прошлого, он рассуждает о вечных ценностях, повествует о мифических и исторических персонажах, в том числе и фламандцах. Писатель обращается в своем творчестве и к повседневности, акцентируя внимание на обычных человеческих слабостях, проблемах, волнениях, душевных метаниях, духовных исканиях, эмоциональных переживаниях, помещая своих героев в естественную среду, понятную каждому читателю. Автор придерживается единой концепции и общего для всей своей прозы мировоззрения, романы разных лет связаны между собой невидимой логикой, с каждым новым произведением все больше и лучше прорабатывая основные темы и затрагивая разнообразные метафизические вопросы бытия.

Значительное место среди произведений Вилли Спиллебеена занимает поэзия. Из-под его пера вышло 11 сборников стихов. Тематически они во многом перекликаются с прозой. Символизм и мировоззренческие проблемы, человеческие ценности и мифические образы – все это находит отражение в его лирике.

Разносторонний и одаренный автор, В. Спиллебеен также известен и как переводчик. Он талантливо переводит как поэзию, так и прозу с французского и испанского языков

[16]. Таким образом, перевод «Фламандских легенд» Ш. Де Костера стал логичным и последовательным шагом на творческом пути писателя.

Объясняя необходимость нового перевода, В. Спиллебеен отметил, что перевод С. Стрефелса является трудночитаемым текстом, практически калькой с французского языка. Он указывал на то, что уже в 1918 г. первый опыт перевода «Фламандских легенд» мог восприниматься читателями как малопонятный и сложный.

Переводчик поставил себе сложную цель, отличающую его работу от первого перевода. Он стремился переложить текст оригинала на современный нидерландский язык, стилистически и грамматически легкий для восприятия, соответствующий языковой норме, но при этом максимально близкий к оригинальному французскому варианту, сохраняя его диалектные элементы. Однако версия В. Спиллебеена выполнена в общенидерландской норме; язык перевода, несмотря на то, что автор является этническим фламандцем, значительно отличается от бельгийского варианта нидерландского языка. По всей видимости, стремление властей во второй половине XX в. объединить Нидерланды и Фландрию единой языковой нормой (северонидерландской) оказало неблагоприятное влияние на В. Спиллебеена и привело к созданию перевода не на бельгийском нидерландском, а фактически на нидерландском нидерландском.

Заключение. Оба перевода выполнены профессионалами, знатоками своего дела, талантливыми писателями, являющимися частью мирового литературного наследия. Они оба стремились воспеть в творчестве родную землю, ее культуру и народ, что привело обоих к осознанию необходимости взяться за перевод такого значимого произведения, как «Фламандские легенды». Однако писатели совершенно по-разному увидели свою задачу. Переводя на один и тот же язык, они создали совершенно разные произведения. С. Стрефелс видел свою роль в сохранении стиля и структуры языка оригинального произведения, в результате чего его труд представлял сложности для чтения и восприятия даже для современников. В настоящее время в силу языкового развития текст полностью потерял актуальность и стал фактически нечитаемым. По этой причине В. Спиллебеен стремился перевести оригинал на современный ему язык, приводя структурные компоненты в соответствие с современной языковой нормой и сохраняя только самые необходимые архаизмы.

При подробном анализе переводов создается впечатление, что их авторы, будучи исконными фламандцами, никак не могли избежать лингвокультурного воздействия со стороны «больших соседей» – Франции и Нидерландов. Несмотря на попытки ввести в языки перевода сугубо фламандские элементы, С. Стрефелс и В. Спиллебеен создали тексты, язык которых ориентирован, соответственно, на общефранцузскую и общенидерландскую нормы. В этих текстах слишком велико влияние стандартных французского и нидерландского, и слишком мало собственно фламандских диалектов. Остается только надеяться, что в скором времени появится перевод «Фламандских легенд» Ш. Де Костера на один из двух существующих ныне во Фландрии вариантов – бельгийский нидерландский или язык «tussentaal», занимающий промежуточное положение между бельгийским нидерландским и диалектами Фландрии. Возможно, найдутся энтузиасты, которые воплотят сюжеты фламандских легенд на западно-фламандском и восточно-фламандском диалектах. Однако такая работа, к сожалению, неминуемо будет нести черты искусственности, и дух народных

сказаний будет передан не в той мере, как в аутентичных фламандских источниках. Поэтому исключительно важным может быть разыскание и исследование письменных материалов, явившихся для Ш. Де Костера основой для создания франкоязычной версии фламандских легенд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
2. Федоров А. В. Язык и стиль художественного произведения. М.: Гослитиздат, 1963.
3. Алексеева И. С. Текст и перевод: вопросы теории. М.: Международные отношения, 2008.
4. Виноградов В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
5. Бархударов Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975.
6. Coster de Ch. Flemish legends with eight woodcuts by Albert Delstanche / transl. from French by H. Taylor. N. Y.: Frederick A. Stokes company, New York Publishers, 1920.
7. Журавлева О. М., Ульяницкая Л. А. Языковая ситуация в современной Бельгии / под. ред. А. А. Шумкова. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020.
8. Ульяницкая Л. А. Лексическая и грамматическая интерференция во фламандском варианте нидерландского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук / СПбГЭТУ «ЛЭТИ». СПб, 2018.
9. Coster de Ch. De Mensch en de Kunstenaar, door Lode Monteyne. Antwerpen: Drukker-Uitgever, 1917.
10. Roemans R., Assche, Hilda van. Bibliografie van Stijn Streuvels. Antwerpen: De Nederlandsche Boekhandel. 1972.
11. Schepens L. Kroniek van Stijn Streuvels. Brugge: Orion, 1980.
12. Demedts A. Stijn Streuvels, een terugblik op leven en werk. Brugge: Orion-Desclée De Brouwer, 1971.
13. Coster de Ch. Vlaamsche vertelsels / trad. par S. Streuvels. Amsterdam: L. J. Veen,1917.
14. Coster de Ch. Vlaamse legenden / trad. par W. Spillebeen. Leuven: Davidsfonds, 1998.
15. Vermeiren K. Willy Spillebeen. Torhout: Vereniging voor Westvlaamse schrijvers, 1988.
16. Vlaamse Schrijvers 1830-heden. Willy Spillebeen. URL: http://schrijversgewijs.be/schrijvers/spillebeen-willy (дата обращения: 10.09.2021)

Информация об авторах.

Журавлева Ольга Михайловна **–** кандидат исторических наук (2003), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: история, история Санкт-Петербурга, история культуры, межкультурная коммуникация, история взаимодействия языков и культур, методы в образовательном процессе, модели образования, лексический подход в обучении деловому английскому языку. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1421-8783. E-mail: omzhuravleva@etu.ru

Ульяницкая Любовь Александровна **–** кандидат филологических наук (2019), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 40 научных публикаций. Сфера научных интересов: языковая политика, социолингвистика, языковые контакты, языковая интерференция. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0163-3243. E-mail: ulianitckaia_liubov@mail.ru

Шумков Андрей Арнольдович – доктор филологических наук (2009), доцент (2007), заведующий кафедрой иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: грамматика германских языков, общее языкознание, модели языка, переводоведение, теория языковых контактов. ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7326-4371. E-mail: noizen@mail.ru

REFERENCES

1. Komissarov, V.N. (2009), *Lingvistika perevoda* [Linguistics of translation], Knijnii dom "Librokom", Moscow, RUS.

2. Fedorov, A.V. (1963), *Yazik i styl hudojestvennogo proizvedenia* [Language and style of a work of art], Goslitizdat, Moscow, USSR.

3. Alekseeva, I.S. (2008), *Texte I perevod: voprosi teorii* [Text and translation: theoretical issues], Mejdunarodnie otnoshenia, Moscow, RUS.

4. Vinogradov, V.S. (1978), *Leksicheskie voprosy perevoda khudozhestvennoi prozy* [Lexical issues of the literal prose translation], Izd-vo Moskovskogo universiteta, Moscow, USSR.

5. Barhudarov, L.S. (1975), *Yazyk i perevod (Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda)* [Language and translation (Questions of general and particular theory of translation)], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, USSR.

6. Coster, de Ch. (1920), *Flemish legends with eight woodcuts by Albert Delstanche*, Transl. from French by Taylor, H., NY, New York Publishers, USA.

7. Zhuravleva, O.M. and Ulianitckaia, L.A. (2020), *Yazykovaya situatsiya v sovremennoi Bel'gii* [The linguistic situation in modern Belgium], Izd-vo SPbGETU, SPb, RUS.

8. Ulianitckaia, L.A. (2018), "Lexical and grammatical interference of the Flemish variant of the Dutch language", Abstract of Can. Sci. (Philol.) dissertation, ETU, SPb., RUS.

9. Coster, de Ch. (1917), *De Mensch en de Kunstenaar, door Lode Monteyne*, Drukker-Uitgever, Antwerpen, BEL.

10. Roemans, R. and Assche, Hilda van (1972), *Bibliografie van Stijn Streuvels,* De Nederlandsche Boekhandel, Antwerpen, BEL.

11. Schepens, L. (1980), *Kroniek van Stijn Streuvels,* Orion, Brugge, BEL.

12. Demedts, A. (1971), *Stijn Streuvels, een terugblik op leven en werk,* Orion-Desclée De Brouwer, Brugge, BEL.

13. Coster, de Ch. (1917), *Vlaamsche vertelsels*, transl. by Streuvels, S., L.J. Veen, Amsterdam, BEL.

14. Coster, de Ch. (1998), *Vlaamse legenden,* transl. by Spillebeen, W., Davidsfonds, Leuven, BEL.

15. Vermeiren, K. (1988), *Willy Spillebeen,* Vereniging voor Westvlaamse schrijvers, Torhout, BEL.

16. *Vlaamse Schrijvers 1830-heden*, Willy Spillebeen, available at: http://schrijversgewijs.be/schrijvers/spillebeen-willy/ (accessed 10.09.2021).

Information about the authors.

Olga M. Zhuravleva **–** Can. Sci. (History) (2003), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of more than 50 scientific publications. Area of expertise: history, history of St Petersburg, cultural history, intercultural communication, history of languages and cultures interrelations, methods of educational practice, educational models, business English with lexical approach. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1421-8783. E-mail: omzhuravleva@etu.ru

Liubov A. Ulianitckaia – Can. Sci. (Philology) (2019), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of more than 40 scientific publications. Area of expertise: language policy, sociolinguistics, language contacts, language interference. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0163-3243. E-mail: ulianitckaia_liubov@mail.ru

Andrey A. Shumkov – Dr. Sci. (Philology) (2009), Docent (2007), Head of the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: grammar of Germanic languages, theoretical linguistics, language models, translation studies, language contacts. ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7326-4371. E-mail: noizen@mail.ru

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

● по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:

➢ электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи»;

➢ каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;

➢ сведения об авторах (на русском и английском языках) (1 экз.);

● документы на листах формата А4 (по 1 экз.):

➢ распечатку рукописи, подписанную всеми авторами (объем статьи 20 000–40 000 знаков, включая пробелы). К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;

➢ рекомендацию кафедры (подразделения) к опубликованию (следует указать предполагаемую рубрику);

➢ сопроводительное письмо (только для авторов, не работающих в СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, *а*).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

• *Заголовочная часть*:

– УДК (выравнивание по левому краю);

– авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;

– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;

– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;

• текст статьи;

• приложения (при наличии);

• список литературы (библиографический список);

• справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);

– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название (Title);

– аннотация (Abstract);

– ключевые слова (Keywords);

– список литературы (References);

– справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

– заголовок «Список литературы»;

– библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, подряд начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте http://search.crossref.org/ или https://www.citethisforme.com.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В References совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI (см. http://ru.translit.net/?account=bsi). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

09.00.01 – Онтология и теория познания;
09.00.03 – История философии;
09.00.04 – Эстетика;
09.00.05 – Этика;
09.00.07 – Логика;
09.00.08 – Философия науки и техники;
09.00.11 – Социальная философия;
09.00.13 – Философская антропология, философия культуры;
09.00.14 – Философия религии и религиоведение.

Социология (по научным специальностям):

22.00.01 – Теория, методология и история социологии;
22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы;
22.00.05 – Политическая социология;
22.00.06 – Социология культуры;
22.00.08 – Социология управления.

Языкознание (по научным специальностям):

10.02.04 – Германские языки;
10.02.19 – Теория языка;
10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: *О. Н. Артунян, Н. В. Кузнецова, Е. А. Ушакова*
Компьютерная верстка *Е. А. Орловой*

Editors: *O. N. Artunian, N. V. Kuznetsova, E. A. Ushakova*
DTP Professional *E. A. Orlova*

Подписано в печать 20.12.21. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 21,32. Печ. л. 20,5. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 156.
Цена свободная.

Signed to print 20.12.21. Sheet size 60 × 84 1/8.
Educational-ed. liter. 21,32. Conventional printed sheets 20,5. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 156.
Free price.

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197376, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5 Professor Popov Str., St Petersburg 197376, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56